

**МИНИСТЕРСТВУ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ТЕРМЕЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОТДЕЛЕНИЕ МАГИСТРАТУРА**

КАФЕДРА ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

по специальности магистрант 5А 120301 «История Узбекистана»

На правах рукописи

ХАЙДАРОВА ГУЛНОЗА

**«ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННЫХ ПОХОДОВ АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО В СРЕДНЮЮ АЗИЮ.»**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистрант по специальности 5А220201 «История
Узбекистана»

Заведующий кафедрой истории Узбекистана: _____ д.и.н Ш.Б.Шайдуллаев

Научный руководитель: _____ д.и.н Ш.Б.Шайдуллаев

« _____ » _____ 2015-г

ТЕРМЕЗ – 2015-г

ТЕМА: Историография военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию.

Введение

Глава I. История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах античных авторов

- 1.1 История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Ариана.
- 1.2 История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Квинт Курция Руфа
- 1.3 История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Плутарха
- 1.4 История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Диодора
- 1.5 История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Юстина.

Глава II. Историография военного похода А. Македонского в Среднюю Азию.

- 2.1. Историография военного похода Александра Македонского в Бактрии.
- 2.2. Историография военного похода Александра Македонского в Согдиану.
- 2.3. Историография военного похода Александра Македонского в Саков Массагетов.
- 2.4. Маршрут Александра Македонского в Средней Азию историографии XX-XXI.

Заключение:

Литература:

Введение

Актуальность темы исследования: В период независимости Узбекистана наблюдается динамичное развитие исторической науки. Как отмечал Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, «Исключительно важное место в процессе возрождения и роста национального самосознания, и, если хотите, национальной гордости, занимает историческая память, восстановление объективной и правдивой истории народа, родного края, территории государства».¹

Историческая наука играет огромную роль в духовном возрождении нации, объективном отражении исторических процессов прошлого и современности. Это неоднократно отмечал Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов. В частности, Президентом были сказаны слова, которые имеют непреходящее значение: «Мы узнаем о народе по его культуре, через его духовность. История - это основа духовности народа... невозможно осознать себя без знания правдивой истории...»²

Интерес к личности и деятельности Александра Македонского всегда был велик. Именно Александр открыл новую эпоху мировой истории, когда эллинская культура распространилась по всему Средиземноморью. Без периода эллинизма невозможно представить развитие современной западной цивилизации.

Несмотря на весьма внушительное число работ, касающихся походов жизни и деятельности великого завоевателя, отдельные аспекты истории похода в Среднюю Азию (329-327 гг. до н. э.) остаются недостаточно освещенными или же требуют новой интерпретации. Одному из таких аспектов, а именно историографии военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию посвящена настоящая диссертация. Раскрытие причин волнений в армии позволяет лучше понять процесс формирования политической системы эллинистических государств и ответить на вопрос: почему, несмотря на противодействие, Александр смог проводить ориентализированную политику, направленную на быструю трансформацию македонского общества от демократизма к абсолютной монархии и заимствование восточных образцов.

Согласно источникам, политикой Александра были недовольны все: и аристократия, и рядовые воины. Однако возникает логическое противоречие: если решения царя не устраивали все социальные группы, представленные в армии, то почему в итоге Александру удалось успешно завершить многие из намеченных им мероприятий. Таким образом, поставленная проблема актуальна

¹ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т.6. Узбекистан Т.,1998. Стр.117.

² Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. Т.7. Узбекистан Т.,1999. Стр.135.

в силу своей недостаточной разработанности в современной и античной историографии, где основное внимание уделяется маршрутам и военных а также тактичексих, политических реформ похода Александра Македонского в Среднюю Азию.

Степень научной разработанности проблемы. Некоторым аспектам изучения историографии военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию посвящены работы античных, отечественных, и зарубежных историков как Арриан, Квинт Курций Руф, Плутарх, Диодора, Юстина Б. А, Литвинский, М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе, П. Левек, А.А. Попов, И.Н. Коровчинский, В.И.Кузищина, П. Бернар, Б.Г. Гофуров, С.И. Ковалев, И. Дройзена, А. Сагдуллаев, Ш. Шайдуллаев, Ш Пидаев, Б.Я Ставиский, М.Е Массон, В. В Бартольд, И.В Пянков, М. Х Исамединнов и др.

В ходе многолетних исследований получены уникальные материалы, позволяющие обогатить новыми страницами историю древней материальной и духовной культуры региона.

Историографический анализ показывает, что к настоящему моменту уже заложены историографические основы освещения Средней Азии. Однако эта проблема до последнего времени не выдвигалась в качестве самостоятельного объекта исследования.

В античной, отечественной и в зарубежной историографии преобладала апологетическая оценка личности Александра. Начало было положено работой И. Дройзена, в которой утверждалось, что Александр отказался от идеи превосходства греков и македонян над восточными народами, стремился к созданию мировой империи в соответствии с принципом равенства ее подданных³.

В диссертации используются также просопографические материалы, посвященные анализу деятельности лиц из ближайшего окружения Александра. Эти сведения стали необходимым дополнением для понимания сущности.

Отдельным дискуссионным вопросом в отечественной и зарубежной историографии выступают **источниковедческие проблемы**. Большинство сохранившихся источников имеют позднее происхождение, а все первичные источники либо утрачены, либо дошли во фрагментах, изложенных в работах поздних авторов. В работе использовались фрагменты утраченных сочинений первичных авторов – бывших современниками Александра или писавших сразу после окончания похода, – на которых базировалась поздняя традиция. Одним из важнейших первичных источников являются «Эфемериды» («дворцовый журнал»).

³ Дройзен И. История эллинизма. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – Т. 1: История Александра Великого. – 608 с.

Вторичная историческая традиция четко делится на два направления по отношению к Александру: апологетическое (сочинения Арриана и Плутарха) и антиалександровское, для которого характерно отрицательное отношение к царю (сочинения Диодора, Курция и Юстина, так называемая «вульгата»). Несмотря на определенную реабилитацию «вульгаты», наметившуюся в современной историографии, нельзя принимать методику работы с источниками, при которой текст Арриана просто механически дополняется сведениями Диодора, Курция и Юстина. К источникам нужно подходить взвешенно и обдуманно, а главным критерием при их изучении должны стать правдоподобность и логика. Если сообщения «вульгаты» соответствуют этим требованиям, то с их помощью можно корректировать текст Арриана.

В работе был также использован нумизматический материал, золотые и серебряные монеты Александра Великого важны, прежде всего, в таких вопросах, как определение титулатуры македонского царя на протяжении его правления и масштабов его завоевательных планов.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в том, чтобы всесторонне проанализировать и понять сущность походов Александра в Среднюю Азию, причины ее возникновения и масштабы распространения в армии.

Для достижения данной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Выявить изученных характер македонской армии перед началом Средне Азиатского похода и изменения в ней, произошедшие на протяжении военной кампании, что позволит понять, почему со временем ослабло сопротивление политике Александра;

2. проанализировать историками численность первоначального контингента, структуру пополнений, и на этой основе определить размеры потерь в армии в ходе завоевания;

3. рассмотреть историографию военных и политических реформ Александра и их роль выступлении армии.

Объектом диссертационного исследования выступает македонская политическая система и восточная политика Александра Великого.

Предметом Исходя из специфики реферируемой работы, предметом исследования являются труды античных, отчетвенных, и зарубежных авторов. В орбиту историографического анализа вовлечены почти все более заметные и ценные работы исследователей различного научного и познавательного направления, которые в той или иной степени причастны к изучению истории походов Александра Македонского в Среднюю Азию.

Хронологические рамки исследования обусловлены поставленной целью и охватывают период с 329 по 327 гг. до н. э. Этот промежуток времени позволяет выявить особенности политики, реформы и Александра.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является одной из первых аналитических работ, нацеленных на изучение историографии военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию. Проведена сводка работ отечественных и зарубежных авторов, в которых затрагиваются вопросы истории Средней Азии. Определена историография маршрута Александра Македонского в Среднюю Азию у исследователей XIX - XX вв. и их достижения в изучений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Во первых степень изучения античными историками как Арриан, Квинт Курций Руф, Диодор, Плутарх, Юстина походов Александра македонского в Среднюю Азию.

2. Во вторых проведенные научные исследования и труды отечественных, и зарубежных авторов играющую важную роль историографического анализа военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию.

3. А также степень изучения авторов различных стран о проведенные военных и политических реформ Александра Македонского в Бактрии, Согдиане и Саков Массагетов их отношения.

4. Выявления историография маршрута похода Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах исследователей XIX-XX века.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Исследования состоит в комплексном и объективном анализе историографии военных походов Алекасандра Македонского в Среднюю Азию XIX - XX вв, и включает следующее:

- выявлена степень изученности античными историками военного похода Александра в Среднюю Азию;

- определен маршрут военного похода Александра Македонского в Среднюю Азию, отечесвенными и зарубежными авторами в области изучения историографии XIX - XX вв;

- выявлена историография основных реформ проведенные в ходе похода Александра Македонского в Среднюю Азию;

Материалы диссертации могут быть широко использованы при написании монографий и подготовке обобщающих работ по истории Средне Азиатского народа, подготовке спецкурсов по дисциплине «Истории Государственности Узбекистана». Результаты исследования могут оказать определённую помощь специалистам и при разработке методических пособий и учебных программ по курсу «История народов Узбекистана».

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в статьях, опубликованных в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК Российской Федерации, в научных журналах и

тематических сборниках Термезского Государственного Университета. Положения исследования отражены в докладах и выступлениях диссертанта на различных научных конференциях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, каждая из которых содержит пять и четыре параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава I. История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах античных авторов

1.1. История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Ариана.

Арриан; Arrianos, из Никомедии в Вифинии, ок. 95—175 гг. н. э., греческий историк. Грек, римский гражданин, в юности слушал выступления Эпиктета в Никополе в Эпире. В царствование Адриана исполнял высокие административные должности. В 131 — 137 гг. был наместником в Каппадокии. Тогда же он курировал черноморское побережье; защищал провинции от набегов аланов. Ок. 140 г. осел в Афинах, где был архонтом эпонимом и пританом. Пребывание в Афинах — период его интенсивнейшего литературного творчества. Самые ранние произведения Арриана представляют собой философские сочинения, созданные под влиянием учения Эпиктета: Диатрибы Эпиктета (*Diatribai Epiktetu; fr.*), Разговоры (*Homiliai*) и Руководство (*Encheiridion*), которое является компиляцией двух предшествующих. Эти произведения, лишенные стилистических украшений, дают правильное изложение выступлений Учителя и потому представляются чрезвычайно ценными в качестве источника сведений о философии Эпиктета, который не оставил собственных сочинений. Периодом наместничества Арриана в Каппадокии датируется Плавание по Понту Эвксинскому, т. е. по Черному морю, отчет в форме письма к императору, заключающий в себе описание черноморского побережья, и небольшое сочинение под названием Аланика (*Alanike*), посвященное тактическим нововведениям, обязанным своим появлением опыту борьбы с аланами. Во время пребывания в Афинах было создано самое значительное произведение Арриана. Поход Александра Великого (*Anabasis Aleksandru*) в 7 книгах. Это произведение принесло Арриану славу хорошего историка. В то время, когда эпоху и деяния Александра уже заслонили легенды, Арриан старается показать Александра и его военные действия объективно, обращаясь с этой целью к самым ранним и наиболее достойным доверия источникам: писаниям Птолемея Лага и Аристобула, сподвижников Александра. Дополнением к этому сочинению служит Описание Индии (*Indike*), оно представляет собой этнографо-географическое описание Индии времен похода Александра. Арриан опирается в первую очередь на отчет Неарха о морском путешествии из устья Инда до устья Евфрата, а также на Описание Индии Мегасфена и Географию Эратосфена. Исчезло сочинение Арриана *Ta met` Aleksandron* (история посталександрийской эпохи) в 10 книгах, описывающее события ближайших лет после смерти Александра. Арриан опирался в нем на изложение истории диадохов Иеронимом Кардийским. Также не сохранились История Парфии (*Parthiaka*) в 17 книгах, содержащая историю парфян и уделявшая особое внимание Парфянским войнам Траяна, и История Вифинии (*Bithyniaka; fr.*) в 8 книгах, представляющая историю Вифинии до 74 г. до н. э., то есть до смерти Никомеда IV, который завещал свое царство Риму. К более мелким историческим сочинениям Арриана принадлежали 2

пропавшие работы по истории Сицилии и тоже несохранившаяся биография разбойника Тиллибора. Сохранилось сочинение Об охоте (Κυνεgetikos), опирающееся на аналогичное сочинение Ксенофонта и созданное, вероятно, тоже во время пребывания в Афинах. Арриан писал на аттическом диалекте, за исключением Описания Индии, где — возможно, по примеру ионийских логографов — воспользовался ионийским диалектом. Образцом для Арриана был Ксенофонт, которому он подражал не только в малых сочинениях, но и в Походе (название, число книг). Произведения Арриана не обременены риторикой, написаны лаконично, доступным и ясным языком, что в древности принесло ему славу выдающегося писателя⁴.

Изучение похода Александра Македонского в XX в. вступило в новую фазу⁵. Археологические исследования мест, по которым шли македонские войска, все больше и больше проливают свет на историю племен, некогда населявших эти местности. Вместе с этим мы узнаем очень много для выяснения важных частных деталей этого похода: какие организационные формы Александр заимствовал у местных государств для учреждения полисов и для устройства войска, вопросы культа, с которыми Александру пришлось считаться, и т. д. В этой связи и замечательный памятник «Поход Александра» в изложении Арриана становится более понятным.

Историк, изучающий эпоху Александра, имеет в своем распоряжении много памятников: монеты, архитектурные памятники, памятники быта, папирусы, пергаменты. Их с каждым годом становится все больше и больше. Имеется и ряд литературных текстов. Все они имеют свои тенденции, все в той или иной мере сами искажают предание о македонском полководце или отражают искаженный использованными источниками облик его. Среди этих литературных памятников выделяется уже упомянутый «Поход Александра», написанный пытливым Флавием Аррианом.

Один из основных вопросов для исследователей произведения Арриана о походе Александра Македонского — это проблема о его источниках, или иначе — о достоверности того исторического материала, который составляет костяк повествования. Важно также и то, как сумел Арриан использовать свои источники.

К сожалению, писем Александра Македонского в произведении Арриана сохранилось мало. Мы узнаем о письме Александра к афинянам, в котором Александр требует выдачи политических врагов. В нескольких словах приводится письмо к Олимпиаде, к матери, об индах. Интересны два письма к Дарию, жена которого, мать и дети оказались в плену у Александра. Письма эти приводятся подробно. Они возбудили большой интерес у читателей и стали темой риторических упражнений, как было уже сказано. В подлинности этих писем исследователи сомневались, пока одним из русских ученых она не была доказана⁶. В письмах содержались и частные сведения, и политические. Они

⁴ Античные писатели. Словарь-СПБ.; Издательство «Лань», 1999

⁵ W. W. Tarn. Alexander the Great. I-II. London, 1948.

⁶ W. Christ-Schmid. Geschichte der griechischen Literatur, II, 2. München, 1924, стр. 830 и сл. В этом руководстве собраны наиболее достоверные историко-литературные данные.

сохранились до Арриана, по-видимому, вместе с исключительно важным документом — «дворцовыми дневниками», которые, как полагают, велись с начала правления Александра. Мы не знаем, производились ли записи с такой же подробностью во всех частях этих «дневников», как в той части, о которой труд Арриана оставил более подробные сведения⁷. Здесь в исключительной последовательности рассказывается о том, как протекала последняя болезнь Александра. По-видимому, о «знамениях» здесь мало говорилось. А все подробности, касающиеся управления государством, приказы, политические события, отправление корреспонденции и изменения в личном составе учитывались в строго хронологическом порядке. Ведение этих записей требовало вдумчивой. Работы очень понимающего и ответственного лица. Возглавлял эту работу тот же Эвмен. Все деятели из окружения Александра, благодаря наличию «дневников», всегда могли быть в курсе тех дел и событий в государстве, которые их касались.

В «дворцовых дневниках» подробно рассказывалось о болезни и смерти Александра. Нельзя допустить, что при наличии подобного рода подробных записей Арриан ими не воспользовался бы должным образом. Дошли до нас глухие сведения о том, что какой-то историк Страттид из города Олинфа специально занимался эфемеридами Александра и написал, между прочим, 5 книг о его смерти. Возможно, что эта запись в «дневниках» настолько выделялась своей подробностью, что останавливала внимание не только Арриана. Ведь и с политической точки зрения последние дни жизни Александра приковывали внимание потомков. Всех должен был интересовать вопрос, умер ли Александр в результате болезни, или его отравили, — ядом часто пользовались и при македонском дворе, и при других эллинистических дворах⁸. Записано, как происходило прощание Александра с войском. Поднимается и важнейший вопрос: были ли сделаны распоряжения Александра о «престолонаследии». Особенно важно, что, по свидетельству Арриана, главные его источники, Аристокбул и Птолемей, писали примерно то же самое, что стояло в «дневниках». Эти подробные сведения отображают повседневный быт Александра, разумеется, в несколько необычной обстановке. Вопрос о наследнике не был решен Александром: заявление, что он завещает свое царство «наилучшему», толковали оставшиеся его сподвижники по-разному. Слово «наилучший» не совсем исчерпывает значение греческого термина, содержащего еще оттенок «наихрабрый». Думается, что эти слова «отредактированы» в «дневниках» несколько тенденциозно, как и последующее указание Александра на то, что после его смерти произойдет большая борьба. Она развязалась почти сразу же. Естественно, что Александр

⁷ Арриан. Поход Александра, VI.1.25-26. Глава 24 взята не из «дневников», а скорее всего рассказана по Аристокбулу, на которого Арриан ссылается.

⁸ Papyrus Schubart 35: «Один кубок яда доказал, что великий Александр был смертен», См.: R. Merkelbach. Literarische Texte unter Ausschluss der Christlichen. Archiv f. Papyrusforsch., XVI. 1956. стр. 125. Подозрение, что Александр был отравлен, полностью не удалось устранить, оно и сейчас существует в литературе. Правда, Арриан приводит также версии об убийстве, которые он и сам считает неправдоподобными..

ее предугадать не мог, да и предсмертная агония лишила его возможности политического пророчества.

Помимо «дневников» Арриан пользовался и литературными трудами. Если в «дневниках» можно усмотреть некоторые следы тенденциозной обработки, то в литературных трактатах, которые были в распоряжении Арриана, места для политических разноречивых тенденции было много. Некоторые авторы стояли на стороне Александра, другие в большей или меньшей степени были настроены к нему враждебно. Положение Арриана было сложное. Он следовал только рассказам современников-очевидцев: Птолемея, сына Лага, и Аристубула, сына Аристубула. Мотивирует он этот выбор тем, что они имели возможность видеть то, что делал Александр, так как участвовали в походе. Птолемея, который сам стал царем, первым эллинистическим⁹ правителем Египта, его официальное положение лишало возможности исказить истину. Другие многочисленные авторы описаний жизни и деятельности македонского царя писали тенденциозно: жившие еще при Александре побаивались его и поэтому писали только то, что ему было угодно, остальное же умалчивали или приукрашивали, рассчитывая на вознаграждение или надеясь сделать карьеру за изложение, удобное могущественному царю.

Не следует, однако, упрекать Арриана в пристрастии. В одном случае он пользуется свидетельством Аристубула, чтобы изобличить Птолемея. Птолемей пространно расписывает¹⁰, какие он преодолевал трудности, чтобы по приказанию Александра поймать бежавшего Бесса, а Аристубул рассказывает, что Бесса привели к Птолемею персидские военачальники, «передали его Александру голого и в ошейнике». Откуда у Аристубула такие сведения, мы не знаем, но сам по себе этот более простой рассказ довольно правдоподобен.

Если, таким образом, Птолемей как источник вырисовывается довольно определенно, то особенности повествования Аристубула менее ясны. Он любил географические экскурсии¹¹, охотно говорил о чудесных знамениях и вообще о сверхъестественных явлениях. Так, он подробно рассказывает о сирийке, находившейся при Александре, «одержимой божеством», предупреждавшей его о предстоящих бедствиях¹², и также подробно останавливается на «знамении» перед последней болезнью Александра¹³. Очевидно, об этом в «дневниках» не было ни слова, иначе Арриан не сослался бы специально на Аристубула. Вообще он любил рассказы о чудесном. Эта страсть Аристубула хорошо иллюстрируется обоснованием, почему Александр встреченный на пути остров назвал Икаровым¹⁴, или эпизодом с моряком, надевшим случайно

⁹ См.: Eugen Pridik. de Alexandri Magni epistolarum commercio. Dorpat. 1893

¹⁰ Арриан. Поход Александра III. 30.2-3.

¹¹ Там же, III.30.7.

¹² Там же, IV.13,5. сл.

¹³ Там же, VII.24.1. сл.

¹⁴ Там же, VII.20.5.

диадему Александра¹⁵. По-видимому, Аристобула не столько интересовала судьба моряка, сколько то, что этот случай тоже был использован как «знамение», предвещавшее смерть Александру, а Селевку «великое царство». Что Аристобул был знаком с перепиской своего начальника, видно из сведений, имевшихся у него по делу Дария. Да, пожалуй, и сообщение о плане Дария, перехваченное Александром, характеризует Аристобула как человека, знавшего о переписке македонца¹⁶. В «дневниках» об этом не было ни слова, а Птолемей о данном документе ничего не написал. Иногда свидетельства Аристобула говорят не в пользу деятельности Александра. Так, по словам его¹⁷, значительная часть отправленного против скифов войска погибла, попав в засаду, устроенную скифами. У Птолемея, по-видимому, этот эпизод не был упомянут. Не исключено, что Аристобул, увлекаясь рассказом, сказал то, чего он знать не мог. Не в пользу Александра говорит и рассказ о взятии «Седьмого города» в Скифии. Арриан пишет: «... по словам Птолемея, жители сдались сами; Аристобул же рассказывает, что и он был взят приступом и что перебили всех, кого там захватили. Птолемей же говорит, что Александр роздал людей своим солдатам и приказал им держать их в цепях до тех пор, пока он не уйдет из этой страны: пусть не останется никого из участников восстания». Возможно, что Птолемей в своих записях проявлял тенденцию смягчить сведения о жестокости Александра. Там, где Арриан сохранил нам противоречивые показания Аристобула и Птолемея, более здравый смысл и большая осведомленность последнего не подлежат сомнению. Взять хотя бы описание битвы с сыном Пора. Дело касается переправы через Гидасп. Аристобул говорит, что в распоряжении Пора было 60 колесниц, выделенных ему отцом для встречи Александра, и что Пор дал Александру возможность переправиться через реку. Арриан же указывает, что по другим рассказам Пор вступил в сражение с Александром на месте высадки и что Пор прибыл с большим войском. Птолсмсй, наконец, тоже указывая на наличие большого войска, рассказывал так убедительно о столкновении между Пором и македонским царем, что Арриан следовал только его сообщению¹⁸. Из неоднократных упоминаний Арриана, что он следует только показаниям Аристобула и Птолемея, вытекает с очевидностью, что если на эти два источника не делается ссылок, то он следует версиям других писателей, о которых мы ничего не знаем. Порой отсутствие свидетельств Птолемея и Аристобула заставляют высказаться Арриана и на основании собственного опыта¹⁹. Арриан нашел ссылку на то, что римляне отправили к Александру, уже прославленному своими завоеваниями, посольство и что Александр предсказал Риму будущую его мощь. «Я сообщаю об этом, как о событии не безусловно

¹⁵ Там же. VII.22.4.

¹⁶ Там же. III, 11.3.

¹⁷ Там же, IV.6-1.

¹⁸ Там же, V-14,4-5: «Но Птолемей, сын Лага, которому я следую, рассказывает иначе».

¹⁹ Там же, V.7.1: «О том, как сделан был для Александра мост через Инд, не говорят ни Аристобул, ни Птолемей, которым я главным образом следую». И дальше он рассказывает о способе мостостроения, который он знает, по-видимому, из собственной практики.

достоверном, но и не вовсе невероятном. Следует, однако, сказать, что никто из римлян не упоминает об этом посольстве к Александру и о нем не пишут ни Птолемей, сын Лага, ни Аристокбул, историки Александра, которым я наиболее доверяю». Правда, тут Арриан, сообщая об этом посольстве, называет имена авторов: это Арист и Асклепиад. Диодор²⁰, отражая версию, сообщает, что к Александру потянулись посольства от всех, кто населял северное побережье Средиземного моря и вплоть до Геркулесовых Столбов, т.е. кельты и иберийцы. Несмотря на то, что привязанность Арриана к Риму могла бы заставить его поддерживать эти лестные для Рима сведения, он отвергает их. Асклепиад известен только по этому месту Арриана. А Ариста мы знаем еще по Страбону²¹, сообщающему, что он родом с острова Саламин и жил позже Аристокбула.

Иногда Арриан повествует о событиях, о которых его основные источники не упоминают; они сами по себе возбуждали сомнение в достоверности. В этих случаях ссылка на отсутствие соответствующих сведений у Аристокбула и Птолемея означает, что Арриан этих рассказов не признает. К таким сообщениям относятся рассказы об организованном якобы Александром торжественном шествии через Карманию: Александр будто бы возлежал на двух соединенных вместе коврах и, сопровождаемый солдатами, под звуки флейты прошел этой пышной процессией, называвшейся «триумф», в подражание вакхической свите бога Диониса. Арриан высказывает по этому поводу сомнение: «У некоторых писателей есть рассказ, не заслуживающий, по-моему, доверия... Об этом, однако, не пишут ни Птолемей, сын Лага, ни Аристокбул, сын Аристокбула, и вообще никто, чьему свидетельству об этом можно было бы поверить». Арриан, по-видимому, отвергает также рассказ о том, что Атропат, сатрап Мидии, привел к Александру сотню женщин-амазонок, что Александр велел убрать их из войска и якобы дал знать царице амазонок, что он придет к ней, так как желает иметь от нее детей. «Обо всем этом, — говорит Арриан, — нет ни слова ни у Аристокбула, ни у Птолемея, вообще ни у одного писателя, рассказу которого о таком исключительном событии можно было бы поверить». Есть и другие расхождения между Аристокбулом и Птолемеем, которые объясняются лучшей осведомленностью Птолемея. К ним относятся, например, сведения о марше Александра с войсками через пустыню. Птолемей утверждает, что перед войском появились две змеи, наделенные голосом. Аристокбул же говорит о двух воронах, летевших перед войском. Арриан утверждает, что рассказ Аристокбула является обычной версией. Он признается в том, что допускает божественную помощь Александру: это правдоподобно само по себе, если проследить удачу этого полководца. Но разноречивость этих версий заставляет усомниться в точности сведений.

Нельзя считать источниками Арриана ни Ктесия, ни Гекатея, ни Геродота, ни Ксенофонта. Высоко ставил Арриан Эратосфена из Кирены, крупного

²⁰ Diod. XVII.113

²¹ Strabo, XIV.682; XV.730.

ученого (III в. до н.э.), одного из руководителей знаменитой библиотеки в Александрии. Он считал его большим знатоком географии Индии, так же как и Мегасфена (IV в. до н.э.) и Неарха, флотоводца Александра, и использовал всех этих писателей, когда создавал свою «Индийскую историю» («Indica»). При всем уважении к Эратосфену Арриан не все его показания берет на веру. «Что касается меня, — пишет он, — то я не во всем согласен с киренцем Эратосфеном, по словам которого, рассказы македонцев о том, что совершенно богами, имели целью только польстить Александру и сверх меры возвеличить его». Арриан большое доверие питал и к Мегасфену. В своем труде он предпочитает пользоваться свидетельствами исследователей, лично наблюдавших события и объекты, о которых они пишут. А об Мегасфене Арриан знает, что Индия потому ему хорошо знакома, что он жил у Сибиртия, сатрапа Арахозии, и часто бывал у индийского царя Сандракотта.

Этот краткий перечень далеко не исчерпывает источников Арриана. Особенно мало мы можем сказать о тех писателях, на которых он ссылается, но которых не называет по имени. А таких было немало. Поучительным примером служит рассказ Арриана о столице Сарданапала. Содержание его таково: Александр вышел из Тарса и прибыл в город Анхиал, который, по преданию, основал ассириец Сарданапал. Внимание Александра привлек могильный камень Сарданапала, изображенного во весь рост. Руки его были сложены так, как складывают обычно при хлопании в ладоши. Под памятником находилась надпись на ассирийском языке. «Ассирийцы говорили, что это стихи». Дальше Арриан передает содержание надписи, в которой Сарданапал с гордостью сообщает о том, как он построил в один день города Анхиал и Тарс, и приглашает путников есть, пить и забавляться. «Все остальное в жизни не стоит и этого»: намек на тот звук, который издают хлопающие ладони²². Сарданапал не является исторически определенным лицом. В греческой литературе он выступает как человек, предававшийся всю жизнь чрезмерным наслаждениям. Он считал, что жизнь коротка, поэтому необходимо торопиться жить, чтобы не упустить никаких наслаждений. Кроме наслаждений, в жизни ничего ценного нет. Ряд писателей, высказывавшихся о Сарданапале, истолковывали жест ассирийского царя не как аплодисмент, а как щелчок, который своим кратким звуком символизировал никчемность, бренность всей жизни. Но в интересующем нас тексте несомненно говорится об аплодисменте, и Арриан, по-видимому, связал этот жест с приглашением веселиться. Археологические раскопки в этих местах и в наше время обнаружили фигуры, у которых руки сложены на животе, жест, который видевший не мог толковать как щелчок. Каллисфен говорит, что Сарданапал был изображен с высоко поднятыми над головой руками, как для щелчка Мы, таким образом, восстановили еще одно свидетельство Аристубула, любителя отступлений от хода рассказа и любителя

²² Арриан. Поход Александра, I,4.5. Жертвоприношение по случаю переправы через Инд (V.3.6) и другие примеры. II.5.2 сл.

легенд. Кроме того, мы убедились, что Арриан, пересказывая сведения источников, не всегда, видимо, был точен.

Организационные формы армии Александра были в значительной степени унаследованы им от Филиппа [52]. Однако во время грандиозного, длительного передвижения войска на восток происходили значительные перемены в структуре войска, произведенные Александром или его помощниками по мере необходимости или по образцу персидских обычаев, которые Александр творчески воспринимал для того, чтобы поднять боеспособность македонской армии. По мере продвижения на восток македонцев становилось все меньше (из-за потерь в боях), так что без значительного привлечения туземного населения военные силы Александра оказывались явно недостаточными. Вовлечение местных жителей в армию имело своим последствием уравнение [31] в правах македонцев и персов, участвовавших в походе. Организационные формы войска Александра Македонского определялись традициями тех отдаленных времен «гомеровской» эпохи, когда военные силы возглавлялись «царем» и его дружиной. В войсках Филиппа и его наследника «друзья» — члены дружины — назывались «гетерами». В других частях древнего мира они назывались на каждом языке терминами, означающими «друзья». Но гетерами обозначались вообще все близкие царю должностные лица. Этот термин у македонцев был идентичен термину гомеровского эпоса. У остальных греков он обозначал довольно узкий, замкнутый круг родовой знати. Традициями глубокой древности был освящен «совет гетеров», решавший наиболее важные вопросы в жизни государства. Но надо у честь, что у же Филипп вовлекал в свои военные силы немакедонцев. В таком пестром, смешанном войске наибольшим доверием были, конечно, наделены македонские воины и их военачальники — гетеры. Первоначально знать, т. е. гетеры, приближенные царя, были начальниками конницы. Конница [32] в македонском войске распадалась на «илы». Существовало семь ил, носивших названия областей, из которых они набирались. Восьмая ила называлась «царской». Из названий ил по городам и областям можно заключить, что войско набиралось по территориальному принципу. Только восьмая ила создавалась по другому принципу и составляла нечто вроде царской конной гвардии. Верховное командование принадлежало «гиппарху» — начальнику конницы. Громадные расстояния, преодолеваемые македонским войском во время похода на восток, чрезмерное удаление от своей македонской базы, создание обширной разноплеменной империи за счет завоеванных земель — все это заставляло Александра пополнять ряды конных войск солдатами из других народностей и отказаться от территориальных прозвищ ил. Взамен этого вводятся гиппархии, подразделения которых становятся илы. Термин «гетеры», кроме кавалерии, распространяется и на другие виды войск. Наряду с конницей гетеров македонское войско располагало и пехотой знатного, т.е. македонского, происхождения — это была «пехота гетеров». Ее иногда по виду построения называли «фалангой». Первоначальный состав этой пехоты в дальнейшем пополнялся солдатами немакедонского происхождения. Вооружение было тяжелое: шлем, щит, поножи и так называемая «сарисса», т.е. такое большое

копье, которое нужно было держать обеими руками; оно [33] служило для ударов по вражеской пехоте. Пешее войско разделялось на полки. Первоначальный принцип набора и для пеших полков был территориальным: по-видимому, князья приводили своих воинов из возглавляемых ими областей. Количество воинов, составлявших один полк, вряд ли было регламентировано. Пешие полки делились на «лохи», во главе которых стояли предводители лоха, или «лохаги». Лохи делились на «декады» под начальством «декадархов». Декада буквально значит «десяток», но это название уже в интересующее нас время имело чисто условное значение. Особую группу пеших войск образуют «щитоносцы». Точное значение этого термина неясно. Существует много толкований: одни полагают, что щитоносцами назывались воины, к обязательному вооружению которых принадлежит щит, в противоположность тем войсковым частям, которые щита не носили; другие думают, что щитоносцы носили щиты особой формы или размеров; третьи определяют их как особую часть войска, состоящую из оруженосцев царя. Часть щитоносцев составляет так называемую «агему». Так же как в коннице существовала царская ила, в пеших частях находилась «царская агема», или агема македонцев. Это была отборная часть пехотинцев.

В македонских войсках наблюдается большая пестрота названий частей, свидетельствующая о том, что и набор производился по-разному. Назывались они по роду оружия, по этнической принадлежности и некоторым другим признакам. Так, инородцы иногда просто назывались по племенному своему составу. В войске Александра были, например, фракийские конники, пешие фракийцы. Особую роль играли агриане. Они постоянно находятся в составе легких нападающих подразделений, вооруженных дротиками. Их вождь Лангар был в дружбе с Александром, а до него с Филиппом. Они обычно располагались на флангах. В составе македонских войск находились и фессалийские всадники, всадники-сариссоносцы, т.е. вооруженные длинными и тяжелыми копьями — сариссами. Существовали кавалерийские отряды под названием «бегуны», или «предшественники» {, их задача не совсем ясна. Часто говорят о пэонах-бсгунах. В войске Александра некоторые племенные названия означали и особенный род войска, по-своему вооруженный, особо построенный, действующий своими приемами. Вероятно, такбылоспэонами, агрианами, фракийцами и другими племенами. Новшеством эллинистического времени было введение не только придворных, но и военных званий. Ближайшее окружение царя составляли «телохранители», т. е. доверенные люди, [34]которым вменялось в обязанность охранять неприкосновенность царя. Во время похода и в боевой обстановке состав этого окружения подвергался изменениям и функции его значительно менялись. При персидских царях и князьях придворные обычаи имели много общего с обычаями македонского двора. Поэтому ряд званий, которые считаются македонскими, на самом деле азиатского происхождения. Возможно, что не только македонцы знали «друзей» в окружении царя, но и другие, неевропейские племена. Что Александр заимствовал ряд званий у персон, об этом рассказывает Арриан.

По персидскому образцу было введено звание «родственников» царя {54}. Так, один из заслуженных командиров конницы «друзей» напомнил Александру о причине недовольства македонцев: «Македонцев огорчает то, что ты уже породнился с некоторыми персами: персы зовутся «родственниками» Александра и целуют тебя; из македонцев же никто не вкусил этой чести». Что это был персидский обычай, подтверждают и другие писатели {55}. В эллинистических армиях со времен Александра появляется титул — «равный по достоинству» { . Полностью этот титул гласит: «равные родственникам царя по достоинству». Это исконно персидское звание расширяет круг родственников царя: им по знатности приравнивают людей, не находившихся с царем в родстве. Своеобразные отряды составляли «потомки»: «Пришли к нему сатрапы из новых городов и завоеванных земель; с ними прибыло около 30000 юношей, вошедших в тот возраст, о котором Александр говорил, что это «потомки». Это были молодые люди, которых Александр велел воспитывать в македонском духе для пополнения армии {57}.

ОТНОШЕНИЕ АРРИАНА К АЛЕКСАНДРУ

Арриан в Александре видит исключительно выдающегося политического и военного деятеля. Его как специалиста привлекают описания приготовлений Александра к осадам, проведение осад, боевые порядки войск и использование различного вида вооруженных сил в сражении. Он пишет не только биографию своего героя, сколько записывает все дела Александра-полководца. «Нет другого человека, который — один — совершил бы столько и таких дел; никого нельзя ни у эллинов, ни у варваров сравнить с ним по размерам и величию [35] содеянного» {58}. Несмотря на столь положительный отзыв, Арриан далек от того, чтобы не замечать отрицательных сторон македонского полководца и не порицать его. Критическое свое отношение к Александру он резюмирует в последних частях своего труда. Арриан отмечает, что Александр чрезмерно любил похвалу. Это мы видим на протяжении всего рассказа. Возражение, несогласие с ним доводили его до отвратительных проявлений вспыльчивости.

Арриан несомненно сочувствует смелости Каллисфена, который критикует пристрастие Александра к сверхчеловеческим почестям, его отступление от македонских и общегреческих обычаев. Даже если в соответствующих частях рассказа Арриан недостаточно резко выступает против такого поведения своего героя, уже одно то, что он весьма подробно рассказывает о возмущении Каллисфена и других македонцев и греков, свидетельствует, что в глубине своей души он сочувствует недовольным. А в конце произведения Арриан стремится объяснить проступки Александра. Нужно сказать, что эти объяснения очень похожи на оправдание. Он объясняет большинство проступков молодостью Александра, увлечением удачей, угодничеством окружения. Возведение своего рода к богам нужно было Александру для того, чтобы царская власть в глазах подданных была религиозно санкционирована. Чтобы как-то оправдать ее существование, Александру надо было обосновать ее божественным происхождением, показать, что она является просто продолжением царской власти

«гомеровской» эпохи. Арриан должен был бы бичевать такое заблуждение Александра, настаивать на надуманности происхождения от божественных предков. Но вместо этого, замалчивая эту оскорбительную для греков фикцию, он выводил право Александра на царскую власть из величия его деятельности. Он призывает читателей к тому, чтобы они меньше подчеркивали предосудительную сторону его деятельности, а больше признавали историческую обоснованность его достоинств. Александр, так рассуждает Арриан, значительно уменьшает свои проступки тем, что он в них признается{59}. Угодничество окружения, выражающееся в восхищении его поступками, замечается и в толкованиях сновидений и предсказаний; они, мол, даже в интересах македонцев. Если же греки [36] (*страница с рисунком. — Смолянин*) [37] и македонцы чувствовали себя оскорбленными тем, что Александр вводил персидские обычаи, то это недоразумение: Арриан в этом видел преимущественно желание Александра стать персидскому народу более понятным, более близким. Кроме того, он этим способом хотел обуздать заносчивость македонцев-победителей. По-видимому, Арриан своим преклонением перед Александром воздал дань обстановке императорского Рима, правящая верхушка которого безоговорочно одобряла поступки Александра. Арриан как будто опасается этого и в последних словах своего труда объясняет, что он бранит дела македонца только из стремления к правде и желая принести пользу читателям.

Любопытно отношение Арриана к источникам. Он предпочитает такие свидетельства, которые логично, последовательно, без прикрас излагают деятельность Александра. Если в его распоряжении оказывается несколько противоречивых источников, он, приводя ради занимательности часто даже такие утверждения, которым верить нельзя, высказывает свое неодобрение{60}.

Арриан писал во II императорском веке, т.е. в эпоху так называемой «второй софистики», когда появились риторы-декламаторы, создавшие особенно роскошный стиль с риторическими фигурами, ритмической прозой и иногда отталкивающей читателя пышностью речи. Самой большой похвалой для Арриана служит то, что он очень далек от этого недостатка повествовательной литературы. Единственными риторическими эффектами у него были разве блестяще написанные речи. Нельзя предполагать, что Арриан их нашел у Ариостоула или Птолемея. Он их, вероятно, сам составил, исходя из описываемой ситуации. Если этих речей и не было, то они могли бы быть произнесены теми лицами, которым их приписывал Арриан. Таков был литературный стиль древних. Так писали Геродот, Ксенофонт, Фукидид, так писал Цезарь и многие другие. Некоторые речи нельзя читать без волнения. К таким речам (иногда даже диалогам) относится речь Пармениона{61} и ответ Александра по поводу переправы через реку Граник, речь Александра о походе на Египет{62}, речь Каллисфена{63} о его миссии при Александре и о поведении последнего. В виде прямой речи изложено распоряжение, которое Александр дал Кратеру{64}, Птолемею{65}.

Особо нужно выделить выступление Александра перед военачальниками, [38] в котором он стремился поднять настроение войска {66}. Эта речь широко освещает достижения армии Александра — ее завоевания и стратегическое положение. Особенно интересен ответ старого заслуженного воина Кена {67}. В нем Арриан, сам того, может быть, не желая, излагает устами оратора одну из основных причин крушения похода Александра. Кен в скромной трезвой форме напоминает Александру о больших потерях, понесенных армией за истекшие годы похода: «Ты видишь сам, сколько македонцев и эллинов ушло вместе с тобой и сколько нас осталось». Много солдат выбыло, когда у жителей Фессалии отпала охота «нести тяготы войны и походов». Их Александр отпустил домой. Греков селили в новые, основанные Александром города (не все остались там добровольно). Много народу погибло в боях. Неспособные по возрасту и состоянию здоровья продолжать поход «рассеялись кто где по Азии». Много народу умерло от болезней. Эти и другие причины значительно подорвали боеспособность армии. Отсюда и мучительная тоска по родине.

Среди других речей следует еще отметить обращение Александра к войску после казни 13 македонцев {68}. Он выступил с восхвалениями Филиппу, отцу, указал на рост культуры у македонцев, подробно рассказал о том, как они получили власть над Элладой. Александр подчеркивал свои заслуги перед общим делом, щедрость свою и указал на большую демобилизацию войск. Некоторые из этих речей являются образцом ораторского искусства {69}.

Следует еще отметить нравоучения, морализирование. Оно тоже входит в стиль писателей — современников Арриана. Но у Арриана их очень мало. Среди них следует особенно обратить внимание на восхваление умеренности, на умение обуздывать себя. «Так уменье владеть собой и себя обуздывать внушает уважение даже врагам» {70}; «ничто не дает человеку счастья, если этот человек, совершая великие, как кажется, дела, не обладает в то же время умением себя обуздывать» {71}. Когда Арриан рассказывает, что разгневанный поведением Клита Александр убивает его, он довольно резко упрекает Александра: «Я сильно порицаю Клита за его дерзкое поведение с царем; Александра я жалею в этой беде; он обнаружил, что находится во власти двух пороков, а именно, гнева и пьянства — разумному [39] человеку не подобает быть во власти даже одного из них» {72}. Это были те недостатки, которые Арриан обнаружил в поведении Александра. Правда, кроме указанных, Арриан еще и в других местах своего труда высказывает свои моральные принципы, касающиеся самых различных вопросов. Так, он рассказывает, что Александр, увидев дочь Оксиарта, Роксану, «влюбился в нее». Но Александр «не захотел обидеть пленницу и счел ее достойной имени жены... Он ... сумел обуздать себя, хотя был молод и находился на вершине счастья, когда люди позволяют себе все. Он же отнесся к женщине с уважением и жалостью; проявил большое самообладание и вполне уместное желание доброй славы» {73}. Очень высоко ценил Арриан храбрость Александра, вернее, тот идеал храбрости, который современники Александра связывали с именем македонца. Когда однажды Парменион стал уговаривать Александра напасть на персов ночью, когда те

никакого нападения не ожидали, Александр, якобы, ответил, «что стыдно Александру красть победу: ему надлежит победить в открытую, без хитростей»{74}. Хотя эти слова, как каждому понятно, не могли быть искренними (мы видим, что Александр пользовался любыми хитростями, любым обманом, добиваясь победы), македонец и во врагах своих ценил смелость. Свидетельством этому является его отношение к сыну царя Пора. Он, уговаривая войска вторгнуться в персидские владения, даже прибег к хитрому лозунгу, что выступает против персов как мститель за их бесчинства в отношении эллинов. Арриан совершенно справедливо отмечает лживость этой агитационной фразы. Александр мотивировал перед Парменионом свою вражду к персам тем, что он желает наказать персов за то, что, вторгшись в Элладу, они разрушили Афины и сожгли храмы; за великое зло, причиненное эллинам, они и несут теперь ответ. По мнению Арриана, однако, Александр действовал безрассудно, и не было здесь никакого наказания древним персам{75}. Возражений Александр не любил, как не любил он всех тех, кто мыслил иначе, чем он.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Взаимоотношения между государствами в древности были чрезвычайно примитивны{76}. Чужой и враг были синонимами. Лишь на основании специальной договоренности чужой или чужие могли приобрести [40] право на самостоятельное существование. Такая самостоятельность обозначалась термином «автономия», что буквально означало «пользование собственными законами». Этим политическим термином Арриан называет, например, положение маллов — «независимое индийское племя». Современные ученые предполагают, что такие племена не находились под централизованной властью каких-либо князей, а жили по укрепленным селениям (Арриан называет их городами). Таких укрепленных мест было много. Сопротивлялись они ожесточенно и вооруженной силой обладали большой. Такими же «автономными» народностями были, по словам Арриана, оксидраки. С ними маллы находились в союзе, и покорение маллов войсками Александра повлекло за собой сдачу земли и населения Александру, который назначил условия сдачи и поставил над ними в качестве сатрапа Филиппа. Подобные автономные племена встречались Александру на пути в большом количестве: абастаны, согды, оссадии, ориты и другие{77}. Имели ли эти племена какое-нибудь подобие государственного образования или нет, пока трудно сказать. Так, Арриан утверждает, что у согдов была царская столица{78}. Мы привели здесь этот перечень племен, не собираясь вдаваться в вопросы их общественного устройства. Очень характерно для воззрения Александра, что эти племена он мог подвергать разгрому за одно лишь то, что они не прислали ему знаков покорности. Так, оксидраки, которые явились для переговоров с Александром, «принесли дары, которые считаются у индов самыми почетными, и заявили, что они и племя их сдаются Александру. Они совершили ошибку, заявили они, не явившись к нему еще раньше, но ошибка эта заслуживает прощения. Они жаждут, как и другие, и даже больше других, свободы и независимости (т.е. автономии, — О.К.)... Если же Александру угодно..., то они примут сатрапа,

которого он поставит, и будут вносить дань, которую он назначит» {79}. Из этих слов следует заключить, что оксидраки, теряя «автономию», не станут государством. В потере автономии они видят необходимость подчиниться верховной власти царя Александра, платить ему дань. Сатрапа, поставленного Александром, они рассматривают как наместника его. Разумеется, что с этим связано и более крепкое организованное объединение отдельных укрепленных пунктов, которые у большинства из перечисленных племен существовали более или менее независимо [41] друг от друга. Итак, право на существование такие объединения племен или государства приобретали лишь тогда, когда они присылкой «подарков» свидетельствовали свою покорность. Очень красноречивый пример представляют сношения с Мусиканом.

Александр направился в его область, узнав о ее богатствах, «...между тем Мусикан не выходил ему навстречу с изъявлениями покорности за себя и за свою страну, не посылал послов ради заключения дружбы, сам не прислал никаких даров, приличествующих великому царю, и ничего не просил у Александра» {. Впоследствии, однако, Мусикан вышел навстречу Александру с дарами, привел в дар, между прочим, слонов, покаялся в поведении своем, отдал и себя и свой народ во власть Александра. Александру это понравилось. Он оставил ему власть над страной, но укрепил кремль в городе и поставил в кремле гарнизон с целью наблюдения за окрестными племенами. Из этого примера — а подобных примеров у Арриана несколько — мы узнаем, что первым шагом для того, чтобы получить признание со стороны Александра, была присылка даров подходящего объема и приличной ценности. Эти дары должны были привезти либо послы или особо уполномоченные из знати лица, либо, как в примере автономных племенных объединений, представители «городов» и другие авторитетные лица. Если дары и сопровождающие их речи или письма оказывались угодными Александру, можно было заключить договор о «дружбе» с соответствующим государством. Эта «дружба» не исключала все же вступления солдат Александра в город и использования его в качестве стратегического пункта для наблюдения за окрестными покоренными или еще непокоренными племенами. Из приведенных соображений видно, что заключение «дружбы» (нечто вроде признания государства *de jure* в современном смысле слова) означало уже некоторый отказ от самостоятельности (дань, поставка военных сил, допуск гарнизона на свои территории и т.д.). На такие договоры у Арриана много указаний: кельты искали «дружбы» у Александра, а он «давал им и брал у них гарантии» {81}. Пафлагония отправляет к нему посольство, сдается всем народом и приходит с ним к соглашению {82}. Среди условий такого «соглашения» очень часто на первом месте стоит обязательство участвовать в военных действиях Александра {83}. Иногда важнейшее условие о совместных военных операциях служило содержанием особого договора, который Александр либо заключал отдельно, [42] либо одновременно с договором о «дружбе» {84}. Когда кельты обратились к Александру через посланцев, Александр заключил с ними договоре «дружбе» и совместных военных действиях. Послам скифов Александр дал благосклонный ответ, а с Фарасманом он заключил союз о

«дружбе» и совместных военных действиях {85}. По-видимому, этот эллинистический правовой обычай был унаследован римским международным правом. Любое государство, любое племя или племенное объединение только в том случае признавалось как «автономно» существующее, если оно состояло в «дружбе» с римлянами, т.е. называлось «другом» римлян.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАВОЕВАННЫХ АЛЕКСАНДРОМ ТЕРРИТОРИЙ

Как правило, Александр Македонский, завоеывая прежние персидские территории, присоединял их к своему государству, не изменяя государственного аппарата своих предшественников, т.е. персидских царей. Вся персидская монархия распадалась на сатрапии, т.е. территориальные деления, во главе которых стояли сатрапы. При Дарии Бесс был сатрапом, как родственник его. Он распоряжался всеми государственными делами вверенной ему провинции. У Александра была тенденция, сохраняя институт сатрапов, заменять персидских сатрапов доверенными людьми из своего окружения. Но вынужденная осторожность заставляла Александра в той или иной форме обеспечивать двойное верховное начало. Сатрапы как начальники крупных территорий возглавляли и громадные военные силы, их основные функции были военные. Поэтому нужно было строго ограничить их военные функции, так как они могли сделаться опасными для Александра. Значительно ограничивалась компетенция сатрапа хотя бы уже тем, что во главе городов, входивших в сатрапии, стояли другие должностные лица, как начальники крепостей и находившихся в них значительных отрядов, под названием «стратегов». Они были непосредственно подчинены Александру. Комендантами гарнизонов крепостей бывали еще и фрурархи. В изложении Арриана иногда имеет место путаница. Вместо титула «сатрап» он употребляет титул «гипарх», хотя эти названия по смыслу не совпадают. В то время как сатрап — правитель всей провинции, гипарх является лишь начальником части провинции. Так, Асклепидор, сын Эвника, был сатрапом-правителем всей Сирии. Он получил это назначение вместо Ариммы, который, по мнению Александра, [43] не справлялся с этой задачей, возложенной раньше на него: он «слишком вяло занимался приготовлением всего, что было приказано ему приготовить для войска, направляющегося в глубь страны» {86}. Из этих слов можно заключить, что иногда служило основанием для смещения сатрапа. В другом месте мы узнаем, что тот же Асклепидор в качестве гипарха управлял лишь частью Сирии, в то время как Бесс был сатрапом всей Сирии {87}. Интересно сообщение о мероприятиях, проводимых Александром после взятия Вавилона: «Сатрапом Вавилона он поставил Мазея; начальство над войском, оставленным Мазею, поручил Аполлодору из Амфиполя, а сбор податей Асклепидору, сыну Филона» {88}. Мы видим, с какой осторожностью Александр следит за тем, чтобы в руках Мазея не концентрировалась слишком большая власть. Однако несколько дальше этот же самый Мазей называется гипархом {89}. Также ошибочно Арриан называет Сисикотту сатрапом ассакиенов {90}, а сатрапа Никанора — гипархом. Очевидно, и Самба Александр не назначал сатрапом горных индов, а только гипархом {91}. Сатрапы не всегда назначались из македонцев: иногда Александр назначал на этот пост и

уроженцев Азии, если они добровольно переходили к его двору. Так же он поступил, например, в отношении Арсака, Фратаферна и ряда других. Лишь бурная внутренняя борьба в провинциях Азии, в которой азиатские сатрапы играли враждебную Александру роль, вынудила его строго выбирать сатрапов из военачальников-македонцев. Гипархов Александр иногда назначал из местных князей, как например подчиненного царю Абисару Арсака {92}. Особое положение было в Египте, где Александр заботливо сохранил унаследованные от персов формы управления. Во главе этой страны стояли непосредственно подвластные царю Александру Петисий и Долоасп, первый несомненно египтянин. А в дальнейшем для контроля за их деятельностью рядом с ними действовали Клеомен и Аполлотор из хорошо известного Александру македонского окружения. Все государство или, вернее, провинция — Египет—делилось на номы, которые возглавляли [44] номархи, т.е. начальники номов. Это первоначально были египтяне. Однако в дальнейшем рядом с номархом стоял стратег из македонцев или эллинов. Они раньше, как стратеги в Азии, командовали воинскими частями нома, а в дальнейшем утрачивали свои военные функции и превращались в чисто административных правителей номов.

После смерти Александра, когда во главе македонской монархии стояли его законные наследники, Птолемеи, сын Лага, стал сатрапом Египта. На этой эволюции государственной власти в Египте можно изучить структуру и азиатских провинций Александровой монархии. Очевидно, сохранившиеся у Арриана «номархи» индийских стран возглавляли и внегородскую территорию с ее населением, как в Египте. Выяснению этих вопросов мешает скудность свидетельств. Кое-кто из покоренных властителей сохранял свой царский титул и вместе с этим некоторую видимость автономного существования, как, например, Таксил.

* * *

Мы видим, как глубоко продуманный поход Александра, сочетавший сухопутные и морские операции, потерпел крушение, потому что участники этого похода поняли его бесцельность и губительность и заставили руководителей прекратить его. С другой стороны, местные племена, которые недооценивал Александр, все больше выступают как сильные противники: они при возрастающем ослаблении войск Александра сумели заставить его остановиться и откатиться назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

{1} U. Wilcken. Griechische Geschichte in Rahmen der Altertumsgeschichte. Berlin, 1958, стр. 245.

{2} W. W. Tarn. Alexander the Great. I-II. London, 1948.

{3} A. Stein. Der römische Ritterstand. München, стр. 220, прим. 4.

{4} Кстати, биограф Арриана приходится родственником упомянутому Диону из Прусы. Возможно, что Кассий Дион написал биографию своего земляка, побужденный личным знакомством. Сложное родовое имя — Эппий Флавий — результат усыновления.

- {5} Н. А. Машкин. История Рима. М., 1947, стр. 432.
- {6} W. Christ-Schmid. Geschichte der griechischen Literatur, II, 2. München, 1924, стр. 830 и сл. В этом руководстве собраны наиболее достоверные историко-литературные данные.
- {7} W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum, Bd. 2. Leipzig, 1918, стр. 538.
- {8} Christ-Schmid, ук. соч., II, 2, стр. 746.
- {9} Arriani. Indica, 4.15.
- {10} Арриан. Поход Александра, V.7.2-3.
- {11} Там же, V.7.5. С этим сообщением можно сравнить Цезаря (Bellum Gallicum. IV. 17).
- {12} IG, 3, 1116.
- {13} W. Christ-Schmid, ук. соч., II, 2, стр. 748.
- {14} Luc. Alex., 2; Cic. de off., II.40.
- {15} W. Christ-Schmid, ук. соч., II, 2, стр. 746.
- {16} Арриан. Поход Александра, I.12.2.
- {17} Там же, I (введение).
- {18} Там же, I.12.3.
- {19} Там же, I.12.4-5.
- {20} Там же, V.4.3.
- {21} Там же, V.5.1.
- {22} Там же, V.1.28.6.
- {23} См.: Eugen Pridik. de Alexandri Magni epistolarum commercio. Dorpat. 1893.
- {24} Арриан. Поход Александра, VI.1.25-26. Глава 24 взята не из «дневников», а скорее всего рассказана по Аристубулу, на которого Арриан ссылается.
- {25} Papyrus Schubart 35: «Один кубок яда доказал, что великий Александр был смертен», См.: R. Merkelbach. Literarische Texte unter Ausschluss der Christlichen. Archiv f. Papyrusforsch., XVI. 1956. стр. 125. Подозрение, что Александр был отравлен, полностью не удалось устранить, оно и сейчас существует в литературе. Правда, Арриан приводит также версии об убийстве, которые он и сам считает неправдоподобными..
- {26} См.: G. Wirth. Ptolemaios als Historiker. Pauly — Wissowa — Kroll. XXIII, 2. ст. 2467 сл.; E. Schwartz. Aristobulos. Pauly — Wissowa, II, 911 сл.; F. Wenger. Die Alexandergeschichte des Aristobul von Kassandrea. 1914. В статье Вирта заслуживает внимания анализ устных выступлений Александра.
- {27} Арриан. Поход Александра. III. 6.6.
- {28} Там же, III.6.6 и IV.16.2.
- {29} Там же, VII.15.3.
- {30} Там же, III. 30.2-3.
- {31} Там же, III.30.7.
- {32} Там же, IV.13,5. сл.
- {33} Там же, VII.24.1. сл.
- {34} Там же, VII.20.5.

- {35} Там же. VII.22.4.
- {36} Там же. III, 11.3.
- {37} Там же, IV.6-1.
- {38} Там же, IV.3.5.
- {39} Там же, V-14,4-5: «Но Птолемей, сын Лага, которому я следую, рассказывает иначе».
- {40} Там же, V.7.1: «О том, как сделан был для Александра мост через Инд, не говорят ни Арнстобул, ни Птолемей, которым я главным образом следую». И дальше он рассказывает о способе мостостроения, который он знает, по-видимому, из собственной практики.
- {41} Там же, VII.15.5.
- {42} Diod. XVII.113.
- {43} Strabo, XIV.682; XV.730.
- {44} Арриан. Поход Александра, VI.28.1-2.
- {45} Там же, VII.13.2-3. сл.
- {46} Arrians Anabasis erkl. v. C. Sintenis. Berlin, 1860, стр. 161.
- {47} Арриан. Поход Александра, I,4.5. Жертвоприношение по случаю переправы через Инд (V.3.6) и другие примеры. II.5.2 сл.
- {48} Там же, VII.24.4 и другие места.
- {49} Там же, V.3.1.
- {50} Там же,
- {51} Athen. XII. 530b. Легенда о Сарданапале истолковывалась представителями различных философских школ по-своему. Неясно, как надо относиться к тексту Каллисфена.
- {52} H. Berve. Das Alexanderreich, I. München, 1926, стр. 103 сл. Здесь, дана лучшая просопография деятелей александровской эпохи.
- {53} Арриан. Поход Александра, 1.12.7.
- {54} Там же. VII. 11.1 и 11.6.
- {55} Diod. XX.2.
- {56} Арриан. Поход Александра, II.11.9: «и некоторые другие жены персов, равных по достоинству». См. VII.29.4.
- {57} Там же, VII.6.1.
- {58} Там же, I.12.4.
- {59} Арриан (IV.9) порицает дерзкое выступление Клита, но одновременно резко бичует поведение Александра, убившего Клита: «... он (т. е. Александр, — О. К.) обнаружил, что находится во власти двух пороков, а именно, гнева и пьянства — разумному человеку подобает быть во власти даже одного из них». Дальше, однако, Арриан хвалит своего героя за то, что он сознавал свою вину, сознался в падении, свойственном человеку. Правда, Александр только до некоторой степени обвинял себя: в конечном итоге свое «падение» он приписывает гневу бога Диониса.
- {60} Арриан. Поход Александра, IV.14.1, VII.27 и много других примеров.
- {61} Там же, I,13.3-4 и 13.6.7.
- {62} Там же, II. 17.1.2.

{63} Там же. IV.11.2.8.

{64} Там же. V.11.4.

{65} Там же, V.23.7.

{66} Там же, V.25-26.

{67} Там же, V.27.2-9.

{68} Там же. VII.9-10.

{69} См.: Wirth, ук. соч., где наряду с исследованием деятельности Птолемея особое внимание уделено стилю устных выступлений Александра.

{70} Арриан. Поход Александра, IV.20.3.

{71} Там же, IV.7.5.

{72} Там же. IV.9.1.

{73} Там же, IV.19.5-6.

{74} Там же. III. 10.2.

{75} Там же, II.14.4, III.18.2.

{76} Berve, ук. соч., стр. 320 сл.

{77} О независимых племенах см.: Арриан. Поход Александра, VI.4, VI.6 и другие места той же шестой книги.

{78} Там же, VI. 15-4: «...сам он отплыл в столицу согдов». «Столицей» здесь переведено слово, имеющее по нашим словарям обычно значение «царский дворец».

{79} Там же, VI.14.1-2.

{80} Там же, VI.15.5-6.

{81} Там же, I.4.6.

{82} Там же, II.4.1.

{83} Там же, I.19-6; I.28.1.

{84} Там же. I.4,8.

{85} Там же, IV. 15.5.; см.: Berve, ук. соч., стр. 221 сл.

{86} Арриан. Поход Александра, III.6.8.

{87} Там же, IV.7.2.; см.: Berve. ук. соч..стр. 274 сл.

{88} Арриан. Поход Александра, III.16.4.

{89} Там же, IV.18.3: «так как ему сообщили о смерти вавилонского гипарха Мазея».

{90} Там же, V.20.7.

{91} Там же, VI.16.3-4.

{92} Там же, V.29.4-5: «Тут пришли к нему Арсак, князь страны, соседней с Абисаром, брат Абисара и другие его родственники с дарами, которые у индов считаются особо почетными, и 30 слонами от Абисара. Абисару, сказали они, прийти невозможно, потому что он болен. Это подтвердили и послы Александра, отправленные им к Абисару. Вполне доверяя этому, он поставил Абисара сатрапом над его страной и подчинил Арсака Абисару», См.: Berve, ук. соч., стр. 275 и сл.

[93] См.: Арриан. Поход Александра, III.6.5. Ср.: W. Capelle — под слотом «Nearchos» (Pauli — Wissowa, Real-Enzyklopädie), где подробно разобраны все свидетельства о деятельности Нearchа и его сотрудничестве с Александром.

[94] Арриан. Поход Александра, VI.19.1

1.2. История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Квинт Курция Руфа.

Квинт Курций Руф (Quintus Curtius Rufus) — римский историк, написавший «Историю Александра Великого» ("Historiae Alexandri Magni Macedonis") в десяти книгах, из которых две первые, конец пятой и начало шестой потеряны, а в десятой есть пропуск. О времени и жизни Курция существуют разные мнения: вероятнее всего, что он жил в первом в. до Р. Хр. И написал и опубликовал свой труд в царствование имп. Клавдия (41-54). Он стремился в своем изложении не только к исторической правде, сколько блеску и характеристик. Слог его, вообще сильный, а в речах изящный, напоминает Ливия, но носит на себе следы влияния Сенеки с его патриотически окрашенными и краткими предложениями. Источников у Квинт Курция Руфа было два рода: Мемуары Птоломея Лага и других сподвижников Александра сочинениями которых благообразно воспользовался Арриан, а с другой стороны вымыслы Онесикрита и Каллисфена, нашедшие почитателя в авторе исторического романа Клитархе, из которого прямо или из вторых рук, через Тимагена, черпал Курций, имевший очевидно целью не поучать, а забавлять. [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.]

История событий царствования Александра Македонского — одна из наиболее знаменательных вех мировой истории. В течение всего лишь десятилетия была создана держава, равной которой до тех пор не знало человечество.

Македонского царя сопровождали образованные греки, и вскоре после смерти Александра появились многочисленные сочинения о его великих походах. Некоторые из писателей могли опираться на документальные материалы, прежде всего придворные дневники, так называемые «эфмериды». О характере этого источника среди исследователей нет единодушия. Но в любом случае существенные расхождения между позднейшими греческими историками даже в изложении последовательности событий показывают, что «дворцовый журнал» не был надежной основой всего повествования.

Вероятно, какая-то информация распространялась благодаря письмам Александра матери и близким. Впрочем, вскоре после его смерти появились чисто литературные сочинения в форме писем македонского царя и достоверные сведения стали обрастать фантастическими подробностями. Что из

сохранившихся писем на самом деле принадлежит времени Александра — не всегда может быть установлено.

Официальную историю похода составлял Каллисфен, ставший спутником македонского царя по рекомендации его учителя Аристотеля. Сохранившиеся фрагменты этого сочинения свидетельствуют о том, что описание событий давалось в патетическом, приподнятом тоне и должно было льстить тщеславию великого полководца.

На латинском языке единственное сохранившееся произведение, посвященное Александру Македонскому, принадлежит Квинту Курцию Руфу. Оно соединяет в себе особенности как историографического, так и биографического жанра.

Еще в эллинистическую эпоху в Александрии Египетской начал складываться так называемый «Роман об Александре», приобретший затем самую широкую популярность. В этом произведении, приписанном молвою Каллисфену, причудливо смешались как детали подлинной истории, сохраненные мемуаристами, так и старинные баснословия, раскрашенные народной фантазией. В романе одним из главных героев стал легендарный египетский царь Нектанеб, который с помощью магии проник к Олимпиаде, после чего она родила Александра. Впоследствии он будто бы погиб от руки собственного сына. Роман впитал в себя многочисленные выдумки и преувеличения писателей типа Клитарха, фольклорные мотивы. Рассказы, восходившие к воспоминаниям участников похода, — о слонах, амазонках, необычайных богатствах, удивительных обычаях и чудесах природы Востока — соединялись с более древними преданиями, даже мифами, о песьеглавах и людях-птицах, обитающих на самом краю Ойкумены. В конце античности, когда рационализм уступил место увлечениям мистикой и всевозможными суевериями, этот роман получил широкое распространение. Он был переведен на различные языки: латинский, армянский, сирийский, эфиопский. В средневековой Европе появились многочисленные обработки «Александрии». Александр превратился в благородного рыцаря, а его единоборство с Дарием напоминало турнир.

На Востоке Александра (Искандера) также воспринимали как своего эпического героя, царя и миродержца, законного наследника Дария. Помимо безымянных и устных версий «Романа об Александре» сочинялись авторские обработки сюжета — достаточно назвать имена таких поэтов, как Низами и Навои. Слава Александра охватила более обширные пространства, чем некогда сама держава. В трактовке его образа немаловажную роль сыграла и написанная Квинтом Курцием Руфом «История Александра Македонского».

При анализе этого сочинения приходится опираться почти исключительно на сам текст: другой информации практически нет. Никто из античных писателей

его прямо не упоминает и не цитирует. В свою очередь и Курций обходится почти без ссылок, поэтому вопрос об источниках остается открытым. Из авторов, писавших об Александре, он называет лишь Клитарха, Птолемея и Тимагена. Сам набор показателен, ибо только Птолемей был непосредственным участником событий. Многие исследователи полагали, что Курций преимущественно (и едва ли не исключительно) основывался на сочинении Клитарха. Однако это мнение вряд ли может быть принято — ведь даже ссылка на последнего сопровождается его критикой и упреками в легкомыслии.

Курций, несомненно, был человеком начитанным — об этом свидетельствуют и стиль повествования, и часто встречающиеся литературные реминисценции. Поэтому кажется вполне вероятным, что он был знаком с различными трудами об Александре. Можно лишь утверждать, что, в отличие от Арриана, он вряд ли последовательно выбирал наиболее ранние и достоверные источники. Сам характер его задач не требовал настоящей работы исследователя. Курций ориентировался не столько на наиболее надежных авторов, сколько на самых популярных. И именно поэтому у него легче найти совпадения с Диодором и Помпеем Трогом (Юстином), нежели с тем же Аррианом (и даже Плутархом). Возможными кажутся прямые заимствования из Диодора и Помпея Трога, хотя обычно речь должна идти скорее об общих источниках названных писателей.

Текст «Истории Александра Македонского» Курция Руфа порою оставляет впечатление мозаичности, и в нем обнаруживаются целые фрагменты, заимствованные из той или иной традиции (антимакедонской либо восходящей к Птолемею, Каллисфену или другим авторам). Куски эти иногда существуют относительно самостоятельно и мало связаны друг с другом сквозной идеей или тенденцией. Проверка сообщаемых фактов, видимо, осуществлялась весьма эпизодически, и ей не придавалось серьезного значения (за редкими исключениями, как, например, сравнение данных Клитарха о Птолемею с воспоминаниями самого Птолемея). Видимо, перефразируя известные слова Геродота, Курций заявляет, что он записывает более то, во что сам верит, и отнюдь не настаивает на подлинности всего, что внес в свое сочинение из старинных книг.

Автор обладал весьма смутными представлениями по географии и нередко черпал сведения из устаревших пособий (у него встречаются такие утверждения, которые бытовали лишь до походов Александра — у Ктесия и Аристотеля). Так, он порою не различает Тигр и Евфрат, Каспийское море упоминает наряду с Гирканским, хотя эти наименования обозначают одно и то же, от гирканцев отличает барканцев, в то время как уже Эратосфен знал, что это лишь разные транскрипции одного слова.

Правда, и в самых грубых ошибках Курция иногда усматривается, что он скорее был неспособен согласовать разнородную информацию, чем проявлял простую небрежность. В качестве примера можно привести его указание, будто Арахосия находится неподалеку от Понта. Дело в том, что древние географы, не имея подлинного представления об Аральском море, получали все же некоторые сведения о нем. Сырдарью (Яксарт) они отождествляли с Доном (Танаисом) и рассматривали как границу между Европой и Азией. Вот почему у Курция появилось представление о том, что море, куда впадает Танаис, следует считать Черным или Азовским. Скифы, обитающие в Причерноморье, естественно отождествлялись автором с саками, которые населяли правобережье Яксарта. Отсюда и высказывания Курция о том, что в Бактрии дуют ветры с Понта, а у Боспора живут хорасмии (хорезмийцы). Вероятно, не все объясняется «чисто римским пренебрежением к географий», о котором ядовито пишут современные исследователи.

Странности встречаются и в описании военных действий. Иногда так путаются правый и левый фланги, будто наблюдатель рассматривает битву одновременно с двух сторон: то со стороны Александра, то со стороны Дария. И здесь часто дело не в простой небрежности, а в несогласованности источников разного происхождения. А что самое главное, для Курция битвы не представляли большого интереса с чисто военной, стратегической стороны — они были важны с точки зрения эмоциональной. Чувства же читателя легче тронуть, назвав грандиозные цифры сражавшихся и погибших или красочно обрисовав отдельные героические и трагические эпизоды, нежели сухо расчертив точную диспозицию войск.

Создается впечатление, что, составляя из отдельных эпизодов единое повествование, Курций иногда и сам придумывал некие факты или произвольно менял последовательность событий. Речь Филоты в свою защиту, например, завершается эффектной концовкой: стража уводит его. Но уже в следующей сцене, строчкой ниже, мы видим, что Филота присутствует здесь же, он слышит дальнейшее обсуждение. И такое чередование законченных сцен (иногда в деталях противоречащих друг другу) у Курция встречается постоянно. Исследователи, сравнивая Курция с другими историками Александра, часто отмечали явную недостоверность его версии событий. Но, как справедливо отмечал Э. Шварц, есть вещи, которые находятся вне исторической критики, они подлежат суду лишь художественного вкуса. Автор был готов жертвовать не только истиной, но даже и правдоподобием ради драматического эффекта.

Курций Руф славится как мастер составления речей. Он выписывал их с особенной любовью и тщанием. Здесь мы видим обличения заговорщиков и их оправдательные речи, выступления на царском совете, обращения к солдатам с призывами к дальнейшим походам и жалобы измученных ветеранов.

Разновидностью этого жанра, по существу, являются и письма, которыми в книге обмениваются Александр и Дарий. Речи построены по всем правилам античного красноречия, даже те, которые вложены в уста простых и грубых скифов. Они изобилуют яркими образами и риторическими фигурами, часто основаны на контрастах. Солдаты, например, говорят: «Мы, победившие всех, теперь нуждаемся во всем». Скифы заявляют царю: «У тебя победы порождают войну».

В целом подобный характер имеет и собственное повествование Курция Руфа. Он любит красивые обороты речи, эффектные противопоставления, парадоксы. Писатель не преминет отметить, что воины, бегущие с поля боя, спешат бросить то самое оружие, которое брали с собою, чтобы защищаться. Жители, оставляющие местность, поджигают свои собственные дома, а неприятель принужден их спасать и тушить пожар. Подобные фразы он повторяет даже с известным однообразием. Порою употребляются и довольно рискованные обороты: «Освободители всего мира... на все народы наложат иго».

«История Александра Македонского» написана Курцием в некоем смешанном жанре: для истории здесь слишком много драматических преувеличений и внимания к одной личности, для биографии — слишком много событийной истории, описаний битв и походов. Это смесь исторического повествования и риторики, где последний элемент не менее важен, чем первый. Некоторые исследователи усматривают в произведении черты, близкие жанру романа, что в известной мере может быть влиянием эллинистических источников, того же Клитарха. Курций Руф претендует на роль историка, однако это историография совершенно особого рода, где отчетливо звучат эпические мотивы. Римский автор стремится к созданию монументального полотна своего рода искусственного эпоса, в центре которого находится образ необыкновенного героя.

Исследователи обычно хвалят язык Курция, красочный и правильный, хотя и не отличающийся особым богатством. Он напоминает Тита Ливия, а иногда, возможно, прямо подражает ему. С точки зрения истории латинского языка место Курция определяют между Цицероном и Тацитом, сближая его с философом Л. Сенекой. По стилю же сопоставления проводятся чаще с Сенекой Старшим, сохранившиеся фрагменты речей которого обнаруживают ту же риторическую школу.

В оценке художественных достоинств «Истории Александра Македонского» в литературе можно встретить самые противоречивые суждения, определяемые эстетическими вкусами современных ученых. Одни Курция неумеренно восхваляли, другие отрицали всякое литературное значение его труда. Несомненно остается лишь то, что мы имеем дело с мастером слова, который тщательно работал над своим стилем.

Особый интерес вызывает тема мировоззрения Квинта Курция Руфа: круг его идей, оценки, содержащиеся в его труде. Вопрос этот весьма сложен по целому ряду причин. Многие характеристики отнюдь не принадлежат самому историку, а перешли в его труд из вековой традиции об Александре. Он явно не был самостоятельным мыслителем и достаточно легковесно мог воспроизводить красивые сентенции, эклектически соединяя противоречивые суждения. Наконец, красноречивые высказывания, вложенные в уста того или иного персонажа «Истории», очевидно, не всегда полностью разделялись самим автором.

Однако, несмотря на эти осторожные оговорки, некоторые общие наблюдения могут быть сделаны. Историк часто не скрывает своего восхищения Александром. Едва ли не основным мотивом завоеваний для храброго юноши служила слава. Он прямо заявляет, что не торгует своей судьбою и славу предпочитает богатствам. При этом речь идет об истинной славе деяний, о вечной хвале, а не обычной молве. Александр не тщеславен, он честолюбив, ему нужна честь, заслуженная доблестью. В начале похода он проявляет все лучшие свои качества: воздержанность, милосердие и доброту, и такую славу Курций ставит выше любых триумфов.

Но чем дальше продолжался восточный поход, тем больше сосредоточивалась в руках царя вся полнота власти. Все выше и выше возносила его судьба — Фортуна, и он не смог остаться таким, каким был от природы. У Курция в какой-то мере двойником македонского царя предстает Дарий. Он тоже от природы мягкий и добрый человек, но огромная власть исказила все лучшие свойства его личности. И та же Фортуна, которая вознесла Дария, повергла его в прах по своей изменчивости. Очевидно, такая участь грозит любому новому владыке мира, о чем и должен напоминать пример злосчастного Дария. Эту мысль несколько раз повторяет Курций.

Уже в ходе осады Тира Александр стал проявлять новые черты своего характера, ведя себя все более деспотически. Именно в этой связи автор заявляет, что царь перенимает варварские нравы. По сути, такая характеристика неуместна — ведь сам Александр, приказывая подвергнуть мучениям Бетиса, подражал (как и в иных случаях) своему любимому герою Ахиллу, так же привязавшему тело Гектора к своей колеснице. Но у Курция образ «чужеземных нравов» не случаен, и он включает в себя целый комплекс основных элементов. Это прежде всего варварская роскошь, которую римский автор постоянно противопоставляет истинной величественности. Это варварская жестокость, которая сопутствует роскоши. Это множество всевозможных пороков, связанных с излишествами (пиры, женщины, прихоти извращенного воображения). Обо всем этом Курций говорит с суровым осуждением, он вообще строгий моралист.

На другом, положительном полюсе у него находятся «отеческие нравы», идеализированная суровая простота здорового македонского быта, которая и обеспечила победы войска Александра. При этом быт и нравы — как обычно у античных авторов — тесно связаны с политическим строем. Ведь и царь у македонцев был отнюдь не полновластным владыкой, его власть основывалась на авторитете, принадлежавшем собранию воинов. Очень отчетливо Курций определяет статус Александра, когда говорит о стенаниях по поводу его смерти: македонцы оплакивали своего царя, а персы — господина.

Персы привыкли, что ими правит господин, и потому все его подданные воспринимались как рабы. Такая характеристика подданного, даже если он полководец или вельможа, неоднократно встречается у нашего автора. После завоевания державы Ахеменидов Александр стал считать себя законным наследником Дария и вести себя по отношению к грекам и македонцам как полновластный владыка. Поэтому все чаще звучит мотив общественной свободы в речах недовольных: они привыкли иметь дело с царем, а не с восточным деспотом, быть гражданами, а не рабами. С сочувствием изображает Курций друзей царя, ставших жертвами его мстительности, подозрительности и властолюбия. К ним относятся образы Каллисфена, поплатившегося за свою «свободу речи», Филоты и Клита, а также старого Пармениона, которому Александр обязан многими своими победами.

Властолюбие (у Александра, так же как у Дария) приводит к гордыне, такому поведению, которое нестерпимо для свободных граждан, в особенности для сподвижников царя. Александр предается приступам необузданного гнева, под влиянием которого он творит страшные преступления против людей и богов и вынужден затем горько раскаиваться в содеянном. Вместо верных друзей и соратников его окружение составляют подлые льстецы, чернь, люди рабской души, преданные гордыне и жадности. Они замышляют измены и ждут лишь кончины царя, чтобы вступить в борьбу за его наследство. Бесконечные заговоры и казни сопровождают последние годы правления Александра именно потому, что он покушался на «общественную свободу», ведя себя, как восточный Деспот. Курций Руф — сторонник единовластия, но отнюдь не самовластия.

Царю Александру сопутствует необыкновенное счастье, он часто ведет себя с безумной отвагой, со «счастливым безрассудством», даже вовсе вопреки здравому расчету, — и все же побеждает! Но это счастье обманчиво, ибо судьба переменчива, и в силу непонятого людям сцепления причин она так же легко сокрушает великие царства, как и создает их. Александр напрасно предается грубым суевериям, пытаясь у предсказателей узнать будущее. На самом деле спасительна лишь истинная мудрость, которая позволяет быть готовым к любым поворотам Фортуны.

Цицерон в трактате «Об обязанностях» цитирует слова Публия Сципиона Африканского, сказанные им в беседе со стоиком Панетием, о том, что необузданным коням требуется укротитель, а людям избалованным неизменным счастьем и самонадеянным для той же цели может служить философия, дабы они могли оценить всю непрочность дел человеческих и изменчивость судьбы. Произнесено это было именно в связи с Александром, который, действительно, совершил много подвигов, но при этом нередко вел себя очень дурно. Такая оценка царя, очевидно, была распространена среди философов-стоиков. Воспринята она и Курцием, во времена жизни которого могла получить особую актуальность. Датировке «Истории Александра Македонского» посвящены десятки работ, вопрос этот обсуждается уже не одно столетие и все еще остается открытым. Основные данные сводятся к следующему: Курций упоминает принцепса и неоднократно говорит о владычестве парфян в Азии, следовательно, его книга была написана во времена принципата и до того, как к власти в Иране пришла династия Сасанидов.

Дальнейшие рассуждения выглядят уже менее надежно. Обычно анализу подвергается главным образом пассаж, содержащий похвальное слово принцепсу, который воссиял, словно новое светило в ночи, и спас римский народ от гражданских войн. Там же выражено пожелание долгих лет правления его дому. Кто был этот принцепс — прямо не сказано, и в работах исследователей предлагались кандидатуры почти всех римских императоров I, II и даже III в. — от Августа до Александра Севера. Чаще всего останавливаются на именах Августа, Клавдия и Веспасиана. Имя Августа указывалось еще в средневековой приписке на полях Ватиканской рукописи. С «миром», при котором «ныне» благоденствует город Тир, можно было бы отождествлять знаменитый *raх augusta*, но при самом Августе он вряд ли мог быть назван «долгим».

Курций Руф упомянул ночь, «которая едва не стала последней». Некоторые ученые усматривают в этом указание на ту конкретную ночь с 24 на 25 ноября 41 года, когда императором вместо Калигулы стал Клавдий. Толкование это кажется мало вероятным, ибо слово явно употреблено метафорически — как «кромешная тьма смерти», и в сходном значении оно встречается уже у Цицерона и Ливия. У Курция находили намеки на Калигулу, о котором известно, что он старательно подражал Александру, надевал его панцирь и требовал своего обожествления. В «новом светиле» некоторые видели Нерона, который объявлял себя «новым Гелиосом». Вместе с тем утверждалось, что в указанном фрагменте речь идет лишь о предотвращении опасности гражданской войны, а вовсе не о победе в последней — тогда отпадают кандидатуры Августа и Веспасиана. Пожелание Курция, чтобы власть переходила по наследству в том же доме, трактовалось как указание на новую династию Флавиев, основанную Веспасианом. Однако все подобные выражения, употребленные Курцием, имеют

достаточно общий характер и могут быть прилагательны к разным лицам. Поэтому ни один из приводимых аргументов так и не стал решающим. Не вполне убедительными кажутся и сравнения текстов, которые проводились с целью доказать, будто Курция читали философ Сенека и его племянник — поэт Лукан (автор «Фарсалии»), а также Силий Италик. В их трудах искали следы влияния «Истории Александра Македонского».

Вероятно, исходить следует прежде всего из анализа языка, который показывает, что мы имеем дело с писателем I в., жившим, по всей видимости, до Тацита. Уже по этой причине может быть отвергнута датировка временем Септимия или Александра Севера. У Курция есть целый ряд идей и мотивов, очень характерных именно для I в., например, повторяющиеся указания на то, что богатства Индии, приносятся морем к ее берегам, являются анахронизмом для эпохи Александра. Речь идет о драгоценных камнях и жемчуге из Западной и Южной Индии, а не из Северо-Западной, где побывали греко-македонские войска. Морская торговля с этими областями Индии переживала расцвет именно в I в. н. э., и характеристика, даваемая Курцием этой «коммерции людскими пороками», заставляет вспомнить аналогичный пассаж в «Естественной истории» Плиния.

Труд Курция, несмотря на свою небрежность в вопросах географии, обычно получает самую высокую оценку со стороны специалистов по Средней Азии. Он содержит уникальные сведения, восходящие к какому-то особому источнику. Можно думать, что этот источник скорее близок по времени самому Курцию, чем походу Александра. Постоянные упоминания о современных владениях парфян связаны, видимо, с тем, что тогда в римском обществе парфянский вопрос был весьма злободневным. Практически только в отношении парфян употребляются эти параллели с современностью.

Особенно интересен фрагмент об Александрии Дальней. Слова о том, что этот город был заложен царем, чтобы оставить о себе память в далеких краях, встречаются у Юстина и, следовательно, были в труде Помпея Трога. Но Курций продолжает мысль, говоря, что и ныне благодаря сохранению этой памяти в течение веков потомки первых колонистов «не выродились», то есть не смешались с местным населением. Очевидно, в его распоряжении был какой-то свежий источник о ситуации в Согдиане, иначе трудно объяснить подобную ремарку, относящуюся лишь к одному из многочисленных городов, основанных на Востоке. В середине I в. в большинстве этих городов наступила антиэллинистическая реакция. Тогда и могло казаться актуальным сообщение о городе на Яксарте, где еще сохранялась греческая культура. Оно могло достичь Рима благодаря тому, что в I в. активизировалась торговля по Великому шелковому пути.

«История Александра Македонского» нередко содержит скрытые литературные реминисценции. Выступление Харидема перед Дарием, например, воспроизводит геродотову сцену, героями которой были спартанец Демарат и Ксеркс. Эффектные эпизоды похода в горах навеяны знаменитым описанием перехода Ганнибала через Альпы Тита Ливия, а сражения с дикими племенами вызывают в памяти «Анабасис» Ксенофонта. Но иногда возникают совершенно иного рода ассоциации. Оправдательные речи приближенных Александра, обвиняемых в дружбе с Филотой, весьма напоминают аналогичную реакцию тех, кого при Нероне осудили за дружбу с уже убитым Британником. Никто другой из историков Александра не уделяет так много внимания, как Курций Руф, теме «оппозиции», заговоров, доносов и казней при дворе македонского царя. Это, несомненно, была актуальная для Курция тема, и он постоянно имел в виду живой интерес к ней своих читателей. Уже по этой причине датировка книги временем Августа маловероятна.

Бросается в глаза и некая двойственность отношения Курция к репрессиям при Александре. Он восхваляет Пармениона, сообщает о жестоких допросах, когда под пытками люди оговаривали друзей. И в то же время официальная версия заговоров не подвергается ни сомнению, ни разоблачению. Курций, действительно, находит слова одобрения для последних защитников «общественной свободы», но это отнюдь не означает, что его симпатии на стороне оппозиционеров. Его морализаторство не представляет действительной опасности для деспотизма, а его позиция дает равные возможности и для фронды и для карьеризма. Жесткости власти неизбежны.

Тацит дважды упоминает некоего Курция Руфа как одного из известных деятелей эпохи Юлиев — Клавдиев. В тех же «Анналах» говорится следующее: «О происхождении Курция Руфа, о котором некоторые передают, что он сын гладиатора, не стану утверждать ложного и стыжусь сказать правду. Достигнув зрелого возраста, он отправился в Африку вместе с квестором, которому досталась эта провинция; и вот, когда он как-то в полуденный час бродил в одиночестве по опустевшим портикам города Адрумета, ему предстало видение в образе женщины большего роста, нежели человеческий, и он услышал следующие слова: «В эту провинцию, Руф, ты вернешься проконсулом». Окрыленный таким предсказанием, он по возвращении в Рим благодаря щедрой поддержке друзей и острому уму получил квестуру, а затем по выбору принцепса — и претуру, хотя его соперниками были знатные лица, причем Тиберий, набрасывая покров на его постыдное происхождение, заявил: «Руф, как мне кажется, родился от себя самого». Дожив до глубокой старости, с высшими отвратительно льстивый, с низшими — надменный, с равными — неуживчивый, он добился консульства, триумфальных отличий и, наконец, провинции Африки, прожив жизнь в соответствии с предсказанною ему судьбою». Рассказ о

привидении содержится и в одном из писем Плиния Младшего. Этот Курций Руф родился при Августе, начал карьеру при Тиберии, при Клавдии в 45 г. стал консулом, получил триумфальные отличия, командовал римским войском в Верхней Германии и, наконец, при Нероне стал наместником Африки. Так он «дожил до глубокой старости», то есть умер, очевидно, при Флавиях, а следовательно, был старшим современником самого Тацита. Вполне возможно, что антипатия к нему историка вызывалась и личными впечатлениями или рассказами людей из окружения Тацита. (Впрочем, по словам Плиния, он умер в провинции Африка. Если это произошло во время исполнения должности, то еще при Нероне.)

Можно было бы привести целый ряд аргументов против отождествления этого Курция Руфа с писателем. Прежде всего трудно представить, что триумфальных отличий добился человек, столь невнимательный к военному делу, как автор «Истории Александра Македонского». Однако тот же Тацит замечает, что как военачальник Курций Руф проявил полную некомпетентность. Его подчиненные тайком отправили императору послание, иронически предлагая заранее жаловать триумфальные отличия любому назначенному на должность, не дожидаясь от него успехов.

Сказанному о происхождении Курция Руфа как будто противоречит то высокомерие, с которым автор «Истории Александра Македонского» отзывается о некоем Болоне, выслужившемся из простых солдат. Однако ведь и Тацит говорит, что наместник Африки, не помня о собственном происхождении, был «с низшими — надменный». Слова Тацита о том, что Курций отличался угодливостью, как будто не согласуются с образом историка Александра: тот осуждал льстецов. Однако это порицание не помешало ему назвать своего принцепса «новым светилом, воссиявшим в ночи».

Наконец, и Тацит и Плиний говорят о «видении», которое предстало перед Курцием и возвестило ему его будущее, а наш историк отрицательно отзывался о суевериях. Но и здесь противоречие кажется несущественным. Автор «Истории Александра Македонского» скептически относился к традиционным гаданиям, но в привидения вполне мог верить. Рассказывает же он о разных таинственных событиях, а главное, свято верит во всемогущую Судьбу.

Имя Квинта Курция Руфа содержится также в списке знаменитых раторов середины I в. у Светония. Учитывая указанные выше особенности стиля «Истории Александра Македонского», можно было бы думать, что Светоний имел в виду ее автора. Тацит, так резко отзывающийся о морали и административной деятельности Курция Руфа, тем не менее признает его «острый ум». Общая тональность «Истории Александра Македонского» с ее восхвалениями царя и героя и одновременно с сожалениями о недостаточной умеренности правителя, который должен был бы чтить отеческие нравы и не

нарушать общественной свободы, соответствует идеологии и политической ситуации ранней империи.

Самые ранние из сохранившихся рукописей относятся к IX—X вв. Все они имеют одни и те же пропуски: отсутствуют первые две и начало третьей книги, конец пятой и начало шестой, значительные лакуны имеются в десятой. Поэтому следует думать, что все рукописи восходят к одному протографу, случайно сохранившемуся от античного времени. Обилие рукописей каролингской эпохи свидетельствует о заметном оживлении интереса к забытому автору. В X в. Эккхард делает выписки из «Истории Александра Македонского», влияние ее отмечают в биографии Карла Великого. На Курция ссылается Иоанн Салисберийский (XII в.). В XIII в. епископ Филипп Вальтер написал поэму об Александре, значительная часть которой прямо заимствована из Курция.

Еще большее внимание «История Александра Македонского» привлекает в эпоху Возрождения, когда она постепенно приходит на смену рыцарскому роману, средневековой «Александрии». Сохранилось предание о том, что в 1458 г. король Арагона и Наварры Альфонс V страдал от тяжелой болезни и никакие лекарства ему уже не помогали. Но он взял «Историю Александра Македонского» и так увлекся чтением, что выздоровел. И король воскликнул: «Да здравствует Курций, спаситель мой!» В 1470 г. в Венеции вышло первое печатное издание книги. Тогда же делались первые попытки дополнить утерянные части сведениями, почерпнутыми из сочинений других античных авторов.

Комментированное издание подготовил в 1519 г. знаменитый Эразм Роттердамский. К Курцию наконец-то пришла настоящая слава. М. Монтень называл его «самым знаменитым из историков Александра» и хвалил за красоту языка и живость изложения. «История Александра Македонского» была любимым чтением кардинала Ришелье при осаде Ларошели. Не случайно ему было посвящено французское издание книги 1639 г.

В XVI — XVII вв. появилось около ста изданий «Истории Александра Македонского». Курция сравнивали с Гомером, ибо он так же воспевал подвиги Александра Великого, как тот обессмертил Ахилла. Он считался одним из самых блистательных латинских авторов наряду с Титом Ливнем, а среди всех писателей античности соперничал по славе разве что с Плутархом. По мотивам «Истории Александра» сочинялись пьесы, имевшие шумный успех (преимущественно во Франции). Было нечто театральное уже в драматическом характере самого латинского текста. Читателям и зрителям той поры его дидактика не казалась искусственной, страсти преувеличенными, а риторический стиль напыщенным. Видимо, сама эстетика Курция оказалась близка барочному XVII в. Возможно, его мораль и политическое

философствование также отвечали вкусам эпохи, когда складывался европейский абсолютизм.

Особый успех выпал на долю французского перевода Курция, выполненного Клодом Вожеом. Первоклассный стилист и автор рассуждений о французском языке, он работал над ним тридцать лет — с 1620 по 1650 г. Опубликован был перевод лишь посмертно, в 1653 г., а затем выдержал более сорока изданий и в течение века оставался классическим образцом французской прозы. Эту книгу изучали в школах, она оказала влияние на несколько поколений французских писателей. Говорили, что перевод Вожео так же неподражаем, как сам Александр был непобедим. Старинные словари французского языка содержат цитаты из перевода Курция на каждой странице. Около 1700 г. Французская академия подготовила обширный комментарий языка перевода Вожео. Лишь Расин удостоился такой же чести.

Не без влияния Франции переводы Курция стали появляться и в других странах, в том числе в России. На титульном листе первого русского издания значилось: «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя македонского, переведена повелением царского величества с латинского языка на российский лета 1709 и напечатана в Москве того же лета в октоврии месяце». Таким образом, инициатором издания был Петр Первый. В середине XVIII в. известный ученый и писатель Степан Крашенинников выпустил свой новый перевод, затем переиздававшийся. Об этой работе Н. М. Карамзин писал как о переводе «совершенном и классическом», который «и теперь имеет цену свою, по крайней мере в сравнении с другими переводами латинских авторов». Квинт Курций Руф, таким образом, внес свою лепту в развитие не только французского, но и русского литературного языка.

Комментирование Курция, начатое еще в XVI столетии, успешно продолжалось в прошлом веке. Появлялись новые издания, в том числе критические, научные переводы, полный словарь к тексту «История Александра Македонского». Отрывки из нее регулярно помещались в латинских хрестоматиях. Книга стала предметом монографического исследования Доссона. Однако оценка Курция заметно менялась. Развитие критического метода исследования способствовало дискредитации его как историка, а изменение литературных вкусов привело к тому, что о нем стали отзываться с пренебрежением. Его стали называть дилетантом, который интересуется вовсе не предметом, а лишь тем, какое он производит впечатление на публику. С точки зрения Вилламовиц-Меллендорфа, это сочинение — просто легкое чтение, а по мнению Э. Шварца, само по себе оно вовсе не заслуживает серьезного отношения. Немецкие антиковеды конца XIX — начала XX в. были заняты главным образом вопросом о том, как расчленить «Историю Александра Македонского» на части и найти те эллинистические источники, из которых

механически заимствуется каждый фрагмент. Основную часть «Истории Александра» приписывали Клитарху, а отрицательные характеристики македонского царя считали восходящими к Тимагену. На все это было затрачено много труда и остроумия, однако изучение собственно текста как целого таким образом вряд ли серьезно продвинулось вперед.

Отношение к Курцию меняется. Современные исследователи начинают осторожно отмечать известные литературные достоинства его труда, находят в нем большую степень самостоятельности, нежели было принято считать раньше. Он остается и одним из основных источников по эпохе Александра, и весьма колоритным памятником римской литературы времени раннего принципата. [Квинт Курций Руф «История Александра Македонского» Москва 1993]

1.3. История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Плутарха.

К числу любителей старины, не связывавших себя, однако, слишком тесно с аттицизмом, принадлежал и один из известнейших греческих писателей римского периода Плутарх (родился около 46 г. н. э., умер после 120 г.). Уроженец маленькой Херонеи в Беотии, Плутарх принадлежал к греческой провинциальной знати. Он получил философское образование в Афинах, неоднократно посещал Рим, где у него завязались дружеские отношения с многими представителями официального мира, но всегда предпочитал жизнь в родном городе и старался оставаться местным деятелем. Любитель чтения и домосед, он работал в узком кругу друзей и учеников, которые образовали вокруг него небольшую академию, просуществовавшую не менее ста лет после смерти своего основателя. Деятельность Плутарха была отмечена многочисленными знаками внимания со стороны как сограждан, так и властителей империи.

Римские связи и романофильские политические убеждения снискали ему благорасположение императоров Траяна и Адриана, высокое звание консуляра и на склоне лет пост прокуратора провинции Ахайи; граждане избирали его на местные должности, а около 95 г. он был принят в коллегию дельфийских жрецов. Дельфийцы и херонейцы совместно поставили Плутарху памятник, надпись которого была найдена при раскопках в Дельфах, а в Херонейской церкви поныне показывают мраморное «кресло Плутарха».

Уже эта политическая и жреческая карьера свидетельствует о том, что в лице Плутарха мы имеем лояльного гражданина империи, человека умеренных и консервативных взглядов, и таким он действительно предстает перед нами в своих произведениях. Проводя жизнь в провинциальном уединении, в чтении книг и собирании материалов, он находится вне сферы модных литературных течений и во многом примыкает к прежней, эллинистической манере изложения.

Античный список сочинений Плутарха содержит 227 названий, из которых сохранилось свыше 150 (в том числе и несколько неподлинных). Это огромное

литературное наследие принято разделять на две категории: 1) «моральные» трактаты (*Moralia*) и 2) биографии.

Термин «*Moralia*» не точен. Плутарх пишет на всевозможные темы — о религии и философии, педагогике и политике, о гигиене и психологии животных, о музыке и литературе. Некоторые трактаты представляют собой простую сводку любопытного культурно-исторического материала. Преобладает все же этическая тематика (например: о любопытстве, о болтливости, о ложном стыде, о братской любви, о любви к детям, супружеские наставления и т. п.). Не представляя собой сколько-нибудь оригинального творчества, эти философские трактаты являются плодом огромной начитанности в разных областях; философская продукция прошлых веков широко использована и в пересказах и в прямых цитатах. Хотя Плутарх формально причисляет себя к школе Платона, он в действительности эклектик, интересующийся к тому же не столько теоретическими вопросами философии, сколько религией и моралью.

Плутарх старается обновить веру в оракулы, в частности в оракул дельфийского бога, жрецом которого он сам являлся. Религиозность Плутарха давала основание древне-христианским писателям считать его «полухристианином», а Марк иронически причисляет Плутарха к «отцам церкви». [К. Марк. Святой Макс. Соч, т. IV, 1933, стр. 121.] Гуманно-филантропический характер имеет этика Плутарха, но она целиком заимствована у более ранних философов, включая даже ненавистных «атеистов» эпикурейцев, и приправлена личным благодушием автора, избегающего всяких крайностей и готового отыскать хорошую сторону даже в самых отвратительных явлениях. С примирительной эклектикой мирозерцания вполне гармонирует и характер изложения. Оно отличается таким же благодушием Плутарх несколько многоречив, избегает заострения трудных вопросов, но всегда занимателен. Рассуждения пересыпаны анекдотами, историческими примерами, цитатами из поэтов, меткими наблюдениями. Риторическая манера изложения остается Плутарху чуждой. В этом отношении он продолжает традиции эллинистической философской прозы, которым следует также и в художественном оформлении своих трактатов, применяя формы диалога, диатрибы или послания. Трактатуя вопросы литературы, Плутарх подходит к ним как моралист. Поэзия представляется ему как бы преддверием к философии, поучением в доступной, украшенной вымыслом форме (трактат «Как молодому человеку читать поэтов»). Для эстетических взглядов Плутарха характерно «Сравнение Аристофана с Менандром». Плутарх отдает решительное предпочтение беззлобной комедии Менандра, в которой добродетель всегда торжествует, перед беспощадной насмешкой Аристофана. Значение Плутарха для Нового времени основано не столько на «моральных» трактатах, сколько на биографиях. «Параллельные жизнеописания» представляют собой серию парных биографий, причем всякий раз рядом поставлены греческий и римский исторический деятель. Заключительной частью такой биографии служит во многих случаях «сравнение», в котором сопоставляются оба деятеля. Кроме того, есть несколько отдельных биографий, принадлежащих, по-видимому, более раннему периоду

литературной деятельности автора. Самая идея сравнительных жизнеописаний, в которых римские деятели приравнены к греческим, свидетельствует о сильном романофильском уклоне такого поклонника греческой старины, как Плутарх. Подбор исторических фигур для сопоставления в иных случаях сам собой напрашивается (например Александр Македонский и Юлий Цезарь, Демосфен и Цицерон), но очень часто оказывается искусственным. Это не отразилось, однако, на самих биографиях, так как каждая из них составляет самостоятельное целое, и «сравнение» является лишь привеском. До нас дошли 23 пары, т. е. 46 биографий; эллинистические монархи и римские императоры в эту серию не вошли (в числе непарных биографий имеются и жизнеописания императоров). Плутарх является для нас крупнейшим представителем биографического жанра в греческой литературе, но самый жанр гораздо древнее: он восходит к IV в. и усиленно разрабатывался в эллинистическое время. Жанр этот имеет свои особенности, отличные от наших современных требований к биографии и связанные с античным пониманием индивидуальной личности. Личность, прежде всего, понималась статически, как некий законченный в себе «характер». Теоретически признавая, что характер формируется с помощью воспитания или самовоспитания, и ставя себе соответствующие задачи в педагогической практике, античность все же никогда не изображает процесса становления личности. Античный биограф не интересуется детством и юношеством героя, как этапами внутренней истории; все внимание обращено на период «расцвета», когда «характер» предстает уже в оформленном виде. Лишь в рассматриваемый нами период появляются первые зародыши более динамического понимания внутренней жизни индивида, но это только зародыши, и встречаются они преимущественно в автобиографических признаниях («К самому себе» императора Марка Аврелия, впоследствии «Исповедь» христианского писателя Августина). Личность, трактуемая независимо от своего становления, оказывается вне связи также и с формирующими ее социальными силами, с исторической обстановкой. Помимо риторического «энкомия», прославления деяний какого-либо лица и его нравственных качеств, введенного в литературу Исократом, в античности выработалось два основных вида биографии. Первый — ученая биография справочно-антикварного типа, перечень важнейших событий и дат из жизни описываемого лица, преследующий не столько художественные, сколько ученые цели. Второй вид — биография-характеристика, воссоздающая образ деятеля. Для биографии этого типа внешние события интересны лишь постольку, поскольку они освещают «характер» (в его только что рассмотренном понимании). В специфической установке на факты, характеризующие личность, древние видели отличие биографии от истории. Так понимает свою задачу и Плутарх. Во вступлении к биографиям Александра Македонского и Юлия Цезаря он предупреждает читателя, что многие значительные исторические события будут либо кратко изложены, либо вовсе опущены: «Мы пишем жизнеописания, а не историю; замечательные деяния далеко не всегда являются обнаружением доблести или порока. Незначительный поступок, словцо, шутка чаще лучше выявляют характер, чем кровопролитнейшие сражения, великие битвы и осады городов. Как живописцы, не заботясь об остальных частях, стараются схватить сходство

в лице и в глазах, в чертах, в которых выражается характер, так да будет позволено и нам глубже проникнуть в проявления души и с их помощью очертить облик жизни обоих [т. е. Александра и Цезаря], а описание великих деяний и битв предоставим другим». Создание целостного и выпуклого облика с помощью мозаики мелких штрихов, «проявлений души», — таков художественный метод античной биографии. Этот метод, созданный еще в эпоху эллинизма, Плутарх применил с большим успехом и в широких масштабах. В погоне за интересующими его деталями он не брезгает анекдотом, даже сплетней, но дает занимательный и наглядный рассказ, порою достигающий подлинного драматизма. Шекспир создавал «Юлия Цезаря» и «Антония и Клеопатру» по канве соответствующих биографий Плутарха, и ему очень мало пришлось изменить в драматической группировке фактов источника. В какой мере этот драматизм является художественным достижением самого Плутарха, — не перешел ли он к нему по наследству от историков, трудами которых он пользовался, — один из тех вопросов, на которые чрезвычайно трудно дать ответ, поскольку предшественники Плутарха для нас утеряны. Вместе с тем Плутарх и в «Жизнеописаниях» остается моралистом. Повествование нередко прерывается морализирующим размышлением. Биографии в большинстве случаев имеют назидательную цель — показать достойные образцы поведения, и автор нередко сознательно идеализирует своих героев. Он любит рисовать высокие моральные качества древних государственных людей, строгую добродетель и простоту нравов, свободолюбие, героизм, преданность родине.

Однако Плутарх не ограничивается галереей добродетельных героев. Одна из самых сильных книг его серии — парная биография Деметрия Полиоркета и Марка Антония, которой предпослано замечание, что «великим натурам бывают присущи не только великие доблести, но и великие пороки». Моралист и мастер художественной характеристики, Плутарх не стремился быть историком. Как историк он и не стоит на высоте античной науки ни в смысле критического отношения к источникам, ни в понимании хода исторических событий. Немногие греческие писатели пользовались в позднейшее время такой популярностью, как Плутарх. Византийцы ценили его за богатство эрудиции и благочестивый образ мыслей, и благодаря этому сохранилось такое большое количество его произведений. С конца XIV в. он стал известен в Западной Европе. В XVI — XVIII вв. господствующее течение чувствовало себя ближе к литературе римской эпохи, чем к классической Греции, и Плутарх был в это время любимым греческим писателем. Как гуманный моралист, враждебный аскетизму, Плутарх привлекал внимание гуманистов (Эразм, Рабле), вождей реформации, философов (Монтень, Руссо). Особенный интерес вызывали, однако, биографии. Шекспир («Кориолан», «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра»), Корнель, Расин заимствуют из них сюжеты своих драм, в XVII в. создаются многочисленные жизнеописания «знаменитых людей» по образцу Плутарха. Деятели французской буржуазной революции, а у нас декабристы, увлекались героями Плутарха, как воплощением республиканских добродетелей. Маркс в «18 брюмера» говорит о том, что «в классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от

самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии».[Соч., т. VIII, 1931, стр. 324.] Эти предания они находили преимущественно у Плутарха. Религиозные взгляды Плутарха заключают в себе уже все существенные черты поздне-античного мирозерцания: здесь и единый справедливый бог» и бессмертные души, и провидение, и иерархия добрых и злых демонов, посредников между божеством и людьми; в эту систему божественных сил разных рангов входят боги греческой народной религии, равно как и восточные божества.

В отличие от указанных авторов Плутарх писал не историю, а биографию, и это им прямо подчёркивается. «Главной линией в творчестве Плутарха является раскрытие положительных сторон характера и психологии героя». [Трохачев С. Ю. Арриан и его герой // Арриан. Поход Александра. СПб., 1993. С. 11.]

Тема для риторических упражнений: чему главным образом обязан Александр своими успехами-собственным достоинствам или судьбе –получает разработку в юношеском сочинении Плутарха «О судьбе и доблести Александра». Любопытно отметить, что самая трактовка фактов в разных трудах писателя далеко не идентична – многое меняется не только результате эволюции его взглядов, но и в соответствии с целями и жанром литературного сочинения. [Квинт Курций Руф «История Александра Македонского» Москва 1993 стр-9]

1.4.История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Диодора

С ростом интереса к сочинению Диодора, обусловленного важностью и ценностью его информации¹, а также в связи с тенденцией современной исторической науки к исследованию теории и истории возникновения исторической мысли вообще и всеобщей истории как историографического жанра, в частности², все большее внимание исследователей стало привлекать общее Введение к его «Исторической библиотеке».

Попытки обнаружить в труде Диодора следы самостоятельного творчества предприняли еще в конце XIX в. Л. О. Брокер, М. Эверс и Р. Нойберт³. В конце 80-х годов XIX в. Г. Бузольт в специальной статье «Отношение Диодора к стоицизму»⁴, рассмотрев некоторые положения Введения, увидел в нем отражение стоических и эпикурейских взглядов. В 30—40-х годах XX в. уже появились сочинения, в которых общее Введение к «Исторической библиотеке» и небольшие предисловия к каждой отдельной книге стали предметом специального исследования⁵. Особенно следует отметить диссертацию М. Кунц. Исследуя источники Диодора, а также анализируя содержание его общего Введения к «Исторической библиотеке» и отдельных предисловий к каждой книге с точки зрения формы, стиля, фразеологии и отражения в них соответствующих идей, она пришла к выводу, что общее Введение и большинство отдельных предисловий — плод творчества самого

Диодора, который высказал в них мысли, имевшие широкое распространение в эллинистической историографии⁶. Определяя место Диодора в греческой историографии этого времени, Кунц рассматривает его как составителя компилятивной универсальной истории и подчеркивает его тесную связь с Эфором, Полибием и Посидонием⁷.

Некоторые современные исследователи, такие, например, как Р. Лакер, М. Паван, Р. Дрюс, П. Бурде и др., развивая идеи своих предшественников и прослеживая связь между общим Введением и всей работой в целом, стремятся выяснить сущность исторической концепции, отразившейся в «Исторической библиотеке» Диодора. Считая его одним из составителей универсальной истории в древности и определяя его место среди писателей, создавших подобного рода сочинения, эти исследователи полагают, что его труд продолжает традиции Эфора, Полибия и Посидония и является историей космополиса⁸. Другие ученые, рассматривая сочинение Диодора с этих же позиций, оценивают его наравне с «Всеобщей историей» Полибия как важнейший источник для изучения греческой эллинистической прозы и пытаются проследить в нем отражение позднеэллинистических представлений о происхождении мира, культуры и богов⁹.

Наряду с этим в исторической литературе имеет широкое распространение и другая точка зрения, согласно которой Диодор был не более чем компилятором, механически переписывавшим сочинения других писателей, иногда частично сокращая изложение, но чаще описывая дословно, даже наивно повторяя некоторые замечания авторов¹⁰. Что же касается мыслей, высказанных во Введении, то эти исследователи полагают, что они полностью заимствованы им из сочинения какого-то одного автора, и называют Эфора или Посидония.

В советской исторической науке Введение к «Исторической библиотеке» Диодора стало предметом специального исследования М. К. Трофимовой¹¹ в связи с ее анализом «Утопии Ямбула». Правда, она исследовала не все Введение, а только первые четыре главы, но тем не менее убедительно показала его цельность и внутреннюю связь. Сравнивая мысли, высказанные Диодором в первых главах Введения, с его описанием Счастливого острова, М. К. Трофимова делает два важных для оценки Диодора как историка выводы. Во-первых, мысли, высказанные им во Введении, не являются изолированными, не связанными с остальными частями его труда, как часто еще и сейчас утверждают многие ученые; напротив, Диодор возвращается к ним на протяжении всего сочинения. Во-вторых, несомненно, в основе рассуждений Диодора о значении всеобщих историй и роли историков лежит стоическая концепция «общего закона» и божественного провидения, хотя рассмотрение остальных глав Введения показывает, что Диодора нельзя назвать последовательным стоиком.

Таким образом, по поводу «Исторической библиотеки» и Введения к ней высказываются самые противоположные точки зрения. Наша задача заключается в том, чтобы проанализировать содержание Введения и по возможности

выяснить место его основных положений в системе греко-римских историко-философских представлений.

Содержание Введения делится на три части. В первых трех главах отразились космополитические идеи, начавшие складываться еще в Греции в IV в. до н. э. и окончательно утвердившиеся на римской почве в период Поздней республики. Кроме того, в этих главах Диодор высказывается о значении универсальной истории и пользе исторических сочинений, а также пытается критически оценить существующую литературу. В IV и V главах Диодор характеризует структуру своего сочинения, дает периодизацию и хронологию. Наконец, третья часть Введения отражает его представления о происхождении Вселенной, животного и растительного мира, о возникновении человека и его первобытном состоянии, о развитии человеческой культуры.

Уже в самом начале Введения Диодор указывает на большое значение универсальных историй (κοινὰ ἱστορία) и воздает хвалу их составителям за то, что они своими трудами стремятся оказать помощь всему человеческому обществу (οφελῆσαι τὸν κοινὸς βίος). Таким образом, представление Диодора об универсальной истории основывается на стоическом постулате κοινὸς βίος. Он подчеркивает, что благодаря историческим сочинениям, которые доставляют знания об успехах и неудачах, из каждого индивидуального опыта складывается общечеловеческий опыт. Однако поскольку у Диодора каждый индивидуальный опыт есть проявление ἀνθρώπων ἀλλυγένεια, то создание единого общечеловеческого опыта понимается им не только как механическое соединение отдельных индивидуальных опытов. В его представлении универсальность человеческой истории обусловлена внутренним тождеством каждого человеческого опыта и является также моментом космической гармонии, в которой обнаруживается действие божественного провидения (φεῖα προνοία)¹².

Итак, суждения Диодора о мировом государстве, его сравнение труда историков с деяниями божественного провидения и прославление универсальной истории указывают, несомненно, на влияние на Диодора стоических космополитических представлений¹³, почерпнутых, возможно, из сочинений Полибия и Посидония. Так, например, Полибий, говоря о преимуществах всеобщей истории, отмечал, что «...история по частям дает лишь очень немного для точного уяснения целого; достигнуть же этого можно только посредством соединения и сопоставления всех частей, как сходных, так и различных между собой; только таким образом можно постигнуть целое и, воспользовавшись уроками истории, насладиться ею». Вместе с тем в представлениях Полибия универсальная история не была механическим соединением отдельных частных историй, поэтому он подчеркивал, что целое всегда больше, чем сумма частей¹⁴. Подобно Полибию Посидоний полагал, что история должна быть универсальной. Правда, он рассматривал изучение человеческих дел как часть постижения универсального космического процесса. В связи с этим Посидоний считал, что история должна быть служанкой божественного провидения¹⁵.

В связи с широким распространением начиная с IV в. до н. э. нравственно-этических идей укрепился прагматический подход к истории, на которую стали смотреть как на сокровищницу примеров, иллюстрирующих добродетели и пороки. Рассуждения о пользе исторических сочинений нашли отражение и у Диодора, который неоднократно утверждал, что приобретение знаний посредством истории есть величайшая польза для людей на все случаи жизни. Впервые полезность истории была отмечена Фукидидом, который говорил, что его «...изложение, чуждое басен, может показаться менее приятным для слуха, однако его сочтут достаточно полезным (ωφέλιμα) все те, кто пожелает иметь ясное представление о минувшем». Суждения Фукидида и Диодора о полезности истории существенным образом различаются между собой. У Диодора представление о пользе истории не выходит за рамки морализирования. Высшее назначение историка, по его мнению, быть учителем, потому что «...история — как бы метрополия всей философии, способна воспитывать у людей безукоризненную честность». Подобного рода идеи мы встречаем и у Полибия. Однако и его представления о пользе исторических сочинений очень отличаются от того, что говорится у Диодора. По мнению Полибия, полезность всеобщей истории прежде всего заключается в том, что она позволяет понять общий и закономерный ход событий и зависимость одного события от другого. Для Полибия историк был одновременно и политическим наставником, который мог влиять на общественное мнение, Диодор же воспринимает историка только как наставника нравственности.

Рассуждения Диодора о полезности истории более всего перекликаются с соответствующими идеями Исократ, рассматривавшего историю как общее для всех наследство, которым можно воспользоваться в нужный момент, и видевшего в ней сокровищницу примеров, иллюстрирующих благородные и порочные поступки. Подчинение историографии задачам этики было следствием широкого взаимодействия риторики и истории. Образец этого взаимодействия продемонстрировал Исократ, рассматривавший речи как средство упражнения моральных качеств личности. Он широко пользовался панегириками и моральными проповедями, сопровождая их возвышенными рассуждениями, наполненными либо романтическим восхищением (εὐκόμιον), либо патетическим недовольством (φόβος) в отношении событий и деяний как прошлого, так и настоящего. Эти εὐκόμια и φόβοι, перекочевав в сочинения историков, стали впоследствии важнейшей особенностью эллинистической историографии¹⁶. Уже в речи «Против софистов» Исократ указывал на важнейшую воспитательную функцию искусства красноречия. Однако наиболее ярко эта мысль отразилась в речи «Никокл», где Исократ дал прекрасный образец энкомия в честь ораторского слова¹⁷. В этом же духе и с помощью тех же выражений восхваляет слово и Диодор. Непосредственно с этим энкомием связано также прославление Диодором искусства чтения и письма.

Проблема соотношения истории и риторики, впервые поставленная Исократом, впоследствии оказалась не менее актуальной и для Рима, где она детально исследовалась Цицероном. Отмечая, что занятия историей — труд, наиболее подходящий для оратора, Цицерон пытался доказать, что история

развивалась и совершенствовалась в зависимости от развития риторики¹⁸. В трактате «Об ораторе» он приводит краткий, но выразительный панегирик истории, говоря что она — «...поистине свидетельница времени, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, вестница прошлого». Сравнивая историю с другими жанрами, Цицерон отмечает, что ее никоим образом нельзя сблизить с поэзией, поскольку главная задача поэзии — доставлять людям удовольствие, историческое же повествование должно быть направлено на то, чтобы сообщать им правду и быть кладезем мудрости, достоинства, образцов для подражания¹⁹. С этими мыслями Цицерона перекликаются также некоторые суждения Диодора, в которых он прославляет историю и выделяет ее среди других жанров.

Итак, рассмотренный нами материал первых двух глав Введения свидетельствует о том, что Диодор как представитель эллинистической историографии находился под большим влиянием риторики и моралистической философии.

Из содержания III главы видно, что Диодор, приступая к написанию своего сочинения, отдавал себе отчет в том, что существует бесчисленное множество исторических трудов, составленных писателями, жившими до него. Стремясь найти свое место среди этого безбрежного моря литературы, Диодор дает ей критическую оценку²⁰. Правда, рассуждения его показывают, что критика его примитивна и поверхностна. Главным недостатком предшествующей литературы, по мнению Диодора, было то, что большинство писателей описывали ограниченные войны, которые велись одним народом или одним государством, в то время как историки должны излагать события всего обитаемого мира как бы одного государства, и их сочинения должны быть единым рассказом и общим суждением обо всем свершившемся. Это замечание Диодора не идет дальше соответствующих высказываний Полибия. К числу других недостатков Диодор относит отказ от рассмотрения древней мифологии и деяний варварских народов, ограничение исторического повествования временем Филиппа, Александра, в крайнем случае диадохов или эпигонов, в результате чего многие значительные события, случившиеся после этого, оказались забытыми. Таким образом, Диодор никого из своих предшественников не считал универсальным историком в его собственном понимании этого слова. Хотя Диодор не называет имен писателей, тем не менее можно с уверенностью сказать, что его критика касается Геродота, Тимея, Эфора и, может быть, Полибия и Посидония. Геродот писал об истории греков и варваров, но, как известно, ограниченной рамками определенного периода. Тимей писал только об истории греческого мира с древнейших времен до I Пунической войны. По адресу Тимея и других писателей Диодор высказывает конкретные критические замечания в XIII книге своего сочинения, по-видимому, следуя за Полибием, который критике Тимея посвятил всю XII книгу своей «Всеобщей истории».

Претендуя на объективность своего изложения и противопоставляя свое сочинение сочинениям Тимея и других писателей, Диодор высказывает пожелание, чтобы «...историки в случае некоторых ошибок, проистекающих из-за незнания, получали оправдание, поскольку они — люди и в событиях прошлого обычно с трудом отыскивают истину. Напротив, тех, которые по

собственному желанию не хотят добиваться точности, нужно подвергать обвинению, особенно когда они, льстя одним или проявляя острую враждебность к другим, отклоняются от истины». И в этом случае Диодор буквально повторяет Полибия, который, критикуя Тимея, писал: «К писателям, заблуждающимся по неведению, надлежит относиться снисходительно, а неправду умышленную изобличать беспощадно».

Когда Диодор говорит, что некоторые историки отвергли древние мифы из-за трудности их обработки, он имеет в виду прежде всего Эфора, который, как известно, в своей истории игнорировал мифологический период²¹. В этом же смысле, как нам представляется, можно говорить также о различии между Диодором и Полибием. Последний во вступлении к IX книге своей «Всеобщей истории» высказывается против таких исторических сочинений, которые наполнены мифами и историческими курьезами. История, по его мнению, должна быть историей политической реальности, т. е. деяний, иначе она не имеет силы. Диодор же, наоборот, говоря о слабости человеческой природы, подчеркивает значение индивидуального утверждения как средства преодоления этой всеобщей слабости, вследствие чего история у Диодора, обнаруживающая свой смысл в героизации отдельных личностей, не может исключить миф, ибо, по его мнению, в каждом, даже гиперболическом, действии осуществляется полнота исторического опыта. Таким образом, миф у Диодора рассматривается как отражение человеческого опыта, сохранившегося в памяти в качестве пережитка, и ценность его в том, что он подчеркивает для потомков значение индивидуальной доблести. Именно поэтому Диодор включает миф в историю и использует его в утилитарно-поучительных целях. В этом, несомненно, можно видеть влияние эвгемеровской традиции²². К этому можно также добавить, что Диодор, переходя к изложению мифов в предисловии к IV книге, выражает сожаление, что мифологическая история еще не заняла подобающего места в историографии.

Среди недостатков, присущих существующей литературе, Диодор называет также пренебрежение к точной хронологии событий, подчеркивая, что «...событие, точно датированное во времени, более полезно, чем то, которое неизвестно когда произошло». Это суждение Диодора, по-видимому, свидетельствует о том, что современному ему читателю интересовали не только события прошлого, но и точная их датировка. Однако интерес читателя неизбежно наталкивался на препятствие, которое, согласно Диодору, заключалось в том, что даты отдельных событий и описание самих событий были разбросаны по многим сочинениям различных авторов, вследствие чего возникали трудности их усвоения и запоминания.

Это замечание Диодора можно объяснить следующим образом. До III в. до н. э. не существовало единых хронологических систем, посредством которых можно было бы синхронизировать события, совершившиеся в различных районах мира, и точно их датировать. Поэтому в сочинениях историков от Геродота до Полибия фактически отсутствует абсолютная хронология. Только с III в. до н. э. благодаря исследованиям александрийских ученых стали появляться хронологические таблицы, авторы которых стремились разработать

универсальную хронологическую систему, с помощью которой датировали различные события, свершившиеся в мире, синхронизируя их между собой²³. Среди историков одними из первых Тимей и Полибий пытались применить универсальную хронологическую систему, основанную на счете по олимпиадам²⁴. Однако, как показывает труд Полибия, он нередко отказывался от этой системы по причине трудности ее соблюдения²⁵. Таким образом, оказывалось, что историки излагали события без достаточно последовательного использования абсолютной хронологии; более или менее точные датировки этих событий предлагались в различных хронологических таблицах, хрониках и хронографах, в большом числе появившихся в III—I вв. до н. э.²⁶ Поэтому возникла настоятельная необходимость, как говорит Диодор, привязать соответствующие даты к отдельным событиям. По крайней мере современник Диодора Дионисий Галикарнасский в сочинении «О Фукидиде» считал одним из недостатков историка его изложение событий по летним и зимним кампаниям и полагал, что лучше было бы распределять события во времени по царям, жрецам, олимпиадам и архонтам²⁷.

Завершая анализ содержания III главы Введения, следует отметить, что, хотя приемы критики Диодора примитивны и он в ней далеко уступает Фукидиду и Полибию, тем не менее его рассуждения свидетельствуют о том, что Диодор был достаточно хорошо знаком с существующей литературой, подходил к ней целенаправленно и, отметив некоторые присущие ей недостатки, во всяком случае пытался избежать их при составлении своей «Исторической библиотеки» и удовлетворить запросы читателя. Поэтому он стремился изложить сохранившиеся в памяти людей события всего мира как бы одного государства, начиная с древности и вплоть до его собственного.

Рассмотрим теперь вторую часть Введения, т. е. содержание IV и V глав. В самом начале IV главы Диодор указывает на важность для историка географических знаний, следуя в этом суждении за Полибием и другими историками. Интерес к географии в Элладе имел глубокие корни. Они восходят еще к VI в. до н. э., к трудам Анаксимандра и Гекатея, выдающимися последователями которых были философ Демокрит, астроном Эвдокс, перипатетик Дикеарх и др. Однако качественно новое отношение к географии наметилось уже после походов Александра Македонского и его полководцев, когда значительно расширилась область знаний об обитаемой земле. В III в. до н. э. с именем Эратосфена связан переход к изложению научных основ географии. Он внес в географию важнейшие положения математики и физики. История с самого начала своего возникновения включала в себя изучение не только деятельности человеческих коллективов, но и исследование той природной среды, в которой она протекала. Уже у логографов, в частности у Гекатея, а затем у Геродота и Фукидида история неотделима от географии. Однако в сочинениях эллинистических историков география занимает гораздо большее место, чем у их предшественников. Так, например, Полибий одним из первых попытался обосновать необходимость для историка географических знаний. В противном случае, считал он, писатель, пользующийся только книжными знаниями и не знающий местностей, где происходили события,

обречен на грубые ошибки. Подобно Полибию и Посидоний был в равной степени знаменит как историк и как географ. Неслучайно столь значительное внимание географическим штудиям того и другого уделяет Страбон.

Сочинение Диодора, как это неоднократно отмечали исследователи, дает мало доказательств того, что историк действительно побывал во многих районах Азии и Европы. С полной уверенностью можно лишь сказать, что, помимо Сицилии и Италии, он посетил Египет и жил какое-то время в Бубасте и Александрии²⁸. Нет оснований сомневаться в том, что Диодор бывал в Риме, поскольку он сообщает, что в Риме был достаточный запас материалов, имеющих отношение к его сочинению, и о том, что он там долго жил и получил точные сведения, почерпнутые из документов, которые у римлян сохранялись в течение длительного времени.

Далее Диодор характеризует план своего сочинения. Следует отметить, что вопросу о правильном расположении материала стали уделять особенно большое внимание в эллинистической историографии, в частности, в тех случаях, когда речь шла о создании всеобщей истории. Так, например, на это неоднократно указывал Полибий, отмечая, что историк должен поступать со своим материалом так же, как командующий с войсками, и оба должны руководствоваться в своих действиях твердым планом. Дионисий Галикарнасский в уже упоминаемом сочинении «О Фукидиде» также указывал на необходимость правильного выбора событий для начала и конца истории²⁹. Таким образом, забота Диодора о плане своего сочинения вполне согласуется с теми тенденциями, которые сложились в эллинистической историографии. Вместе с тем необходимо сказать, что план Диодора можно рассматривать и как своеобразную периодизацию всемирной истории. Он выделяет четыре периода: 1) происхождение мира; 2) события и легенды до Троянской войны; 3) события от Троянской войны до смерти Александра; 4) события от смерти Александра до начала войны между римлянами и кельтами, во время которой Юлий Цезарь распространил господство Рима вплоть до Британских островов. Как показывает содержание книг «Исторической библиотеки», Диодор каждый из исторических периодов членил на более мелкие подпериоды, используя в качестве критерия деятельность выдающихся личностей и важность исторических событий. Так, например, термин «Пелопоннесская война» впервые встречается у Диодора³⁰. Он же выделяет и целый ряд других важных периодов греко-римской и варварской истории. [Строгецкий В.М Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, текст приводится по изданию: Вестник древней истории, 1986, № 2, с. 65—82.]

¹Сохранившиеся I—V и XI—XX книги, а также большое число фрагментов остальных книг сообщают комплекс сведений из истории, философии, религии и мифологии Греции, Италии, Сицилии и народов Востока, охватывая громадный период — с мифологических времен вплоть до середины I в. до н. э.

²Bürde P. Untersuchungen zur antiken Universalgeschichtsschreibung. Inaugural-Dissertation zu Erlangen-Nürnberg. München, 1974, S. 43 ff.

³Broker L. O. Untersuchungen über Diodor. Gütersloh, 1879; *idem*. Moderne Quellenforscher und antike Geschichtsschreiber. Innsbruck, 1882, S. 61 ff.; Evers M. Ein Beitrag zur Untersuchung der Quellenbenutzung bei Diodor. — In.: Festschrift zu dem 50. Jährigen Jubiläum der Berliner König. Real-Schule, 1882, S. 243 f.; Neubert R. Spuren selbstständiger Tätigkeit bei Diodor. Progr. Bautzen, 1890.

⁴Busolt G. Diodors Verhältnis zum Stoicismus. — Jahrbücher für class. Philologie, 1899, XXXIX, S. 297 ff.

⁵Kunz M. Zur Beurteilung der Prooemien in Diodors Historischen Bibliothek. Diss. Univ. Zürich, 1935; Troilo E. Considerazioni su Diodoro Siculo e la sua storia universale. — In: Atti dell'istituto Veneto di scienze lettere ed arti. Anno Acc.,

1940—1941, tomo c, parte seconda, classe di scienze inorale e lettere, p. 17 sq.; *Farrington B.* Diodorus Siculus Universal Historian. Univers, of Wales, 1937.

⁶*Kunz.* Op. cit., S. 67 ff.

⁷*Ibid.*, S. 20 ff.

⁸*Laqueur R.* Diodorea. — *Hermes*, 1958, B. 86, H. 3, S. 257—290; *Pavan M.* La teoresi storica di Diodoro Siculi. — *RAL*, 1961, ser. VIII, v. XVI, fasc. 1—2, p. 19—52, 117—151; *Drews R.* Diodorus and his Sources. — *AJPh*, 1962, v. 83, 4, p. 383 ff.; *Bürde.* Op. cit., S. 43 ff.

⁹*Palm J.* Über Sprache und Stiel des Diodoros von Sizilien. Ein Beitrag zur Beleuchtung der hellenistischen Prosa. Lund, 1955; *Spoerri W.* Späthellenistische Berichte über Welt, Kultur und Götter. Basel, 1959; *Cole Th.* Democritus and the Sources of Greek Anthropology. Western Reserve Univ., 1967; *Müller R.* Die epikureische Gesellschafts-Theorie. B., 1974, S. 55 ff.

¹⁰*Wachsmuth C.* Über das Geschichtswerke des Sikelioten Diodoros. B. I—II. Lpz, 1892; *idem.* Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Lpz, 1895, S. 81 ff.; *Schwartz Ed.* Diodoros. — *RE*, 1903, V, Sp. 663 ff.; *Hammond N. G. L.* The Sources of Diodorus Siculus XVI. — *CQ*, 1937, v. 31, p. 79—91; *Westlake ff. D.* The Sicilian Books of Theopompus Philippica. — *Historia*, 1954, B. I, p. 300 ff.

¹¹*Трофимова М. К.* К пониманию «Утопии Ямбула» у Диодора Сицилийского. — В кн.: История социалистических учений. Сб. ст. М., 1982, с. 236—251.

¹²*Diod.*, I, 1, 3. Об учении стоиков о божественном провидении см. *Diog. Laert.*, VII, 52, 133, 138, 149; ср. *Spoerri.* Op. cit., S. 104, Anm. 7; S. 140, Anm. 27; S. 149; *Baldry H. C.* The Unity of Mankind in Greek Thought. Cambr., 1965, p. 187 f.; *Bürde.* Op. cit., S. 35, Anm. 244.

¹³*Baldry.* Op. cit., p. 71 ff.; *Breebaart A. B.* Weltgeschichte als Thema der antiken Geschichtsschreibung. — *AHN*, 1966, v. 1, S. 1—21, besond. 8; *Burton A.* Diodorus Siculus. Book I. A Commentary. Leiden, 1972, p. 35 f.; *Bürde.* Op. cit., S. 35 ff., 43 ff.

¹⁴*Polyb.*, I, 4, 6 sq.; ср. *Bürde.* Op. cit., S. 25 ff. Характеристику стоического учения о целом и части см. у Секста Эмпирика (*Adv. phys.* I, 332 sqq.).

¹⁵*Pohlenz M.* Die Stoa. Geschichte einer geistigen Bewegung. B. I. Göttingen, 1964, S. 233; *Bürde.* Op. cit., S. 35, Anm. 245; *Baldry.* Op. cit., p. 178; *Nock A. D.* Poseidonius. — *JRS*, 1959, v. 49, p. 1—15; *Burton.* Op. cit., p. 36.

¹⁶Г. Л. Барбер (*Barber G. L.* The Historian Ephorus. Cambr., 1935, p. 75) совершенно не прав, утверждая, что влияние идей Исократы было ограничено кругом его учеников. См., напротив, *Mühl M.* Die politischen Ideen des Isocrates und die Geschichtsschreibung. Würzburg, 1918; *Weites C. B.* Isokrates' View of History. — In: The classical Tradition Studies in Honor of Harry Caplan. Ithaca, N. Y., 1966, p. 3—25; *Зельин К. К.* Из области греческой историографии IV в. до н. э. — *ВДИ*, 1960, № 1, с. 84 сл.; *Исаева В. И.* О некоторых направлениях в изучении речей Исократы. — *ВДИ*, 1974, № 4, с. 45 сл.; она же. Особенности политической публицистики Исократы. — *ВДИ*, 1978, № 2, с. 72.

¹⁷См. *Миллер Т. А.* К истории литературной критики в классической Греции V—IV вв. до н. э. Сократ. — В кн.: Древнегреческая литературная критика. М, 1975, с. 56 сл.

¹⁸См. *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима, М., 1977, с. 109 сл.

¹⁹Ср. там же, с. 110.

²⁰См. *Burton.* Op. cit., p. 37.

²¹*Schwanz Ed.* Ephoros (1). — *RE*, 1909, VI, Sp. 1 ff.; *Barber.* Op. cit., p. 144 f.; *Connor W. R.* Studies in Ephorus. Diss. Princeton, 1961; *Burton.* Op. cit., p. 38.

²²Об учении Эвгемера см. *Sext. Empir.*, *Adv. phys.* I, 17. О влиянии на Диодора эвгемеровской традиции см. *Spoerri.* Op. cit., S. 190 ff.; *Cole.* Op. cit., p. 48 ff.; ср. *Burton.* Op. cit., p. 70 f.

²³*Perl G.* Kritische Untersuchungen zu Diodors römischen Jahreszählung. B., 1957; *Bürde.* Op. cit., S. 99 ff.

²⁴*Polyb.*, XII, 11, 1; XXXIX, 8, 6; ср. V, 31, 3—5. К этому см. *Pedech O.* La metode historique de Polybe. P., 1964, p. 433 suiv.; *Bürde.* Op. cit., p. 103 ff.

²⁵*Polyb.*, XIV, 12, 1; XV, 24a; XXVIII, 16, 10; XXXII, 11, 3 sq.

²⁶*Jacoby F.* Apollodors Chronik. Eine Sammlung der Fragmente. — *Philologische Untersuchungen*, 1902, 16; *Perl.* Op. cit., S. 144 f.; *Bürde.* Op. cit., S. 100 ff.

²⁷*Dion. Hal.*, Περὶ Ἑοικείδου, 9, 82б; ср. *Соболевский С. И.* Дионисий Галикарнасский. — В кн.: История греческой литературы. Т. III. М., 1960, с. 156 сл.

²⁸См. *Burton.* Op. cit., p. 39.

²⁹См. также *Дионисий Галикарнасский.* Письмо к Помпею, 768—769. — В кн. Античные риторика. М., 1978, с. 227.

³⁰А. В. Гомм (*Gomme A. W.* Commentary on Thucydides. V. II. Oxf. 1956, p. 1) просмотрел это место у Диодора, приписывая употребление этого термина впервые Страбону. До I в. до н. э. термин «Пелопоннесская война» не употреблялся. Эфор, описывая первые 10 лет войны, называет ее Архидамовой войной (см. *Нарпрос.*, s. v. Ἀρχίδαμος πόλεμος).

1.5. История военных походов Александра Македонского в Среднюю Азию в трудах Юстина.

Марк Юниан Юстин (лат. Marcus Junianus Justinus) — римский историк III века, а втор извлечения из недошедшего до нас обширного исторического труда в 44 кнгах более раннего римского историка I века Трога Помпея, под заглавием «*Historiae Philippicae*» («История Филиппа», имеется в виду македонский царь Филипп II). Извлечение Юстина содержит в себе всемирную историю, главным образом македонскую, от мифических времен до I века, без тщательной хронологической последовательности событий. Ей немало пользовался историк V века Орозий; она была ценима в Средние века. Изложение Юстина отличается простотой и ясностью, включает в себе много интересного и до сих пор имеет значение, хо

тя не всегда выдерживает строгую критику. Юстин сосредотачивается на описании занимательных и поучительных фактов, часто недостоверных, обнаруживаются неточности при сопоставлении его истории с трудами других античных авторов. Однако источники Юстина, или вернее Трога Помпея, доносят уникальную информацию, которую невозможно найти у других авторов. Юстин повторил версию Помпея Трога о большей древности скифов по отношению к египтянам, привел имена ранних царей скифов и указал на связанные с ними события.

В начале трактата содержится упоминание имени императора Марка Антонина (Гелиогабала), из чего делается вывод о жизни Юстина во времена этого императора (III век), но определенные сомнения остаются, так как есть подозрения, что имя императора было дописано в манускрипте рукой редактора. В оригинальных манускриптах используется слово *magis*. Некоторые исследователи полагают, что *magis* обозначает поврежденную запись М. А. С., то есть *Marce Antonine Caesar*. В любом случае Юстин должен был жить во времена до V века.

О самом Юстине ничего не известно, и даже имя его в разных манускриптах пишется по-разному, *Marcus Junianus Justinus* или *Justinus Frontinus*.

[<https://ru.wikipedia.org/wiki>]²³

Произведение Помпея Трога «Филиппова история» («*Historiae Philippicae*»), созданное в правление знаменитого римского императора Августа, несомненно, принадлежало к ряду наиболее замечательных исторических сочинений античной эпохи. Этот труд представлял собой попытку описания исторических судеб человечества, начиная с легендарных времен и до современных автору дней, причем центральное место в данном сочинении было уделено Македонии и ее выдающимся монархам – Филиппу II, с именем которого связано название произведения, и Александру Великому (Аннаев, 2014. С. 15). К сожалению, сочинение Помпея Трога не дошло до нас в полном объеме и сохранилось лишь в виде эпитомы – сокращения, правда, довольно обширного, сделанного во II или III в. н.э. неким Марком Юнианом Юстином²⁴. Но даже в таком варианте труд Помпея Трога продолжает оставаться весьма ценным, а подчас и единственным источником информации по многим событиям и сюжетам истории древнего мира, и прежде всего по истории эллинизма. В основу настоящего издания положен существующий русский перевод сочинения Помпея Трога (Юстина), давно уже ставший библиографической редкостью.

По сравнению с блестящими представителями «золотого века» римской литературы Помпею Трогу обычно уделяется меньше внимания. Его произведение «*Historiae Philippicae*» в 44 книгах не отличалось исключительными литературными достоинствами, насколько можно судить по единственной сохранившейся без сокращений речи; к тому же это произведение было сравнительно рано утрачено, и мы можем составить о нем представление лишь по извлечению Юстина и прологам – своего рода оглавлению всех 44 книг сочинения Трога. Хотя эти прологи составлены не автором, все же они включают весьма ценный материал, дополняя во многих случаях извлечение Юстина и показывая отдельные известия последнего в первоначальном

²³ Шакйдуллаев. И

²⁴ Аннаев. Эшшак

авторском контексте. Даже беглое ознакомление с этими источниками показывает, что оригинал представлял собой не только обширное, но и очень содержательное, написанное на основании большого и разнообразного материала произведение, в котором этот материал был объединен и освещен некоторыми общими историческими идеями. Эпитоматор ограничился передачей лишь некоторых моментов в содержании каждой из книг, входящих в состав труда Помпея Трога, но сохранил их число и последовательность. Поэтому и теперь вполне возможно определить, несмотря на огромные лакуны и тенденциозный подбор материала, композицию труда и историческую концепцию автора. Помпей Трог – современник Ливия. Его труд написан около 7 г. н.э. В глазах Юстина он был человеком, в произведении которого отразился литературный блеск эпохи Августа: это *-vir priscae eloquentiae*. Мы знаем о нем только то, что он сам сообщает о себе. Трог был родом из области воконтиев в Нарбонской Галлии. Его дед получил права римского гражданства от Гнея Помпея во время войны с Серторием. Дядя (по отцу) был предводителем отряда всадников под командой того же Помпея во время Митридатовой войны, но отец служил уже Юлию Цезарю в качестве секретаря и переводчика. Произведение Помпея Трога называется «*Historiae Philippicae*», вероятно, потому, что центральное место в его изложении занимает история Македонии при Филиппе и Александре Македонском, завоевания последнего и история греко-македонских государств, возникших в результате распада империи Александра. Название, напоминающее «*Philippica*» Феопомпа, связано с общим замыслом автора, с тем значением, которое в его исторической концепции имела попытка создания «мировой» империи. Но «*Historiae Philippicae*» – вовсе не история только Македонии и ее царей: перед нами разворачивается широкая картина развития всего человечества, начиная с седой старины, от царствования легендарных Нина и Семирамиды до живой современности, до времени Августа. Это действительно *res gestae*, по выражению Юстина, «всех веков, царей, племен, народов». Таким образом, оригинал может быть сопоставлен с другими изложениями всеобщей истории, образцы которых завещала нам античная древность.

Помпей Трог изображал весь ход всемирной истории. Насколько можно судить по передаче Юстина и Прологам, он искусно связывал отдельные части сложного целого, не теряя из виду главной цели своего изложения: показать возникновение, историю и крушение великих держав и начатки культурного развития всех племен и народностей. Труд Помпея Трога является переработкой сочинения неизвестного нам греческого автора. Было высказано предположение¹, что этим автором был грек из Александрии по имени Тимаген. Его произведение носило название «О царях». Однако Тимаген нам известен очень мало, и вопрос о предшественнике Помпея Трога остается открытым². С другой стороны, многие исследователи стремились связать выпад Тита Ливия против *levissimi ex Graecis* с автором греческого оригинала «*Historiae Philippicae*», усматривали в нем историка с пропарфянскими взглядами. Однако эти предположения следует признать неубедительными.

Отделить то, что принадлежит Помпею Трогу, от того, что взято им из

греческого оригинала, возможно лишь в некоторых случаях. В общем все же следует признать, что роль латинского автора была второстепенной по сравнению с его греческим предшественником, выразившим с большой яркостью и полнотой идеи, руководившие им при составлении его произведения. В дальнейшем нашем изложении там, где говорится о Помпее Троге, приходится большей частью иметь в виду его греческий оригинал. Утрате обстоятельного труда Трога, возможно, способствовало появление во II или III в. н.э. небольшой компиляции Марка Юниана Юстина. В эпоху Римской империи нередко предпочитали краткое изложение обширным произведениям, и эпитома Юстина заменила для широкого круга читателей труд Помпея Трога. Уже в конце IV – начале V в. н.э. Августин и Орозий имели перед глазами только книгу Юстина, которая стала едва ли не самым распространенным пособием по всеобщей истории. Позднее, в Средние века и даже в Новое время, Юстин не потерял прежней популярности: его произведение переписывали, издавали и переводили.

В своем предисловии Юстин с уважением отзывается о Помпее Троге, сравнивает его с Геркулесом, имея в виду великую задачу, поставленную автором «*Historiae Philippicae*»: привести в порядок и дать в последовательном изложении весь материал всемирной истории. Задача Юстина другая: он задумал, выпуская все, что казалось ему не интересным и не являющимся поучительным примером, составить своего рода выборку. Фактический материал вновь подвергся пересмотру и отбору с примитивной морализирующей точки зрения. Эпитоматор, как об этом свидетельствуют прологи и самый текст Юстина, выбрасывал иногда обширные части сочинения Трога, содержащие ценные сведения, и безжалостно искажал даже то, что вводил в свое изложение. Несмотря на это, произведение Юстина имеет важное значение как исторический источник, в особенности для эпохи эллинизма. Это положение станет более ясным, если обратить внимание на историческую обстановку, в которой появились «*Historiae Philippicae*». В середине II-I в. до н.э. античный мир пережил события, которые не только отразились на всем ходе его последующего развития, но и наложили сильнейший отпечаток на сознание современников. Эти события, обусловленные в конечном счете социально-экономическими факторами, в свою очередь, содействовали обострению классовой борьбы и в Италии, и за ее пределами. Развитие рабовладения в его самых жестоких формах, ломка старинных форм жизни, включение сравнительно отсталых областей в сферу мировой политики принимали иной раз характер настоящей катастрофы. Население покоренных стран неодинаковым образом реагировало на опустошительные римские завоевания. Некоторые греческие государства и союзы ожесточенно сопротивлялись римской агрессии, ища себе союзников на эллинистическом Востоке. Другие стремились заручиться содействием всемогущих завоевателей и были признаны «друзьями и союзниками римского народа». Третьи предпочитали до поры до времени оставаться нейтральными, выжидая хода событий и желая примкнуть к той стороне, которая окажется победительницей. То же наблюдается и в восточно-эллинистических государствах. Там не было недостатка в попытках дать энергичный отпор завоевателям, претендовавшим на мировое господство, но не было также

единства и последовательности в политике этих государств. С другой стороны, сопротивление римлянам выливалось в иную форму – форму широких социальных движений или местных движений сепаратистского характера, в которых борьба провинциального населения тесно переплеталась с борьбой партий в Риме. Ярким примером социальных и в то же время антиримских движений служит восстание Аристоника в Пергаме, доставившее римлянам так много хлопот, или восстание Лже-Филиппа в Македонии. Первое и второе восстания рабов в Сицилии также теснейшим образом связаны с политикой римлян в провинциях, с массовым обращением в рабство свободного населения Малой Азии и Сирии. Хотя все антиримские движения, какой бы характер они ни носили, были подавлены, однако эта борьба в течение примерно ста пятидесяти лет не могла не оставить глубоких следов в сознании населения, и даже в тех скудных известиях, которые дошли до нас, мы можем уловить чувства и мысли, которые возбуждала римская агрессия у провинциального населения, в частности у эллинов, почувствовать ту силу сопротивления, которую она вызывала.

– В последние два-три десятилетия проблема римского «империализма» привлекала внимание многих исследователей. Понятно, что не только решения, но и правильной постановки этой проблемы в буржуазной историографии дано не было. Но и в советской науке, в которой соответствующие концепции этой историографии подверглись справедливой и убедительной критике, не было обращено достаточного внимания на одну сторону вопроса, которая имеет огромное значение для понимания всей проблемы в целом, а именно на идейный протест против римской политики, против приемов завоевания и дипломатии римлян. Между тем нельзя думать, что весь этот поток произвола, насилий и разрушений всякого рода, обращение в рабство десятков и сотен тысяч свободных людей, примеры неслыханно лицемерной и коварной международной политики, грубое вмешательство во внутреннюю жизнь населения покоренных областей, ограбление провинций откупщиками и ростовщиками, что все это не отразилось на сознании людей этого времени, в их философии, историографии, публицистике, художественной литературе, верованиях и чаяниях. Вопрос этот требует специального исследования на основе всего имеющегося материала. Такая задача здесь не может быть поставлена, но все же для понимания «*Historiae Philippicae*» необходимо напомнить об этом движении умов, об этой волне негодования и ненависти, о стремлениях к лучшему будущему, о проклятиях, надеждах и пророчествах, которые появлялись и множились в связи с развертывающимися событиями. Правда, победы римского оружия и установление принципата естественно привели к господству в литературе и философии официальной идеологии, к прославлению Рима и его исторической миссии, к идеализации *Pax Romana* и его хранителя – Августа. Но даже эти победы в области идеологии не могли вовсе заглушить осуждающие голоса людей, выдвигавших против Рима тяжкие обвинения, отказывавшихся преклониться перед успехом, добытым любыми средствами. Именно в эллинистических странах этот протест звучал всего громче, там вырабатывалась сложная аргументация, обращавшаяся к историческим примерам, философским доказательствам, к чувству и моральному сознанию для борьбы с ненавистной

властью грубых завоевателей. На Востоке этот протест обычно принимал религиозную форму. Представлению о земном владыке противопоставлялась идея о господине неба и земли, о спасителе людей, Мессии, о небесной награде, ожидающей несчастных и гонимых за все их невыносимые земные страдания. В связи с общим ходом культурного и идеологического развития эллинистического Востока там все сильнее становилось религиозное движение, множились секты, пересматривались традиционные верования. Там же сложились условия, которые привели позднее к возникновению и развитию новой мировой религии. Религиозные движения имели основу в социальных и политических отношениях, и позднее в Палестине ярко обнаружился тот факт, что подобное движение, выражавшее идеологию демократических группировок, было и движением антиримским. Хотя должно было пройти еще несколько десятилетий, прежде чем это движение приняло вполне определенную форму и в области религиозных верований отчетливо сказались отвращение к земному богу и протест против римского мирового господства, однако уже социальные движения II в. до н.э. нередко были связаны с эсхатологическими представлениями, религиозной символикой и старинными верованиями Востока³. Но антиримская идеология вовсе не может быть сведена к этого рода представлениям. В борьбе против римлян, в стремлении противопоставить официальной идеологии иную систему идей нередко обращались к рациональным соображениям, выдвигали определенную политическую программу.

Антиримская идеология оставила след в сочинениях римских авторов. В уста исторических деятелей, выступавших против Рима, – политиков Эллады, Митридата Евпатора и др., древние авторы вложили речи, проникнутые негодованием и ненавистью к Риму. Если эти речи и представляют собой плод риторического творчества и являются, как и все остальные, неизбежной составной частью исторического произведения античного автора, то все же несомненно, что сама аргументация, притом обычно имеющая сильную эмоциональную окраску, заимствована из действительности. Особенно сильно, как увидим, антиримские взгляды и настроения проявились у Помпея Трога, но «*Historiae Philippicae*» вовсе не представляют в этом отношении исключения, и сходные характеристики или отдельные положения встречаются у авторов, в общем стоявших на позиции поддержки традиционной римской агрессивной политики или лишь слабо возражавших против ее крайностей. Саллюстий, например, описывая яркими красками господство «немногих», слепых от жадности, бичуя их надменность и жажду наживы, говорит, что цари и свободные народы должны были платить немногим представителям знати подать, что власть олигархии была несправедливым господством. Интересно в этом отношении письмо Митридата к Арсаку в «*Historiae*» Саллюстия. Старинная и единая причина войн римлян со всеми племенами, народами и царями – в их страстном стремлении к власти и богатствам. Римляне уже распространили свою власть на запад до пределов Океана. Они все захватывают: дома, жен, поля, власть. Кто же такие римляне? Это – сброд без отечества, без предков, чума всей вселенной. Они ни перед чем не останавливаются – ни перед человеческим, ни перед божественным, но уничтожают могучих и слабых,

далеких и близких, направляют оружие против всех, в особенности же против тех, от кого можно ждать большой добычи. Возвысились они благодаря непрерывным войнам. Задача заключается в том, чтобы подавить этих грабителей народов.

Даже у такого историка, как Тит Ливий, прославляющего римское могущество и доблесть, иногда звучат подобные же мотивы. Филипп V говорит, что можно делать лишь то, что разрешит римский полководец. Ликорт резко высказывается в антиримском духе.

Если и верно, что речи врагов Рима могут не характеризовать воззрений римского автора этих речей, то все же можно думать, что этот автор, стремясь сделать свое изложение убедительным, привлекал в речах своих персонажей какой-то реальный материал, что они отражают, в известной мере, мысли и настроения тех лиц, которые их произносят. Притом греческая историография и римская уже с начала II в. до н.э. развивались не изолированно, но в тесной связи друг с другом, что сопровождалось заимствованиями, подражанием и использованием материала как с той, так и с другой стороны. Ход исторических событий во II-I в. до н.э. – поразительные военные успехи Рима, утверждение римской власти над эллинистическим Востоком, бедствия, которые приходилось претерпевать покоряемым странам, не могли не наложить сильнейшего отпечатка на историческую мысль. Существование и развитие различных исторических жанров связаны с основными проблемами, стоявшими перед историками. Как и прежде, излюбленной темой исторических произведений остается история войн. Это – история войн Македонии, в результате которых она достигла гегемонии над Элладой, войн диадохов, войн Клеомена в Пелопоннесе, походов Ганнибала, наконец войн Рима с Карфагеном и Македонией. Позднее (в конце II-I в. до н.э.) целая плеяда историков разрабатывает материал о войнах Митридата, о войне с Югуртой, так красочно описанной Саллюстием, наконец, историю гражданских войн. Однако античные историки уже давно пытались выходить за рамки истории отдельных войн: их стали интересовать общий ход событий, последовательность, причины и связь явлений в различных странах, общая политическая история всего античного мира. Эти идеи, конечно, появлялись и раньше, и раньше были авторы, умевшие нарисовать широкое историческое полотно (Геродот, в IV в. до н.э. – Эфор), но лишь в позднеэллинистический период идея всеобщей истории получает наиболее яркое выражение и обогащается новым содержанием, обусловленным историческим развитием этого периода. Все более обнаруживавшаяся связь между судьбами различных, часто отдаленных друг от друга государств невольно заставляла обращать внимание на проблемы общеисторического характера, на общий ход истории ойкумены. В начале II в. до н.э. возникает учение о смене мировых держав, и вся периодизация всемирной истории связывается с этой схемой. Основная проблема историографии II-I в. до н.э. – проблема власти. Величайший историк позднеэллинистического периода Полибий – горячий сторонник идеи всеобщей истории. Его труд подвел итог развитию греческой историографии в III-II вв. до н.э., в необыкновенно яркой форме отразил основной смысл политической истории своего времени. Достаточно вспомнить начало его труда, самую

постановку темы о всемогуществе Рима, прочности Римской державы и сравнение ее с великими державами прежнего времени – Персидским государством, Македонией, Спартой. Но тенденция к рассмотрению исторических явлений в их общей связи, во всемирно-историческом аспекте не умирала и после Полибия, и в начале империи появляются такие обширные и замечательные труды, как «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского и «*Historiae Philippicae*» Помпея Трога. С другой стороны, все большее внимание привлекают вопросы внутренней борьбы. Грандиозные восстания рабов в Сицилии, ожесточенные классовые столкновения в Греции, попытки социального переворота в Спарте при Агисе и Клеомене, гракханское движение и последующие, все нараставшие и принимавшие все более крупные размеры и все более жестокие формы гражданские войны в Италии служили темой исторических трудов и давали материал для исторических построений. Проблема власти разрабатывалась и по отношению к внутренней истории, причем здесь, естественно, выдвигался вопрос об отношении обладателей этой власти к массе населения или к отдельным его группам. Эта проблема власти рассматривалась главным образом в рамках отдельного государства, и при этом вопрос об эксплуатации других народов и покоренных племен занимал подчиненное место. Изложение выдающихся фактов внутренней – социальной и политической – борьбы принимало либо привычную форму рассказа о войне, т.е. о гражданской войне (Цезарь, позднее Аппиан), либо давалось в форме повествования о заговоре, и тогда для автора открывались широкие возможности применить все способы художественного изображения, весь запас риторических правил, все средства психологической характеристики. Обычно рассказ о заговоре входил как составная часть в более крупное историческое произведение – историю отдельного государства или «всеобщую историю». Вспомним драматический рассказ Тита Ливия о вакханалиях, о заговоре, который из Этрурии «словно болезнь» распространился в Риме и по всей Италии. Диодор Сицилийский использовал ту же форму рассказа в своем изложении истории восстаний рабов Сицилии. Характерной чертой истории заговора было изображение демонической фигуры вождя заговорщиков, превосходящего в некоторых отношениях прочих людей своими дарованиями, но в то же время употребляющего эти дарования на пагубу обществу. Самым ярким образцом этого своеобразного исторического жанра представляется «Заговор Катилины» Саллюстия. В связи с безотрадным зрелищем кровавой междоусобной борьбы в Риме, так же как раньше в Греции, растет интерес к истории первобытного строя, к начальной стадии в развитии цивилизации, того времени, для которого характерно отсутствие сильнейших мотивов деятельности современных людей: жажды денег, господства и пр. В исторические произведения вплетается этнографический и культурно-исторический материал, находят себе место экскурсы, посвященные идеализации первобытных отношений. Античные историки (Полибий и др.) обычно усматривали причины событий в психологических факторах. Поэтому понятен их интерес к психологии «великих» людей, проявляющийся в науке и литературе позднеллинистического периода. Образцом биографического жанра, зародившегося еще в III в. до н.э., в римской литературе являются

жизнеописания Корнелия Непота. В римской историографии и политической литературе I в. до н.э. широкое распространение получил особый литературный жанр – описания «деяний» того или иного полководца или политика. Как в других областях литературы, римляне и здесь шли отчасти по следам греков, хотя и сохраняли известную оригинальность. Греческий термин, соответствующий *res gestae*, – *πράξεις*. Ливии и Саллюстий постоянно пользуются термином *res gestae*, и именно в этой форме Август изложил основные моменты своей деятельности. Впрочем, *res gestae* могли быть не только у отдельных деятелей, но и у народов. Все разнообразные элементы исторического повествования, особенно в широких рамках «всеобщей истории», тесно сочетаются одно с другим: международные отношения и внутренняя борьба, характеристики деятелей, морально-философские рассуждения, социальные и политические схемы, программы и лозунги. В историографии сталкиваются различные концепции исторического процесса, различное его понимание, а эти различия служат выражением ожесточенной идеологической борьбы, в свою очередь, отражавшей общественные противоречия. Но как бы ни были различны формы изложения исторических событий, во всех них можно обнаружить некоторые общие черты. Такой чертой является, например, риторическая обработка исторического материала. Эта обработка в греческой историографии получила особенно широкие размеры у историков, принадлежащих к школе Исократы, а позднее, в эллинистическую эпоху, в связи с господствующими литературными вкусами она делается необходимым моментом исторического изложения. Труды историков, ставивших по-иному задачу исторического изложения (Манефон, Берос, Птолемей, Аристокл и др.), не пользовались популярностью. Риторика открывала широкие возможности для характеристики исторических деятелей и событий, для выражения идей автора и действующих лиц его повествования, для привлечения ценного исторического материала, содержавшегося в таких произведениях, которые иначе трудно было бы использовать (например, произведения антиримского направления). Самое существенное – это то, что риторика служила целям выражения определенной исторической концепции, что она была удобным средством психологического и морального воздействия, придавала изложению занимательность и нередко ярко выраженный эмоциональный характер. С другой стороны, риторическая обработка нередко оказывалась связанной с философией. Греческая историография со времени своего первоначального развития имела философский характер, выражала те или иные философские идеи. В эллинистический период на ней в еще большей мере сказалось влияние философии, в особенности стоицизма. Как в области собственно философии наблюдалось в это время ослабление оригинального творчества, так и в сфере философии истории чаще можно заметить применение некоторых ходячих идей к освещению исторических событий. Даже Полибий в этом отношении целиком стоит на плечах своих философских предшественников, используя идеи политической философии перипатетиков конца IV в. до н.э. (Дийеарха) и стоиков. Философия Средней Стои не только повлияла на исторические построения, но и выдвинула исключительного по широте своих научных интересов и по разносторонности эрудиции ученого и

философа, много потрудившегося и в области собственно истории. Это был Посидоний, оказавший сильное влияние и на римскую историографию. В этой историографии выяснение политического значения событий связано теснейшим образом с их морально-философской оценкой. Изображение деятелей принимает ярко выраженный моралистический характер. Очень трудно наметить основные направления в историографии, как греческой, так и римской, времени начинающегося кризиса и падения республики. Все же можно выделить два способа решения основных вопросов, а именно проблемы мировой державы – а таковой был в это время Рим – и проблемы власти в смысле отношений между правящим слоем и остальной массой населения. В отношении первого вопроса большая часть римских историков, а отчасти и греческие, являются апологетами римской власти и соответствующим образом изображают (подобно Полибию) распространение римской власти на другие, когда-то самостоятельные государства как «прекраснейшее деяние судьбы». Однако наряду с апологетической тенденцией, несомненно, существовало и антиримское направление в историографии. Все историки принадлежали к классу рабовладельцев и в этом отношении сходны между собой. Но внутри этого класса не было единства, борьба олигархической и демократической партий в Греции, оптиматов и популяров в Риме отражала острые социальные противоречия. Историки примыкали по своим взглядам к одной из борющихся группировок, и в их произведениях можно обычно подметить определенную политическую тенденцию. Однако эти главные направления исторической мысли получали такое разнообразное выражение, что указанные течения позволяют лишь в самых общих чертах представить состояние историографии того времени и делают необходимым ближайший анализ трудов каждого из представителей этой историографии. У Помпея Трога можно найти все различные элементы изложения, характеризующие греко-римскую историографию этого времени. Но эти элементы не имеют самостоятельного значения в «*Historiae Philippicae*». Они нужны автору, чтобы показать процесс возникновения державы, изобразить всю беспощадность, беспринципность, антиморальный характер деятельности создателей империй. Все объединяется общим замыслом и общей тенденцией, враждебной по отношению к агрессивным государствам и их правителям, стремлением показать, что преступления вызывают наказание, что падение государств – следствие нравственного упадка их правителей⁴. Автор, как давно было установлено, очень вольно обращается с фактами, но все же его произведение – не роман, как называл некоторые части этого труда Буше-Леклерк, но политическое и морально-дидактическое произведение, в котором автор пользуется историческим материалом для доказательства некоторых историко-философских положений. Перед читателем проходит целая галерея исторических деятелей, разворачивается широкая картина истории античных стран – и в этом отношении его рассказ имеет немалую историческую ценность. Другое дело – то объяснение, которое дает автор описываемым им событиям. Прежде чем перейти, однако, к этому объяснению и к характеристике исторической концепции Трога, следует рассмотреть весьма сложный вопрос об его источниках и о способе их использования в «*Historiae Philippicae*».

Источники «*Historiae Philippicae*» многочисленны и представляют целый комплекс известий самого различного масштаба, характера и ценности. В главах о Древнем Востоке широко использованы Геродот, Ктесий и др.⁵ В книгах, в которых рассказывается о событиях в Греции и в эллинистических государствах, можно обнаружить заимствования из произведений различных писателей. Перед читателем – наследие всей греческой историографии классической и эллинистической эпохи: использованы сочинения логографов, Геродота, Фукидида, историков IV в. (Эфор, Феопомп и др.), историков Александра (Клитарх), Тимея, Динона, Гиеронима из Кардии, Филарха, Полибия, Посидония, историков Митри-датовых войн и пр. Определение состава источников для отдельных глав книги Юстина – задача специального, кропотливого исследования, которое приводит иной раз к неожиданным и важным выводам.

Однако необходимым условием ее разрешения, нам кажется, должно быть то, чтобы исследователь не ограничивался изолированным анализом отдельных глав или даже книг, лишь сопоставляя соответствующие пассажи Юстина и других авторов и устанавливая таким образом литературное сходство или различие «*Historiae Philippicae*» с иными историческими произведениями⁶, но чтобы он не упускал из виду господствующие идеи всего произведения, своеобразную фразеологию и терминологию автора. При изучении источников Трога важно определить не только, что он взял у своих предшественников, но и как он связывал, и в каком направлении обрабатывал заимствованный материал. Общее суждение о степени достоверности и о способе изображения исторических событий в «*Historiae Philippicae*», как известно, очень неблагоприятно, хотя специалисты, высказывающие его, нередко ставят в вину Юстину произвол и неполноту изложения, грубое искажение исторической действительности, не касаясь при этом вопроса о том, что в этом отношении представляет собой труд Помпея Трога. Соколов, разбирая в своей статье «Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского»⁷ пролог к XXVI. книге и содержание извлечения из этой книги, сделанного Юстином, пришел к выводу о крайнем произволе, «изумительной небрежности» и грубых ошибках эпитоматора, в результате работы которого «почти ничего не осталось дельного», произошло «крушение исторических фактов». Соколов считает, что Юстин – «мутный источник» и что установить, было ли так рассказано о событиях у Помпея Трога, как о них передает Юстин, невозможно. Однако этот суровый приговор представляется односторонним, пока не выяснено соотношение между содержанием текста Помпея Трога и эпитоматора. «Анекдотическая и моральная сторона», которая, согласно утверждению Соколова, лишь и интересует Юстина, «цветистые фразы» последнего, можно думать, выступали сильно и у Помпея Трога, так же как, например, изображение «непостоянства фортуны». Но, конечно, Соколов прав, указывая, что Юстин выпускает ряд самых существенных моментов в изложении Трога, упрощает и искажает даже и то, что сохраняет в своем рассказе. Все сказанное свидетельствует о необходимости чрезвычайно критического отношения к рассказу Юстина, но нисколько не лишает его значения и большой ценности в тех случаях, когда удастся установить, что в основе его лежит

содержательный и достоверный материал. Во всяком случае, важно отметить, что в результате анализа некоторых отдельных книг Юстина исследователи приходили к выводу, что известия Юстина содержат важные и в общем достоверные сведения, хотя и в очень краткой форме и в силу этой краткости, а также вследствие небрежности малосведущего эпитоматора неполные, малосвязанные и соединенные с ошибочными домыслами. Известия Юстина иногда подтверждаются данными источников другого рода (позднейшими авторами, папирологическими данными, археологическими раскопками и пр.). Тарн в своем труде «Греки в Бактрии и Индии» 8 выделил особый источник, использованный Юстином: сочинение неизвестного автора по истории Бактрии и Парфии. Альтгейм⁹, утверждает, что этим автором был Аполлодор из Артемиды, историк II в. до н.э., труд которого был использован и Страбоном. Но оба исследователя, расходясь по вопросу об авторе, согласны в определении тех частей текста Юстина, в которых, по их мнению, использовано сочинение этого автора, и в признании исторической ценности сведений, содержащихся в этих частях. Толстов¹⁰ признает, что в тексте Юстина мы находим данные для раскрытия характера такого важного исторического события, как отпадение Парфии. В других случаях также можно наблюдать, что, несмотря на ошибки, нелепости и лакуны, Трог сообщает ценные фактические сведения, хотя его объяснения, связанные с его морально-политическими воззрениями, являются наивными или искажающими историческую действительность. Буше-Леклерк подробно разбирает сообщения Юстина относительно переворотов в Египте в конце II – начале I в. до н.э. Он показывает, как произвольно устанавливается у Юстина, например, связь между смертью Клеопатры III и переворотом в Александрии, результатом которого было изгнание Птолемея Александра¹¹. Но и в этой книге, в особенности если взять ее в целом, а не рассматривать лишь отдельные ее фрагменты, можно найти, хотя и в сжатой, отрывочной и искаженной форме, факты, которые могут помочь в восстановлении действительного хода событий. Задача, на трудность разрешения которой указал Буше-Леклерк, – установить, что следует сохранить в рассказе Юстина, – только и может быть разрешена путем сопоставления его известий с показаниями других источников и путем анализа его взглядов в связи с состоянием историографии эллинистического периода.

Поскольку компилятивная манера изложения автора вовсе не обязательно связана с отсутствием у него оригинального понимания исторического процесса, настоящей задачей является изучение идейного содержания данного исторического произведения. Труд Помпея Трога в философском отношении не представляет ничего оригинального: основные понятия моральной философии, которыми оперирует автор, те же, что и у Цицерона или Саллюстия. Система этих понятий представляет собой в значительной мере дальнейшее развитие идей Средней Стой. Оригинальность Помпея Трога заключается в применении этих философских положений к конкретному историческому материалу. Представляя настоящую мозаику известий, заимствованных у многочисленных авторов, «*Historiae Philippicae*» отличаются яркостью общей схемы, единством мысли, определенностью основных положений, помогающих осмыслить исторический процесс. Главное понятие, которым пользуется Трог и которое можно найти не

у него одного, – это понятие *imperium*. Автор вкладывает определенное содержание в это понятие: это – особая система господства – система насилия, произвола, захватнических стремлений. В начале истории человеческих обществ мы находим первоначальное «естественное» состояние, когда нет еще нужды в законах, когда господствуют суровые, но добрые нравы, когда над людьми еще не тяготеет жажда наживы и они не придают цены деньгам. На смену этому состоянию приходит другой период – период образования империй, торжества низменных стремлений человеческой природы. Основателем первой империи был ассирийский царь Нин, с него начинается жажда господства. Целью Нина, как и других завоевателей, было создание державы, огромного комплекса подвластных земель, а не победа над врагом и жажда славы, как в прежние времена. Возникновение империй ведет к изменению в нравах. Прежние добродетели – умеренность, доблесть, кротость, воздержанность – сменяются жестокостью, высокомерием, алчностью, стремлением к роскоши. При Нинии, Сарданапале, преемниках Нина и Семирамиды, эти пороки – нравственный упадок, стремление к восточной роскоши, изнеженность – проявляются в яркой форме. Существенно то, что эта схема двух стадий в развитии Ассирии сохраняется и для многих других государств и – то особенно характерно – для истории Македонии. Сходные суждения, характеристики, термины встречаются при изложении истории Афин и Спарты, Македонии и Сицилии, птолемеевского Египта и государства Селевкидов, Рима и Парфии. Цари и целые государства, выступающие как завоеватели, находят себе в сочинении Трога отрицательную характеристику. Неумеренное стремление к господству, широкая завоевательная политика возбуждали страстную ненависть. Автор проводит настойчиво мысль о губительности империй и их политики для свободы народов: удел покоренных – рабство. Установление македонского господства привело к порабощению Греции. Учение о мировых империях возникло давно: уже в IV в. до н.э. им пользовались при изложении исторического материала (Феопомп). К началу принципата схема получила широкое распространение. У Трога эта схема сочетается с идеей морального упадка, с идеей смены умеренности и доблести алчностью и высокомерием. Эта последняя идея, высказанная представителями Средней Стой (Посидоний), нашла оригинальное применение к историческому материалу у Помпея Трога (вернее, в том сочинении греческого историка, которым он пользовался); привычная схема как бы наполнилась новым содержанием в связи с самыми острыми проблемами современной ему международной жизни.

Трог много говорит о войнах и их различном характере. Возникающие империи ведут войны с соседями. Филипп II побеждает и подчиняет соседние племена, но так же действуют Агафокл и Кассандр, Селевкиды и парфяне (Митридат) и др. Войны с соседями характеризуют первоначальную стадию процесса роста державы, которую Трог обозначает особым термином 12. С наибольшей полнотой и наиболее ярко мысли о способе возникновения и характере державы развиты на примере Македонского государства, занимающего в труде Помпея Трога центральное место в изложении всеобщей истории. Грань в истории Македонии образует царствование Филиппа II. Македония до Филиппа – небольшое государство, правители которого, однако,

проявляли доблесть, умеренность, энергию. Деятельность Филиппа II, его в высшей степени агрессивную политику Трог рисует чрезвычайно темными красками. Македонский царь «подстерегал их [греческие государства] как будто на дозорной башне, строил козни против их свободы, разжигая соперничество между государствами, приходя на помощь слабейшим». Филипп действует как разбойник и преступник. Он продавал женщин и детей в рабство, не щадил ни храмов, ни других священных зданий. Характерными особенностями политики Филиппа, создателя мирового могущества Македонии, были не только беспощадная жестокость, низменные побуждения, но и вероломство и лицемерие. Совершенно ясно резко отрицательное отношение автора к этой политике.

Такое же отношение сохраняется и в рассказе о деятельности Александра, хотя тон автора менее резок, а в заключение даже говорится о величии духа (*magnitudine animi*) македонского завоевателя. Военные успехи, расширение державы, приобретение власти над всей Азией имеют печальные нравственные последствия для македонян. Подобно тому как Филипп навязывает Греции «царское рабство», так и Александр накладывает «ярмо рабства» на всю Азию. И в характере Александра не раз отмечаются двоедушие, коварство, высокомерие. Он возбуждает неприязнь к себе у побежденных, страх и ненависть у друзей. Помпей Трог использовал уже существовавшие в литературе отрицательные характеристики Александра, но каковы бы ни были его источники, важно то, что вся история возвышения Македонии имеет целостный характер: это возвышение ведет к порабощению других народов, а сами создатели величайшей державы рисуются в значительной мере в виде свирепых и двоедушных тиранов. Заключительная характеристика Александра не меняет ничего в общей концепции «империи»: в ней говорится главным образом о предзнаменованиях его будущего величия, о его военных успехах, о его власти над миром. История борьбы диадохов и эллинистических царств в III-I в. до н.э. – это картина пагубного воздействия пороков и страстей на судьбу государств, это – история, полная преступлений всякого рода, кровавых убийств родственников; их взаимная ненависть и соперничество делают эллинистический мир добычей римлян. Трог не излагает историю Римской державы, он касается только первоначальных моментов ее развития. Однако отношение автора к римской политике выступает достаточно ясно. Характерные черты этой политики – ее агрессивность, неразумная жадность, поразительное двоедушие – проявляются не раз в отношениях Рима к эллинистическому миру и к Карфагену. Победы Рима, создание Римской империи – следствие раздоров в эллинистических государствах и покровительства судьбы. Наиболее яркими образцами резкого порицания римской политики, изображения римлян самыми отрицательными чертами служат в труде Помпея Трога речи этолян, Деметрия, правителя Иллирии, и Митрида-та. Фукс в своей работе об идейной борьбе против Рима в древнем мире считает безусловно неправильным из наличия речей, враждебных по отношению к Риму, делать вывод относительно политических взглядов того автора, в произведение которого включены эти речи¹³. Он ссылается (следуя Шрейдеру) для подтверждения своего взгляда на некоторые речи у Саллюстия, Цезаря, Ливия, Тацита и др. Это утверждение, по

существу правильное, все же недостаточно: оно показывает лишний раз односторонность изолированного анализа отдельных мест источника. Конечно, римский автор мог из риторических соображений включить в свой труд антиримские высказывания, вовсе не разделяя этих взглядов (например, Ливии). Однако решающим при этом является не наличие такого высказывания, которое притом обычно бывало заимствовано из более раннего произведения, иногда написанного с совершенно иных позиций, но связь идей автора, впечатление от его труда в целом. Если Тацит в «Агриколе» дает необыкновенно резкую характеристику римлян, то эта характеристика принадлежит не ему и даже не тому автору, у которого он ее непосредственно заимствовал (Сенека), но писателю более раннего времени, в произведении которого она была не только риторическим украшением или случайным придатком, но элементом изложения, органически связанным с остальным содержанием. Поэтому нельзя пройти мимо антиримских речей и в «*Historiae Philippicae*», если рассматривать их не изолированно, но в связи с общими историческими взглядами этого автора и с разрозненными, но характерными его высказываниями о Риме. Нападки на Рим в упомянутых трех речах принимают крайне резкую форму. У римлян ненасытная жажда крови, власти, богатства, они стремятся к власти над миром. Чем ближе к ним, чем благороднее царство, тем более ожесточенными его врагами являются римляне. Впрочем, борьба с ними не безнадежна: они терпели ряд поражений в прошлом. Город Рим основан на братоубийстве. Все должны поднять оружие против этого народа-разбойника (*latronem*). Сравнительно немногие упоминания о доблести, энергии и сдержанности римлян теряются среди этих выпадов. Было бы неосторожно приписывать целиком антиримские высказывания Трогу – они несомненно составляли существенную часть идеологического содержания того труда греческого историка, который был использован римским автором. Ливии, как было упомянуто выше, говорит об авторе, возвеличивающем Парфию. Ввиду многократных попыток отождествить этого писателя с автором греческого оригинала «*Historiae Philippicae*» важно присмотреться к тому, как относится Трог к Парфии, как изображает он парфянских царей. Ведь парфянам принадлежит власть над Востоком. Однако и в характеристике Парфии мы встречаем те же черты, что и в истории Македонской или Римской державы. Парфяне – изгнанники скифов. Они находились в порабощении у македонян, и только счастливая судьба сделала их властелинами прежних владык. Отличительными чертами их правителей были жестокость, высокомерие. Начало Парфянского государства – время деятельности Арсака – связано с выступлением разбойников. Фатум Парфии в том, что преступнейший из всех стал ее царем. Судьба, избавившая парфян от порабощения македонянами, возвела их при Митридате на самую вершину власти. Наряду с историей возникновения и развития держав важнейшей составной частью содержания «*Historiae Philippicae*» является первоначальная история культуры, обозначаемая термином *origines*. Если понятие *origines* и не является однозначным¹⁴, если нельзя точно определить грань, отделяющую начальный период развития от последующего времени, то все же содержание этого понятия у Трога достаточно определено. История культурно-исторических и этнографических экскурсов

восходит к началу развития греческой прозы – к произведениям логографов и Геродота. Большое значение получила обработка этого материала в аспекте историко-философских идей и политических теорий IV в. до н.э. (Эфор, Феопомп, школа Аристотеля) и эллинистической эпохи (стоики, в особенности Посидоний). В результате образовалась определенная схема, совокупность приемов и характеристик, переносившихся с одного народа на другой. Типологичность в греко-римской историографии проявляется особенно сильно в изображении ранних ступеней развития общества и культуры. При изображении *origines* того или иного народа автор разрабатывал, обычно с применением риторических приемов, традиционные *topoi*, темы, прочно вошедшие в научный обиход: происхождение народа, объяснение его имени, физические свойства, вооружение и способ ведения войны, одежда, жилище, пища, образ жизни, способ правления, обычаи, религиозные верования и пр.¹⁵ Понятно, что содержание *origines*, т.е. первоначальной истории культуры, находилось в тесной связи с исторической концепцией данного автора, с его политическими взглядами, с философскими представлениями об изменении нравов и об их роли в истории политического развития. Соответствующие части труда Трога представляют большой интерес, так как в «*Historiae Philippicae*» собран обширный материал по истории культуры всего средиземноморского мира. О значении изложения *origines* в произведении Трога свидетельствует сопоставление того, что сохранилось в эпитоме Юстина, с Прологами. Всего можно насчитать более сорока *origines* самых различных племен, государств, городов: македонян, эпиротовуКирены, Апулии, Византия, Афин, Родоса, парфян и пр. Все в целом представляет собой пеструю смесь картин из ранней истории, экскурсов в область топонимики, этнографии, истории культуры и религиозных верований. Содержание *origines* теснейшим образом связано с историей царей мифической или древнейшей исторической эпохи соответственно тому положению, которое у Юстина стоит в самом начале изложения: «Изначала власть над племенами и народами находилась в руках царей...». Нередко для начала культурного развития имела особенное значение деятельность законодателя. В Эпире Арриба первый дал законы, установил формы государственного управления, сделал жизнь «более культурной». Может быть, здесь проявляется влияние Посидония, который подчеркивал роль законодателя. Однако перед нами не просто картина из древнейшей жизни человеческих обществ: через весь труд Помпея Трога проходит противопоставление двух миров – *origines* и *imperia*. Изображение первоначальных добрых нравов, мирных успехов культуры представляет резкий контраст с картиной роскоши, безудержной жадности наживы и агрессивных войн, характерных для позднейших империй. В описании бережливости, энергии и сурового быта македонян в древнейший период их истории, спартанцев, луканов, обитателей Испании и других нетрудно подметить влияние Посидония. Особенно подробным и характерным представляется изображение жизни скифов, яркий образец идеализации племен периферии. Трог в этом отношении имел многочисленных предшественников, начиная со времени Гомера и Пиндара. Скифы не занимаются земледелием. Главное их занятие – скотоводство. Жилища у них -повозки, пища -молоко и мед, одежда – шкуры животных. Их нравы –

образец для испорченных жаждой наживы, вечно мятущихся эллинов. Частное землевладение у скифов отсутствует. Они презирают золото и серебро; у них нет стремления овладеть чужим, нет жажды богатств. Их порядок жизни основан на справедливости (*justitia gentis*). Они отличаются умеренностью, воздержанием, доблестью. Им чужды захватнические стремления. Уже в древности наметились две различные концепции развития человеческого общества. Одним казалось, что «золотой век» существовал на заре истории. Все последующее развитие рисовалось как путь, который вел к упадку, к гибели старинной доблести, простоты нравов, к господству низменных страстей и власти денег. С этой точки зрения и преобладание римлян во всем Средиземноморье, их опустошительные походы и многочисленные победы были вовсе не началом нового «века», новой блестящей эпохи всеобщего мира и изобилия, но лишь новым шагом по прежнему пути. Согласно другому пониманию, «золотой век» предстоит человечеству в далеком или даже и не очень далеком будущем. Не вечны будут страдания и слезы, не всегда будут погибать лучшие и торжествовать злые или нечестивые. Наступит время, когда мир, справедливость, любовь будут составлять основу человеческих отношений, когда осуществится то, что вдохновенно предрекали древнееврейские пророки, о чем говорилось в изречениях Сивиллы, что так ярко изобразил в своей четвертой эклоге автор «Энеиды». В основе исторической концепции Помпея Трога лежит идея о том, что «золотой век» далеко позади. Весь использованный им исторический материал говорит о победе в ходе исторического процесса наихудших стремлений людей, об их отходе от старинного нравственного идеала и благодетельных общественных порядков. Самая идея, как мы видели, не оригинальна. Почти все выдающиеся писатели эпохи Цезаря и Августа говорили об этом. Оригинальность автора «*Historiae Philippicae*» состоит в том, как он развивает эту идею, используя огромный исторический материал, ярко изображая контраст между начальным состоянием человеческого общества и временем образования великих держав, представляющими два различных этапа в истории человечества. Вопрос о политическом успехе того или иного государства, о причинах его победы и об установлении более или менее прочного его господства вызывал большой интерес в эллинистической и римской историографии. Зрелище событий, в ходе которых рушились или возвышались целые государства, непременность личного благосостояния, когда вчерашний богач сегодня становился нищим, сознание зависимости человека от слепых и, как казалось, непреодолимых сил еще в начале эллинистического периода придали новое значение представлению о *τύχη* (судьбе), бывшей олицетворением внешних обстоятельств, игры счастья. Проблема власти судьбы, «переменчивой», нередко «благоприятствующей недостойным», занимала философов, историков, поэтов. Ее решение было связано с оценкой существующих социальных отношений или исторических событий. Завоевания Александра Македонского произвели огромное впечатление на современников и на последующие поколения и заставили многих призадуматься над объяснением успехов великого завоевателя. Идея «тихе», которая правит миром, казалось, давала удовлетворительный ответ. Другие под влиянием

философии видели основную причину успехов в доблести (ἀρετή) Александра. Эти споры продолжались и в римские времена. Произведения Помпея Трога, Курция Руфа и, с другой стороны, та часть традиции, которая сохранилась у Арриана и Плутарха, представляют различные толкования чудесной загадки блистательных успехов основателя мировой державы, различные историко-философские концепции. С другой стороны, внимание историков привлекало возвышение Рима. Ставился вопрос о причинах возникновения и упрочения Римской державы. И здесь снова привлекалось понятие «тихе», судьбы. Нередко сопоставлялись с противоположных точек зрения военные успехи Александра и Рима, отдавалось предпочтение тому или другому. Противники римлян приписывали их победы слепой удаче. Дионисий Галикарнасский, весь труд которого написан с целью доказать эллинские *origines* Рима, выяснить культурную близость новых владык ойкумены к грекам, возражает тем, кто стал бы утверждать, что начальная история Рима не представляет ничего интересного. Почти никто из греков, замечает Дионисий, не имеет понятия о древнейшей истории Рима. Наоборот, распространены неверные взгляды, получившие начало из случайных толков относительно темного происхождения римлян от лишенных очага бродяг, от варваров, и притом несвободных, относительно того, что Рим добился гегемонии не благочестием, не справедливостью и другими добродетелями, но каким-то случайным образом. Эти писатели, которых имеет в виду автор «Римской археологии», винят в несправедливости, раздающую свои величайшие блага недостойным: наихудшим из варваров. « Термин «судьба» много раз встречается и в «*Historiae Philippicae*». Автор употребляет его не в одном и том же смысле. Во многих случаях *fortuna* означает «участь» человека, его «долю». В других местах *fortuna* имеет значение «исхода» битвы, «удачи» или «неудачи». Наряду с этим можно указать и на иное употребление термина, так сказать, в историко-философском смысле. Рассказывая, например, о заговоре семи знатных персов против магов, автор замечает, что судьба направляет дело так, что Гобрий остается невредимым, а мага убивают. Особенно разительным примером колебания судьбы служит участь Алкивиада – виновника низвержения, а позднее восстановления великой державы. Можно сказать, что именно эта сторона событий – непостоянство судьбы (*fortunaе inclinatio*) особенно интересует Трога. Изменчивость судьбы губит афинян в Сицилии. В истории возникновения и развития величайшей из держав – Македонии при Филиппе и Александре – вмешательство судьбы не играет долгое время сколько-нибудь заметной роли. В книгах VII-XII, посвященных этой истории, *fortuna* почти не упоминается. Скорее выступают личные черты македонских царей, их сознательно проводимая политика. Впервые вполне определенную формулировку мы находим лишь в книге XIII, в характеристике положения после смерти Александра. Многих Александров вместо одного получила бы Македония, если бы судьба не вооружила их в соперничестве в доблести на взаимную гибель. Ливии, доказывая превосходство Рима по сравнению с Македонией, утверждал, что Александр у македонян был один, тогда как у Рима, в лице его полководцев, было много Александров. Нельзя не увидеть у Помпея Трога как бы отклика на это утверждение: македоняне также имели бы много Александров и, следовательно, история мира могла бы быть другой, если бы не

роковое вмешательство судьбы. В характеристике экспансии Рима, притом самых решающих ее моментов, автор подчеркивает значение *fortuna Romana*. Читатель подготавливается к последующим событиям уже описанием чудесных явлений, предшествовавших этим событиям: землетрясениями на Эгейском море, на острове Родосе и в других городах. Предсказатели пророчествуют, что «восточная империя» римлян готовится поглотить древние восточные державы, греков и македонян. Столкновение Рима и Македонии при Филиппе V рисуется как борьба двух миров, Востока и Запада. Одни принесли древнюю, но уже ветхую елаву, другие – цвет доблести, обнаруженной в недавних испытаниях. Однако, добавляет автор, «македонян победила судьба римлян». Другой важный исторический момент - время упадка эллинистических царств – характеризуется тем, что *fortuna Romana*, не довольствуясь пределами Италии, начала простираться к восточным государствам. Заметим, что и по отношению к другой великой державе, которая как бы разделяет с Римом власть над миром, – к Парфии автор высказал ту же мысль о власти судьбы. Перед нами отражение воззрений и суждений, нашедших широкое распространение в историографии этого времени. Нельзя, однако, сказать, что идея судьбы занимает первенствующее место в исторической концепции Трога. В литературе давно уже было указано на противоположность в этом отношении Трога и Курция Руфа при изображении деятельности Александра Македонского: у последнего Александр – баловень счастья, вознесенный судьбой на недостижимую высоту и превращающийся вследствие этого в капризного восточного деспота; у Трога Александр – тиран, с холодным расчетом расправляющийся со своими друзьями¹⁶. В «*Historiae Philippicae*» главным историческим фактором в процессе возникновения и падения мировых держав, в судьбе отдельных деятелей и целых государств служит другое: их моральные качества – *mores*, которые наряду с «судьбой» определяют ход исторических событий.

Во всякое время в политико-философской и исторической литературе, в языке ораторов, в обиходе политической жизни существует запас понятий и соответствующих терминов, постоянно используемых. Однако в зависимости от политических взглядов, социальной принадлежности и особенностей идеологии в эти термины вкладывается различное содержание, их применяют в разных целях.

В римской литературе I в. до н.э. мы наблюдаем указанное явление в особенно отчетливой форме. У любого автора этого времени можно встретить такие термины, как «доблесть», «алчность», «высокомерие», «справедливость», «мягкость, кротость», «умеренность», «свобода», «роскошь» и др. Но ясно, что рассуждения на морально-философские темы в которых используется эта или сходная фразеология, служат разным целям, скрывают различные убеждения и программы. Одной из трудностей исследователя и являются раскрытие этого внутреннего многообразия в употреблении одинаковых формул и терминов, установление специфики, характерной для данного автора. В советской исторической литературе есть опыт изучения морально-политической фразеологии в связи с основными линиями идеологической борьбы последнего века республики. Утченко в своем труде «Идейно-политическая борьба в Риме

накануне падения республики»¹⁷ подробно рассматривает политические взгляды и программы консервативной и демократической партий в Риме, представителями которых он считает Цицерона и Саллюстия. Очень содержательная и интересная книга Утченко необходима каждому, кто изучает идеологическую борьбу времени конца республики. Однако автор рассматривает двух представителей политической философии этого периода, на наш взгляд, несколько изолированно, не показывая в достаточной мере их концепций на фоне современной им греко-римской историографии. Утченко прав, утверждая, что если римские моральные критерии «звучат теперь как определения чисто моральных качеств, то римляне вкладывают в них иной, более широкий, пожалуй, правильнее сказать – «синтетический» смысл»¹⁸, доказывая, что термины, казалось бы, соответствующие греческим терминам (например, *officium* и *καθήκον*), у римлян получали особый смысл¹⁹. Но все же важно было бы, не ограничиваясь этим утверждением, определить степень влияния идей греческой политической философии в римской среде, тем более, что римские историки (Помпей Трог служит здесь ярким примером) нередко использовали исторические произведения греков, в которых постоянно применялись положения этой философии.

Со времени распространения софистики и риторики и проникновения их в область греческой историографии, т.е. уже в IV в. до н.э., а еще более в эллинистическую эпоху для этой историографии характерно преобладающее значение в ней морально-философских и дидактических элементов. Учение о доблести и добродетелях в их вариантах сообразно с воззрениями различных школ, нередко причудливое сочетание этих воззрений нашло яркое отражение в исторических трудах. Характерной чертой этих трудов являются эклектизм, присущий философии эллинистическо-римского времени, соединение идей, имевших различные корни.

Взгляды греческих философов встречались с другими воззрениями, сложившимися на римской почве: с представлением о древних нравах (*mores antiqui severitatis*, по выражению Трога) и их значении для жизни государства. Философию истории, рисующую ход исторического процесса как изменение в состоянии нравов, утрату прежней справедливости, скромности и воздержания, которым на смену пришли жадность (*avaritia*), роскошь (*luxuria*), наглость (*arrogantia*) и надменность (*superbia*), развивал в своих «*Origines*» еще Катон, *laudator temporis acti*. Сто лет спустя это толкование истории было уже одним из историко-философских *loci communes*, встречающихся у представителей различных партий и направлений: сторонники аристократической республики и цезарианцы, крайние и умеренные, современники крушения республики и писатели императорского времени, стойкие и последователи Эпикура – все они восхваляют древние нравы (*mores antiqui*) и противопоставляют их современной роскоши и безнравственности. У Цицерона и Саллюстия, Ливия и Тацита, Горация и Помпея Трога можно легко найти сходные суждения и формулы. Вырабатывается определенный стандарт, терминология тождественна у самых различных авторов, что не исключает, однако, и некоторого их своеобразия. Учение о добродетелях не оставалось неизменным: в отличие от первоначальной теории, позднее, как это видно из трактата Цицерона «Об обязанностях», из трех

основных добродетелей: храбрости, мудрости и справедливости, *justitia*) – первая, храбрость, несколько снижается в своем значении. Без справедливости храбрость уже не является истинной добродетелью. Воздействие учения о добродетелях именно в такой позднейшей форме, когда на первый план выдвигаются «справедливость» и «мудрость», мы находим в «*Historiae Philippicae*». Трог дает обильный материал для моральной характеристики исторических деятелей. Первое, что можно подметить в этих характеристиках, это то, что положительные черты в них выступают менее ярко, чем отрицательные. Историческим деятелям и даже целым государствам, которых он характеризует с положительной стороны, у него присущи две добродетели: умеренность и справедливость. Умеренность (*moderatio*) – одно из главных достоинств тех царей, которых восхваляет автор. Она свойственна знати (*principes*) и царям в далекую пору существования добрых нравов. Умеренностью отличалась, например, в древности персидская знать. *Moderatio* характеризует и деятельность древних македонских царей, пользовавшихся любовью народа, как Аргей и др. Вообще умеренность – это отличительное свойство тех царей, деятельность которых представляет резкий контраст поведению и приемам основателей держав, завоевателей. Таков, например, Птолемей I в Египте, умеренность которого после его победы над Деметрием Полиоркетом принесла ему более славы, чем самая победа, Анаксилай в Сицилии и др. Но особенно выдвигается значение этой добродетели в изображении скифов. Если бы и у других смертных, по словам Трга, была такая же умеренность, то войны прекратились бы на земле. Другая добродетель, также характеризующая древние нравы и доблестных правителей, – это справедливость (*justitia*). В первобытном состоянии (см. описание жизни скифов и Сатурнова века в Италии: *ibid.*, II, 2; XLIII, 1) справедливость является одним из природных качеств, позднее она – следствие мудрых законов. Солон – это муж замечательной справедливости (*vir justitiae insignis*). Ли-кург своими законами направляет деятельность первых людей Спарты на создание справедливой власти. Обычно обе добродетели встречаются вместе.

Значительно более полной представляется характеристика отрицательных свойств царей и правителей. Перед нами на протяжении всего труда Помпея Трга явственно и неоднократно выступает яркий образ тирана со всеми присущими ему отрицательными моральными качествами. Но жестокость, надменность, низкие страсти и прочее свойственны отнюдь не только тиранам: это – явление более общего порядка, связанное с общим ходом исторического развития. Прежние добрые нравы сменяются иными. :^ Стремление к роскоши, как определяющая черта в развитии общества или в характеристике отдельных лиц, выступает отнюдь не в одной какой-нибудь главе или книге Трга: упоминания о ней проходят через весь его труд. Подробно, например, говорится о роскоши и борьбе с ней в связи с деятельностью Пифагора. В начале своего труда Трог говорит о лидийцах, народе некогда могущественном благодаря своей энергии (*industria*). Впоследствии, однако, лидийцы впали в изнеженность и роскошь и утратили первоначальную доблесть. У македонян роскошь впервые появляется после битвы при Иссе, когда

начинаются пышные пиры и входят в обычай великолепные блюда. Александр все больше стремится подражать персидской роскоши, надевает диадему, облачается в пышные одежды; его окружают толпы наложниц (*ibid.*, XII, 3). Изображая очень красочно нравы Птолемея IV, автор указывает, что царь Египта предался роскоши, а за ним последовали придворные и армия, проводившие жизнь в праздности и бездействии (*ibid.*, XXX, 1). Последние Селевкиды окончательно губят государство теми же пороками (*luxuria*). Другая характерная черта описываемого морального состояния – это жестокость, склонность к обману и преступлениям. Бесчисленны упоминания о жестокости (*crudelitas*) в «*Historiae Philippicae*». Ужасы тирании нашли яркое изображение у Тимея (Агафокл, Дионисий Старший), у Эфора и др. Схема эта приняла до некоторой степени неизменные черты. Тиран – властитель, окруженный стражей, отдаляющийся от народа. Насилия и репрессии – отличительные черты его политики. Его моральный облик характеризуют жестокость, высокомерие, жадность к деньгам, разврат, грабежи и убийства. Одной из типичных особенностей тирана является также лицемерие (*simulatio*). Эта схема выдержана и у Трога по отношению к тиранам, начиная с ранних времен. Писистрат захватил власть хитростью (*per dolum*) и действовал двоедушно. Жесточайшими тиранами представляются и тридцать тиранов в Афинах. Но особенно подробно и ярко нарисована картина господства варварски жестокого тирана Клеарха в Гераклее Понтийской (*ibid.*, XVI, 4–5). Исключительно жестокими властителями изображены сицилийские тираны, *crudelissimi* и *saevissimi* (*ibid.*, XX–XXIII). Зависимость от Тимея в изображении сицилийских событий сказывается, несомненно, очень сильно. Но опять-таки следует указать, что тираны и в других местах «*Historiae Philippicae*» характеризуются сходным образом, так что эти характеристики служат постоянным ингредиентом его изложения, а не связаны лишь с использованием определенного источника. Помпей Трог переносит черты разлагающейся морально личности тиранов и их политики не на одного Филиппа II или Александра, но и на многих других царей или даже на города, ведущие державную политику (Афины или Спарта). Афиняне своей жестокостью, своей державной политикой, лишенной умеренности, возбудили сильную ненависть (*ibid.*, V, 1,4). Жестокость – характерное свойство эллинистических царей: Птолемеев и Селевкидов, а также царей Парфии. Еще одна особенность, характеризующая нравы большинства правителей, это – надменность (*superbia*). Образцы ее дают тираны, а с другой стороны – парфяне, Афины, Александр Македонский и др. Трог часто упоминает о преступлениях правителей, в особенности об умерщвлении родственников. Длинная цепь этих преступлений тянется с отдаленных времен, но главным образом о них говорится в эпоху возникновения держав и их упадка. *Particidia* – частое явление в древнем Персидском государстве. Но подобные же преступления свойственны политике Филиппа и Александра, а позднее получают необычайное развитие в период распада Македонской державы. Дети Кассандра погибают, Лисимах велит казнить собственного сына Агафокла. Особенным мастером на эти убийства, жестоким и изобретательным, был Птолемей Керавн, но и позднейшие Селевкиды и Птолемеи или Македония при Персее дают множество примеров преступлений

этого рода. В постоянной практике убийств в кругу царской семьи автор усматривает фатум Парфянского царства. В изображении тиранов Помпей Трог не дает чего-либо нового по сравнению с обычным их изображением в эллинистической историографии. Но интересно то, что и здесь у него нередко внимание обращено преимущественно на внешнюю политику: в главе о Писистрате подробно рассказывается о его победе над Мегарами и о захвате власти. О внутренней политике ничего не говорится. Гиппий -это поджигатель войны (*concitor belli*). Тираны в Сицилии – соперники Карфагена. Наконец, самым существенным является перенесение характеристики, политики тиранов на широкую область международных отношений, на политику Филиппа и Александра, Рима и Парфии. Велико, таким образом, значение, которое в произведении Трга имеет учение о добродетелях и о роковой смене «древних нравов» губительной страстью к роскоши и жадности к деньгам. То своеобразное, что имеется у Трга в применении традиционных, казалось бы, застывших схем, что отличает его в этом отношении от других авторов, заключается в распространении обычной морально-философской схемы на широкую область международных отношений. О политических взглядах Помпея Трга мы можем судить только на основании содержания эпитомы Юстина. Этого недостаточно, чтобы охарактеризовать убеждения Помпея Трга сколько-нибудь отчетливо. Все же ясно, что он не был сторонником автократических тенденций и что, как можно судить по отдельным выражениям, его симпатии на стороне умеренного режима. *Moderatio*, которую он так восхваляет в области внешних отношений, по-видимому, должна служить руководящим принципом и внутренней политики. Во всяком случае, уже в начале своего произведения автор отмечает, что в старину цари (*reges*) имели власть не благодаря заискиванию перед народом, но вследствие умеренности, проявленной ими по отношению к «благомыслящим» (*boni*) людям (*ibid.*, I, 1, 1). Замечания в конце книг XLII и XLIV рассматривались как выражение положительного отношения автора к Августу, хотя их одних все же недостаточно, чтобы представить отчетливо это отношение. Наконец, было обращено внимание на некоторое пристрастие Трга к его землякам – галлам. Всех этих наблюдений мало, чтобы определить позиции автора в сложной социально-политической обстановке конца республики – начала империи. Но, может быть, в этом и нет особой надобности. Помпей Трог был ученым с большой эрудицией, с широким кругом научных интересов (у него были работы «О животных» и «О растениях»), но он не был выдающимся историком или политиком. В основном историческая концепция «*Historiae Philippicae*» принадлежит не ему, а его греческому предшественнику. Если этим предшественником и не обязательно был Тимаген, относительно которого известно, что он не сумел приспособиться к новому режиму при Августе и должен был покинуть Рим, то, во всяком случае, им был автор с резко выраженным отрицательным отношением к завоевательной политике. Его произведение, по каким бы мотивам оно ни было использовано Тргом, свидетельствует о расхождении с официальной идеологией и, таким образом, может служить источником при изучении взглядов, характеризующих отношение кругов населения, далеких от того, чтобы славословить победителей.

Все сказанное о «*Historiae Philippicae*» свидетельствует, что перед нами произведение, тесно связанное с политической и идеологической борьбой своего времени. Проследить эти связи нелегко, так как утрачен первоначальный источник, использованный Помпеем Трогом, – труд греческого автора. Все же, несмотря на то, что Помпей Трог не был историком, способным наложить яркий индивидуальный отпечаток своей мысли на привлеченный им материал, по-новому осветить его и оживить своеобразным пониманием событий, несмотря на то, что произведение начитанного, но не оригинального римского автора начала империи подверглось произвольному сокращению Юстина, несмотря на все эти неблагоприятные условия, «*Historiae Philippicae*» остаются замечательным памятником античной историографии, отразившим беспокойную мысль и тревожные настроения времени ожесточенной борьбы за господство в рабовладельческом мире Средиземноморья. Этот литературный памятник представляет интерес во многих отношениях. Все изложение Трога, богатое историческим содержанием, пронизано немногими руководящими идеями -идеей смены мировых держав, возникавших, усиливавшихся и сходявших затем с исторической сцены. Эти империи, основанные на жажде господства и беспощадной агрессии, составляют резкий контраст-с первоначальным состоянием человеческих обществ, когда отсутствовали стремления к покорению соседей и когда были сделаны главные культурные открытия. В этой исторической концепции нельзя не видеть выражения протеста против насилий и произвола основателей империй, самыми яркими представителями которых были в глазах автора Филипп и Александр Македонский, но от которых, если иметь в виду приемы ведения войны и дипломатическую практику, не отличались и римляне. Мы уже указывали на то, что, несмотря на мозаику источников, фразеология в «*Historiae Philippicae*» отличается чрезвычайной цельностью во всех частях этого произведения.

Если присмотреться к греко-римской историографии второй половины I в. до н.э., то можно заметить большое сходство этой фразеологии с тем, что мы находим в сочинениях выдающегося историка конца республики -Саллюстия. Своеобразная философия истории Саллюстия хорошо известна. Поэтому мы ограничимся тем, что остановимся лишь на некоторых ее моментах, существенно важных для понимания «*Historiae Philippicae*». Саллюстий предпосылает изложению заговора Катилины общий очерк истории Рима, характеризуемой с морально-политической точки зрения. В этом очерке имеются черты, сходные с исторической концепцией Помпея Трога. У Саллюстия нет ничего о начатках культуры и общественного развития (*origines*), но и, согласно его изложению, в начале истории отсутствует стремление к наживе и власти: каждый довольствуется своим. Лишь со времени правления Кира, основателя Персидской державы, и усиления Спарты и Афин начинается подчинение городов и племен, появляется страсть к господству (*libido dorainationis*), являющаяся причиной войн (*Sail. De conjur., 2*). Проблема войны занимает и Саллюстия. Но он ставит ее иначе, чем Помпей Трог: он полагает, что человеческие дела были бы устойчивее, если бы доблесть (*virtus*) царей проявлялась не только на войне, но и в мире. Причины войн и

вообще борьбы в человеческом обществе – это стремление к власти и богатству (*imperium et divitiae*). Так же как у Помпея Трога, *imperium* сопровождается изменением в нравах: вместо трудолюбия теперь господствует лень, вместо сдержанности и справедливости – низменные страсти, высокомерие и алчность к наживе (*ibid.*, 3). Но последовательности здесь у Саллюстия нет, и*» вывод для читателя получается несколько неожиданный: власть всегда, утверждает он, переходила к самому лучшему. Саллюстий, как и Помпей Трог, пользуется термином *scelus* (преступление), но в ином применении: под этим углом зрения он рассматривает действия Югурты и заговор Катилины. Преступления порождаются испорченными нравами государства (*corrupti civitatis mores*). Эти общие воззрения автора применяются к истории Рима. Концепция этой истории такова. Вначале существовали наилучшие государство и власть, они превращаются с течением времени в наихудшие. Таким образом, Саллюстий противопоставляет не два состояния общества, как Помпей Трог, – *origines* и *imperia*, но два вида последних: справедливую власть и несправедливую (*imperium justum et injustum*). Римское государство, по Саллюстию, проходит три этапа: 1) первоначальное состояние, когда отсутствуют города, законы и власть (*sine legibus, sine imperio*), когда все свободны; 2) период преуспевания, войн с соседями, проявления доблести. Это – период существования власти, основанной на законе (*imperium legitimum*), руководства со стороны сената, расцвета справедливости, трудолюбия. Перемену вносит судьба (*fortuna*): со второй половины II в. до н.э. она начинает свирепствовать по отношению к Риму, наступает третий период, который характеризуют жажда покоя, богатств, огромный рост стремления к деньгам и власти. Власть становится также жестокой и непереносимой (*imperium crudele et intolerabile*). Другой гранью, знаменующей полное развитие этого процесса политического и нравственного вырождения, является время господства Суллы. Отношение к побежденным беспощадное: им ничего не оставляли. На государстве лежит печать испорченности. Власть в руках немногих, которые действуют путем преступлений (*ibid.*, 11). Рисуя черными красками власть «немногих», изображая их жадность, высокомерие, низменные страсти, Саллюстий делает это, однако, не с точки зрения интересов и стремлений плебса. Деятельность народных трибунов у него представлена далеко не в благоприятном освещении. Его политический идеал – умеренная старинная республика, «справедливая власть» (*imperium justum*). По своим общим историческим взглядам и по фразеологии Саллюстий, в особенности в «Заговоре Катилины», ближе других стоит к Помпею Трогу. Морально-философские понятия у того и другого одни и те же. Оба считают *avaritia* причиной всех зол. Но представители этих злых сил в истории у обоих авторов различные. Саллюстий прилагает эту схему «жестокой власти» и «испорченных нравов» к римскому нобилитету конца II -начала I в. до н.э. и, с другой стороны, к его противнику – Катилине, который вместе со своими приверженцами изображается Саллюстием как продукт крайнего разложения нобилитета: ведь в состав катилинариев и входят прежде всего *nobiles* (*ibid.*, 17, 5–6). Бичуя «суровую власть», Саллюстий положительно относится к *imperium*

justum, и идеи «Писем к Цезарю», призывы к смягчению власти, аргументы против применения беспощадных репрессий и прочее согласуются с общими воззрениями Саллюстия. Помпей Трога *imperiū* интересуется как система господства над другими народами. Он применяет охарактеризованную выше схему возникновения и усиления державы и сущности ее политики со всеми сопутствующими последними явлениями к конкретным государствам, к создателям держав и к их позднее выродившимся преемникам. В связи с этим приходится рассматривать и его отрицательное отношение к Риму. «*Historiae Philippicae*» уступают произведениям Саллюстия и в оригинальности мысли, и в степени понимания значения политической борьбы внутри государства, и в блеске литературной формы, но имеют несомненное преимущество перед ними в одном отношении – в необычайной широте замысла автора, в стремлении в едином синтезе охватить весь материал всеобщей истории. Рассматривая произведение Помпея Трога с этой точки зрения, его приходится сопоставлять уже не с небольшими монографиями Саллюстия и даже не с его более крупным трудом «Историей», посвященным истории Римской республики опять-таки лишь на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени, но с работами такого же масштаба, и притом принадлежащими этому же времени: с огромной «Всеобщей историей» Николая Дамасского и «Исторической библиотекой» Диодора Сицилийского. И нужно сказать, что это сопоставление не во всех отношениях будет невыгодным для «*Historiae Philippicae*». Если Диодор дает нам неизмеримо больший и более ценный исторический материал, подобного которому мы, вероятно, не получили бы и в том случае, если бы перед нами был подлинник произведения Помпея Трога, то по цельности и своеобразию исторической концепции Трог превосходит автора «Исторической библиотеки». С другой стороны, у всех них следует отметить интерес к общим линиям исторического развития, характерный для эллинистической историографии, умение оформить и связать огромный конкретный материал, избегая общих фраз и не довольствуясь в то же время нагромождением бесчисленных фактов. Значение «*Historiae Philippicae*» обуславливается не только тем, что в них мы имеем единственный связный очерк истории эллинистической эпохи, и не только тем, что использованные автором в первых книгах многочисленные источники позволяют составить более точное представление о состоянии греческой историографии в предшествующие века. Значение этого произведения заключается и в том, что в нем, пусть в измененной и даже искаженной форме, звучит протест против внешней политики, основанной на праве сильного, на обманах и злодеяниях, и, с другой стороны, в том, что автор, пользуясь прозрачной исторической схемой, дает возможность проследить политическое и отчасти культурное развитие многочисленных государств античного мира. Помпей Трог, или, вернее, неизвестный нам по имени греческий автор, следовал одной из великих традиций греческой науки – исходить при изучении явлений по возможности из целого, не ограничиваясь частичным исследованием, и питался в одной картине с резкими контрастами света и тени представить весь ход всемирной истории.

1. Gutschmid A. von. Kleine Schriften. Bd V. Leipzig, 1894. S.218f.
2. Решительные возражения против этой гипотезы см.: Fuchs H. Widerstand gegen Rom in der Alten Welt. Berlin, 1938. S.42.
3. Мишкин И. А. Эсхатология и мессианизм в последний период республики // ИАН СССР. Серия истории и философии. Т. III. 1946. №5. С. 441 слл.
4. Зельин К. К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога // ВДИ. 1948. №4. С. 208 слл.
5. Gutschmid A. von. Op. cit.
6. Ср.: Enmann A. Untersuchungen über die Quellen des Pompeius Trogus. Leipzig, 1880.
7. Соколов Ф. Ф. Труды. СПб., 1910. С. 217 сл.
8. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. London, 1938. P. 45 ff.
9. Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bdl. S.2f.
10. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 233.
11. Bouche-Leclercq A. Histoire des Lagides. Vol. II. Paris, 1904. P. 103.
12. Зельин К. К. Указ. соч. С. 221.
13. Fuchs H. Op. cit.; ср.: Schreider E. De Pompei Trogi Historiarum Philippicarum consilio et arte. Weidae Thuringorum, 1913. S. 51
14. Ср.: Trudinger K. Studien zur Geichichte der griechisch-romischen Ethnographie. Basel, 1918. S. 130.
15. Trudinger K. Op. cit. S. 175.
16. Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. 3 Aufl. Bd I. Leipzig, 1927. S. 542.
17. Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952.
18. Там же. С. 190.
19. Там же. С. 187.

Глава II. Историография военного похода А. Македонского в Среднюю Азию.

2.1. Историография военного похода Александра Македонского в Бактрии.

Впервые Бактрия упоминается в наскальных клинописях персидских царей Дария и Ксерокса и в священной книге Зороастрийцев –Авесте. В эпоху **бронзы** в Средней Азии появляются первые государственные образования. Особенностью среднеазиатской государственности является то обстоятельство, что государства здесь появились ещё до возникновения классов и эксплуатации. Судьба древней Бактрии не редко была драматичной. С момента своего появления на исторической сцене в середине I тысячелетия до н.э., когда на ее землях уже существовало рабовладельческое общество, Бактрию с переменным успехом пытались завоевать, покорить, присоединить более могущественные государства. И неудивительно. Расположенная на плодородном плато, омываемая великой Амударьей и орошаемая разветвленной ирригационной системой, страна обладала богатыми сельскохозяйственными землями. А кроме того в ее пределах сходились важные торговые пути, в частности через перевалы Памира перевозился шелк и другие товары из Китая. Историческая область в среднем и верхнем течении Окса (Амударьи), из которой в III в. до н.э. по Средней Азии и Индии распространились многие элементы греческой культуры. Получила свое название (староперсидское Бахтри) от района Бактр (ныне – район Балхав), притока Амударьи. На западе эта область граничила с Арианой, на севере – с Согдианой, на юго-западе – с Арахозией, на юго-востоке – с Гиндукушем. Ее территория на левом берегу Амударьи в общих чертах совпадает с нынешней афганской провинцией Балх, на правобережье охватывает южные районы Таджикистана и Узбекистана. Главный город Бактрии назывался Бактр (на месте которого находится современный Балх, расположенный примерно в 30 км от Мазари-Шарифа).

Бактрийские племена были покорены мидийцами и царем Киром Великим в 540 году до н.э. Бактрия стала сотрапией его державы и платила дань. При персидских царях Ксерксе и Артаксерксе в Бактрии вспыхивали восстания. Позднее Бактрия была завоевана Александром Великим. Эти походы по замыслу самого Александра были описаны для потомства теми писателями и историками, которые сопровождали его в походе. Записывали события и некоторые участники похода полководцы Аристокбул и Птоломей Лаг, сведения которых отразились в дошедших до нас текстах более поздних историков как Страбон, Арриан и другие. Описание отдельных эпизодов оставили участники похода знаменитый мореплавателю Нearch и другие. Двое придворных вели подробную запись всех происходивших при дворе событий, путевой дневник составляли два лица из штаба Александра. Но все это до нас не дошло.

То что мы знаем о походах Александра на Восток, почерпнуто из трудов пяти историков, живших 300-400 лет спустя, но имевших еще возможность пользоваться выше перечисленными трудами и записями современников Александра. История же похода в Среднюю Азию сохранились только у греческого историка Арриана и у римского писателя Квинта Курция Руфа. Плутарх и Юстин, сохранившие много интересных данных о деяниях Александра на востоке, почти не упоминают о среднеазиатских походах. В «Исторической библиотеке» Диодора сицилийского, к сожалению, утрачены из XVII книги те главы, где описывался поход Александра за Амударью, сохранились только их оглавление. В историографической традиции принято считать, что труд Квинта Курция Руфа не заслуживает полного доверия автор обычно характеризуется, как философствующий ритор, с удовольствием записывающий всякого рода анекдоты и восполняющей свое фантазией те или иные пробелы повествования. Оценка эта не вполне заслужена, так как достоверность многих сведений Курция Руфа может быть установлена. Труд же Арриана, писателя воина, служившего в Азии, автора трактата о военном искусстве заслуженно считается весьма достоверным отображением событий, имевших место Средней Азии. Арриан пользовался записками современников который он порою просто переписывал. Пропуски имеющиеся в труде Арриана, только в небольшой мере восполняются рассказами Курция Руфа и объясняются тем, что в использованных Аррианом трудах Аристокбула и Птолемея Лага имелись записи лишь тех событий, участниками или свидетелями которых они сами были на территории Средней Азии.

Далее Александру Македонскому и его времени посвящена отечественная и зарубежная богатая литература. Но на вопросе о походе его в Среднюю Азию остановились более подробно лишь В.В Григорьев в своей не утратившей значение статье «Поход Александра Македонского в Западный Туркестан» и И.Г Дройзен в своем труде «История эллинизма».

О походах Александра Македонского в Бактрию свидетельствуют и археологические раскопки на территории Афганистан. Раскопки велись, в основном французскими учёными и руководствовал раскопками профессор П. Бернар в 1978 году. В ходе раскопок Ай-Ханум им удалось вскрыть значительные площади внутри города исследовать его укрепления, раскопать сооружение внегородских стен.

Городище расположено на двух террасах. Примыкающая к Пянджу часть городища более низкая – нижний город, юго-восточная значительно более возвышенная - акрополь. Город и его акрополь укреплены «самой природой места», а также мощными оборонительными стенами с башнями, возведенными из сырцового кирпича. П. Бернард считает, что город был основан во время пребывания Александра Македонского в Бактрии. В Ай-Ханум был открыт целый греческий город относят к центрам восточной провинции Бадахшан, одновременно он служил оплотом против нападения кочевников востока. Известно что Бадахшанский лазурит, добываемый для всего древнего Востока только в этом месте Бактрии, транспортировался ещё в древности в Ассирию, а затем в период Ахеменидской державы в столице Западного Ирана. [Гафуров, 1989.- С. 347]

Другим городом, основанным в Бактрии в эпоху Александра Македонского или вскоре него, Тахти-Сангин (Каменный трон-тадж.). Городище открыто на юге Таджикистана (Кабоднёнский район, 40 км южнее райцентра Шаартуз). Оно расположено в верховье на правом берегу Амударьи вместе слияния Вахша с Пянджем. Тахти-Сангин с запада защищён горным хребтом Тахти-Кубад, с востока – Амударьёй, с севера и юга двойным рядом оборонительных стен, был неприступен благодаря стратегически продуманному выбору места. Тахти-Сангин в месте находящимся в 5 км южнее Тахти-Кубадам посредством мощных каменных стен, гавани с переправой и городищем на левом, афганском берегу образовывали комплекс, контролирующий водную и сухопутную магистраль.

Раскопки Тахти-Сангина, проводившиеся в 1928 году Б. П. Денике и в 1956 году А. М. Мандельштамом, носили разведочный характер, хотя А. М. Мандельштам характеризовая стратиграфию памятника, справедливо относя его начало эллинистическому времени. [Гафуров. 1989. –С. 349]

Но уже сейчас ясно, что большое значение находок на Тахти-Сангине заключается в том что они раскрывают динамику развития во многом неизвестного до этого искусства Бактрии целого тысячелетия: от Ахеменидского стиля, через греко-бактрийские традиции, к сложению кушанских художественных школ. Благодаря этому на примере открытий на Тахти-Сангине отчетливо выступают основные составные компоненты греко-бактрийского искусства и архитектуры которые должны быть рассмотрены дифференцированно. В архитектуре преобладающими оставались древне восточные, в искусстве эллинизма –греческие –привнесенные, позже дополненные гандхарским- слитным воедино греко-индийским синтезом. [Гафуров. 1989 – С. 351]

Примером античного, а затем и средневекового города может служить Старый Термез, чье городище расположено в 5 километрах от нынешнего Термеза. По преданию здесь Александром Македонским была основана крепость Александрия Оксианская, впоследствии разрушенная кочевниками.[Ртвеладзе, 2002. - С.39-40].

Рассматривая политику и реформы проведённые Александром Македонским в Бактрии это один наиболее важный, как нам представляется аспекты Александра на завоёванных территориях. Это меры, предпринимаемые

для создания социальной опоры власти македонского царя. Мы не рассматриваем здесь религиозную политику Александра, хотя она и имела большое значение в деле укрепления власти македонского царя. Александр провел реформу в армии. Он велел отправить по домам воинов, «не годных к военной службе по старости и увечьям». На их места он набрал 30 тыс. местных юношей, обученных греческой грамоте и обращению с македонским оружием. Принимая на службу персидскую знать, победоносный царь сначала выражал этим, что он не противостоит персидскому народу как враг, а только борется с разбитым персидским царём, который не хочет признать его высшую власть над Азией.

Благодаря походам Александра эллинский культ бога вина и веселья Диониса проник в Бактрию и Индию, в места, где произрастало много винограда и где дионисские мистерии приобрели значения праздников урожая. Сцены дионисийского праздника широко представлены в орнаментации сосудов позднеэллинистической эпохи северной бактрии и Индийской Гандхары [Гафуров, Цибукидис, 1980. –С.390].

Основами новой системы управления были опора на местную знать, разделение административного, финансового и военного управления, упорядочение сбора налогов и чеканки монеты, уважение к местным обычаям и богам.

Еще одно мероприятие Александра — это насильственное обожествление его личности. Возможно, мысль использовать собственное обожествление в политических целях как средство усиления власти возникла у Александра еще в Египте, где жрецы объявили его сыном Амона. В любом случае приписывание себе божественного происхождения шло в общем русле его политики и должно было освятить его власть.

Последним из мероприятий Александра в его восточной политике было заключение брачных союзов с представителями восточных народов, чтобы путём смешения крови соединить победителей и побеждённых. Первый пример показал сам Александр. Ещё в 327 г. до н. э., когда он овладел опорными пунктами повстанцев в Бактрии, он женился на Роксане, которая считалась самой красивой девушкой в Персидском государстве. Свою свадьбу с Роксаной Александр устроил по персидским обычаям, однако последователей у него долгое время не было. Его пример оставался без подражания. Лишь несколько лет спустя Александр приказал 80 близким друзьям жениться на дочерях из самых знатных родов Персии.

Заключительная цель моей работы было - выявить основные «вехи» Александра Македонского в Бактрии, учитывая не только военный, но и социально-политический критерий. И при этом мне хочется привести цитату Петра I, который так охарактеризовал Александра Македонского: «Какой тот великий герой, который воюет ради собственной только славы, а не для обороны Отечества, желая быть обладателем Вселенной?». И отвечал: «Александр... хотел быть великаном всего света».

2.2. Историография военного похода

Александра Македонского в Согдиану.

Согдиана - одно из трех (еще Бактрия и Хорезм) древнейших государственных образований, сложившихся в VII-VI вв. до нашей эры на территории Центральной Азии. Название Согд впервые упоминается в священной книге «Авесте». Предполагают, что это слово имело следующие значения «священный», «горящий» или «чистый». В VIII веке до нашей эры здесь была основана столица государства — Мараканда. Топоним Согдиана использовался как название области Сугуда — провинции империи Ахеменидов, девятнадцатая в списке царя Дария Великого на скале Бехистун, занимала территорию современных Таджикистана (кроме Памира) и Узбекистана (кроме Хорезма). Согдиана лежала к северу от Бактрии. На территории Согда находились города Мараканда (Самарканд), Кирополь и др. В VI—IV вв. до н. э. входил в древнеперсидскую Ахеменидскую державу. Вместе с Парфией, Хорезмом и Арейей Согд был включен в её 11-ю сатрапию. Население Согда платило значительные налоги серебром, поставляло драгоценные камни, предоставляло в распоряжение персидских царей крупные воинские контингенты. [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Согдиана>]

Когда великий Александр Македонский начал свой поход на Восток, он еще верил в незыблемость утверждения своего наставника Аристотеля, что "варвар и раб по природе своей понятия тождественные". Но то, с чем встретился Александр в далеких и неизвестных землях, перевернуло его представление о "варварах". Здесь нашел он не рабскую покорность и безволие, не варварство и невежество, а высокое человеческое достоинство, мужество, умение творить красоту и восхищаться ею. Александр Македонский, предпринявший поход на территорию Центральной Азии, застал здесь высокую, весьма развитую древнюю культуру. Народы, населявшие эту благодатную землю, были готовы к принятию эллинизма, и в то же время местная культура и искусство не могли не оказать воздействия на завоевателей. Сам Александр, как свидетельствует Курций Руф, утверждал, что у многих народов Азии он "находит такое, чему не стыдно было бы подражать: нельзя управлять таким государством, если не передавать другим свое и не поучиться у них самим".

В свой азиатский поход двадцатидвухлетний македонский царь выступил в 334 году до нашей эры. Его войско состояло из тридцати тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Вдоль побережья его сопровождало сто пятьдесят кораблей. С этой армией Александр в течение пяти лет завоевал Малую Азию, Сирию, Египет, Финикию и остальные части громадной ахеменидской державы. Затем, перейдя через Гиндукуш, Александр Македонский подчинил себе одну из самых цветущих ахеменидских сатрапий - Бактрию. До сих пор ничто серьезно не

препятствовало усилиям полководца, но впереди, между двумя величайшими реками простиралась загадочная Согдиана, которую только предстояло покорить.

В середине VI в. до нашей эры большая часть Центральной Азии была завоевана царем Киром, включена в состав Ахеменидской державы и разделена на четыре сатрапии. Владычество Ахеменидов в Средней Азии продолжалось до разгрома их державы Александром Македонским в IV в. до нашей эры. В 329-328 гг. Александр завоевал Бактрию и Согдиану. Хорезму удалось сохранить свою независимость.

Трудна и опасна была переправа через Окс (древнее название Амударьи). Когда войска подошли к берегу и с ходу попытались переправиться через реку, то, по словам древнего историка Арриана, "это оказалось совершенно невозможным, так как ширина реки была около шести стадий, а глубина непропорциональна ширине. Река была очень глубока и песчана, течение ее столь быстро, что она легко одним течением выворачивала из земли все, что укрепляли в ней, кроме того, в песке нельзя было ничего прочно утвердить. Тогда, набив кожаные мешки соломой, воины Македонского вплавь переправились на другой берег своенравной реки".

Население Согдианы на первых порах видело в Александре Македонском освободителя от персидского ига: древняя Мараканда открыла перед ним свои крепостные ворота. Но постепенно жестокость завоевателей, все еще считавших местное население варварами, восстановила согдийцев против них. В городах Усрушаны происходят кровавые схватки, в одной из которых был тяжело ранен сам Александр.

Огонь и меч принесла западная цивилизация на непокорные земли. Горели поселки и города, от рук завоевателей погибло более ста двадцати тысяч жителей. Но отважные и свободолюбивые согдийцы оказывали достойное сопротивление иноземным захватчикам. Спитамен, один из согдийских военачальников, поддерживающих первое время Александра Македонского, отошел от него и возглавил восстание. По отрывочным свидетельствам древних авторов можно восстановить образ этого мужественного человека, боровшегося против иноземных завоевателей за независимость и свободу своей земли.

Александр Македонский вышел к берегам Яксарта (древнее название Сырдарьи), по всей видимости, в районе древнего Ходжента. Здесь могучая река, вырываясь из горной теснины на равнинный простор, делает крутой изгиб. За рекой начинались владения воинственных и неуловимых скифов. Александр строил города, в которых ставил сильные гарнизоны, стремясь закрепиться на захваченных землях. Так, он выстроил оборонительную крепость на Сырдарье. Он велел своим воинам обнести глинобитной стеной лагерь на берегу реки и построить дома. Каждый получил свой надел. За семнадцать дней дома были подведены под крышу. Это укрепление было заселено греческими наемниками,

плененными местными жителями и не пригодными больше к войне македонянами. Полководец дал городу свое имя. Александрию прозвали Эсхатой, что значит "Дальняя". Александрия Эсхата - самый дальний форпост Александра Македонского на северо-востоке Азии.

Пятилетнее пребывание македонян на землях Согдианы коренным образом изменило отношение полководца к азиатским "варварам". Александр Великий понял, что нашел здесь людей, достойных уважения, свободолюбивых и мужественных, готовых к самоотверженной борьбе. В умном, сильном и смелом Александре непокорность Согда не могла не найти понимания и отклика. Здесь, на этой далекой и цветущей земле, не оказалось ни рабов, ни варваров. И завоеватель, вопреки обычаям и нравам времени, ищет близости с покоренными народами. Александр вводит ряд местных обычаев при своем дворе, включает согдийцев в армию, приближает их ко двору, начинает усваивать восточные местные нравы. Плутарх отмечает, что Александр все более старался приноровиться к образу жизни местного населения, а также познакомить согдийцев с обычаями македонян. Он полагал, что такое дружественное общение будет лучше способствовать достижению мира и согласия, чем насилие. Сам Александр дал пример своим воинам, женившись на Роксане, дочери Оксиарта, одного из местных властителей. Воины Александра Македонского говорили о Роксане (ее имя по-гречески значит "сияющая"), будто она была самой красивой женщиной в Азии после жены персидского царя Дария.

Вместе с войсками Александра на завоеванные земли проникала высокая греческая культура. В новые города завозилось большое количество произведений античного искусства. Как известно, в лагерь Александра из Греции срочно были доставлены тексты трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, которые ставились во время похода. Александр Македонский сам никогда не расставался с небольшой статуей, изображавшей сидящего Геракла. Статуя была создана Лисиппом, придворным портретистом Александра, мастерство которого оказало заметное воздействие на дальнейшее развитие искусства Бактрии и Согда.

Походы Александра Македонского имели для развития культуры, несомненно, двустороннее значение. Они, как указывает профессор К. В. Тревер, привели к своего рода синтезу цивилизации Востока и Запада.

Знакомство с культурой Азии дало западному миру то новое, что нашло себе столь яркое выражение в своеобразном и мощном явлении, которое мы называем эллинизмом, мало еще изученные центрально-азиатские корни которого столь же сильны и широко раскинуты, как и изученные в гораздо большей степени корни переднеазиатские.

К сожалению, не осталось практически никаких осязаемых доказательств тех времен, кроме разрозненных монет, но все так же громоздятся в отдалении горы древней Усрушаны, и все так же несет свои светло-зеленые воды Яксарт. На ее излучине, там, где позже возник город Ходжент, можно угадать

2.5. Историография военного похода Александра Македонского в Саков Массагетов.

Всемирная история. Энциклопедия

Саки и массагеты

Толкование

Саки и массагеты

Особую группу составляли кочевники, жившие на территории Южного Казахстана и Киргизии, а также в прилегающих частях Средней Азии и говорившие, как и соседнее земледельческое население, на языках восточноиранской группы. Это — единственная группа кочевников, о жизни которой в середине I тысячелетия до н. э. имеются более или менее значительные известия письменных источников. Кочевники жили здесь вперемежку с оседлым населением оазисов и находились с ним в постоянных взаимоотношениях, то мирных, то враждебных. Набеги кочевников приводили к разрушению производительных сил и тормозили развитие земледельческих областей Средней Азии.

Древнейшие известия о кочевниках Средней Азии содержатся в персидских клинообразных надписях. Персы называли их общим именем саков. На рельефе, сопровождающем Бехистунскую надпись, последний измятежников, стоящих перед Дарием, имеет остроконечную шапку, причём надпись поясняет: «Это Скунха, сак». Более подробны сведения античных авторов, в первую очередь Геродота. Греческие писатели различали в Средней Азии две группы кочевников: саков и массагетов. Так как массагеты неизвестны персидским историкам, то, очевидно, персы не отличали их от сакских племён. Разграничить саков и массагетов территориально не легко: обычно считают, что массагеты кочевали между Каспийским морем и Яксартом (Сыр-Дарьёй), а саки — далее на восток, однако следует отметить, что саки известны античным авторам и к западу от Окса (Аму-Дарьи). Не различимы саки и массагеты и в археологическом отношении. Кочевья саков простирались далеко на восток, захватывая долины Таласа, Чу и Или, высокогорные пастбища Алая, Памира, Ферганы, Тянь-Шаня.

Геродот даёт любопытные сведения об быте массагетов, и его данные подтверждаются археологией. Пословам Геродота, массагеты из металлов знали только золото и медь (т. е. фактически, невидимому, бронзу); железо и серебро им были совершенно неизвестны, так как этих металлов нет в их стране, тогда как золото и медь встречаются в изобилии. Действительно, железный век наступает у кочевников Средней Азии и Казахстана на 200—300 лет позже, нежели у причерноморских скифов, в V в. (откуда видно, что сведения Геродота для его времени были уже несколько устаревшими), а кое-где и в IV в. до н. э. Это объясняется не только отсталостью азиатских кочевников, но и богатством Казахстана медью и оловом. Медь, возможно, добывалась самими массагетами в горах Кара-

Тау на Мангышлаке и в Джекказгане, где имеются древние медные рудники. Медные и оловянные рудники имелись также в верховьях Иртыша, откуда массагеты могли получать металл или готовые изделия путём обмена. В IV в. до н. э. эти рудники были заброшены в связи с переходом к железу. Что касается золота, то остатки его древних разработок имеются у прииска Степняка в Северном Казахстане, а также у города Мангыта в низовьях Амударьи.

По одежде и образу жизни Геродот сближает массагетов со скифами. По его словам, они ничего не сеют, питаются мясом и молоком домашних животных, а также рыбой, которую им в изобилии доставляет река Арарат (видимо, имеется в виду Оке). Они живут в повозках, и даже домашняя утварь их приспособлена к кочевой жизни.

По уровню общественного развития массагеты отставали от скифов. Как и у современных им сарматов (савроматов), в их быту продолжали существовать значительные элементы матриархата, в частности пережиточные формы группового брака. Женщина занимала видное место в общественной жизни. Во время войны с Киром во главе массагетов стояла вдова «царя» — «царица» Томирия.

Политически массагеты представляли собой, невидимому, союз племён. Они были весьма многочисленны и сильны в военном отношении. Особую роль играла первоклассная конница. Вооружение составляли лук и колчан со стрелами, копья, мечи, секиры. О религии массагетов почти ничего неизвестно. Геродот сообщает, что они приносили в жертву солнце и лошадей.

Сообщения античных авторов о собственно саках многочисленнее, но крайне отрывочны и не всегда имеют в виду именно саков. В быту саков было много общего с массагетами и скифами. Один эпический поэт, описавший победу афинян над Ксерксом, называет саков пастухами овец. Наряду с овцами они разводили также лошадей. Их одежда (штаны, войлочные шапки) также напоминала скифскую. Наряду с кочевниками среди саков были и оседлые племена, занимавшиеся земледелием и яйлажным скотоводством.

Как и у массагетов, в быту саков имелись многочисленные элементы матриархата, женщины играли видную роль в общественной жизни. Греческий историк Ктесий (около 400 г. до н. э.) говорит, что сакские женщины отважны и помогают мужьям в военных опасностях. Во время войны с мидянами над саками властвовала Зарина, принимавшая участие в битвах. В другом месте Ктесий рассказывает о том, как после пленения Киром сакского «царя» Аморга жена его Спаретра собрала большое войско, состоявшее почти наполовину из женщин, и освободила Аморга из плена. Однако элементы разложения первобытно-общинного строя появляются и у саков.

Высшей формой политической организации у саков были, по видимому, союзы племён. Войско саков отличалось высокой боеспособностью. И у них большую роль играла конница, но наряду с нею имелась и пехота. Воины были вооружены луками, короткими мечами — акинаками и секирами. Военное могущество саков позволяло им совершать постоянные набег на их более богатых соседей.

О материальной культуре саков даёт представление и археология. К этой культуре можно отнести определённую группу древностей на территории Южного Казахстана и Киргизии. Древнейшие курганы (VI—

V вв. до н. э.) ещё целиком принадлежат к бронзовому веку. Они невелики, содержат погребения в виде скорченных или вытянутых костяков, бронзовые ножи, стрелы и слепленную от руки посуду. Более поздние курганы (V— III вв. до н. э.) значительно богаче. Наряду с бронзой в них появляется железо. Они больше по размерам и содержат обычно короткие железные мечи — акинаки, бронзовые, железные, костяные и деревянные наконечники стрел.

ел, бронзовые зеркала, украшения, принадлежности конской сбруи, глиняные и деревянные сосуды уже более совершенной выделки. Сохранились и остатки тканей. Широко распространение имели также бронзовые котлы скифского типа, квадратные жертвенники и светильники, часто находимые по несколько штук вместе. Все эти предметы имели культовое назначение и украшались литыми фигурками животных, которые по сюжету, композиции и стилю выполнения близки к скифским и южносибирским. Для саков, как и для других кочевников северной степной полосы от Дуная до Хуанхэ, был характерен звериный стиль, который связан с определёнными религиозно-мифологическими представлениями. К тому же кругу религиозных представлений примыкают наскальные изображения, встречающиеся в Восточном, Центральном и Южном Казахстане и в Киргизии. Это большей частью изображения горных козлов, баранов, оленей, людей, стреляющих из лука, и т. д. Изображения выбиты без всякого порядка; композиции — сцены охоты или поединка — встречаются редко. Возможно, что эти изображения имели магическое назначение: обеспечить удачную охоту.

Массагеты и саки теснее других кочевников Внутренней Азии были в это время связаны с рабовладельческим миром. Столкновения их с державами древнего Востока начались, невидимому, ещё в период мидийского преобладания. Как далеко простиралась на восток Индийская держава, сказать трудно. Во время завоевания Средней Азии Кир, естественно, должен был столкнуться и с местными кочевыми племенами. Последний поход Кира, в котором он потерпел поражение и погиб, был, согласно

Геродоту, направлен против массагетов. В 517 г. до н. э. Дарий совершил поход против «заморских» саков (живших к северу от Аральского моря). Часть саков в конечном итоге вошла в состав ахеменидского объединения; они принадлежали к XV сатрапии, которая платила в царскую казну 250 талантов. Так как эту сатрапию помимо саков входили также каспийцы, то речь, очевидно, может идти лишь о прикаспийских саках. К концу правления Дария были покорены также частично саки, жившие за Яксартом, а при Ксерксе — дахи, кочевавшие к востоку от Каспийского моря. Под властью Ахеменидов саки помимо платы дани должны были участвовать в походах персидских царей, выставляя как конницу, так и пехоту. В конце V или в первой половине IV в. саки освободились из-под власти Ахеменидов. В это же время, невидимому, складывается обширная конфедерация массагетских племён.

Помимо массагетов и саков на территории Средней Азии обитали ещё более отсталые племена рыболовов, охотников и собирателей.

Всемирная история. Энциклопедия.

— М.: Государственное издательство политической литературы. Ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт, И. Лурье, М. Полтавский. 1956—1965.

Саки и массагеты

Posted by [admin](#) on 4 Июнь 2014 in [Священная История](#) · [0 Comments](#)

Эпоху господства в казахстанских и уральских степях саков и савроматов принято обозначать либо археологическими терминами, либо термином, в который вкладывают скорее этнографическое, нежели историческое содержание — «раннежелезный век», «эпоха ранних кочевников», «скифская эпоха». В последнем случае на весь кочевой мир евразийских степей перенесено самоназвание одного из племен иранских кочевников Причерноморья (скудо или шкуда, более поздняя форма с показателем множественного числа — сколоты). «Все вместе они называются сколоты ... Скифами же их называли греки», — писал Геродот [Геродот, IV,6; См. также Дьяконов, 1956, с.242-245]. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы археологическими раскопками на пространных от Хуанхэ до Дуная, что и стало основанием для общего названия той культурной общности, которая сложилась в степях не позднее IX-VIII вв. до н.э. и просуществовала по крайней мере до III в. до н.э.

Как же называли себя «скифские» племена, кочевавшие к востоку от Волги?

Первый по времени ответ на этот вопрос содержится в знаменитой скальной надписи Дария I (522-486 гг. до н.э.), относящейся к начальным годам его царствования, Бехистунской надписи; там племена, жившие за Сыр-Дарьей названы сака. Мы еще вернемся к рассказу Дария. Пока же отметим, что Геродот, чья «История» была завершена между 430-424 гг. до н.э., утверждает: «персы всех скифов называют саками» [Геродот, VII,64]. Действительно, не только среднеазиатских, но и причерноморских кочевников, тех самых, кого греки именуют скифами, царь Дарий в надписи из Накши Рустама называет сака парадрайа, т.е. «заморскими саками». Создатели могучей империи Ахеменидов (550-330 гг. до н.э.), сами себя именуя «персами» и «ариями из арийского племени», хорошо знали своих соседей и сородичей. Название народа, употреблявшееся Ахеменидами столь расширительно, они не выдумали. В письменных свидетельствах из Передней Азии имя сака появляется задолго до ахеменидских надписей.

В конце VIII — начале VII вв. до н.э. ассирийские цари были очень обеспокоены опустошительными набегами на их владения неких конных воинов, которых они именовали гиммири. Без малого через триста лет Геродот рассказал об уходе в Азию под натиском преследовавших их скифов народа киммерийцев, живших в Причерноморье в незапамятные времена. И киммерийцы, и ушедшие за ними на юг скифы создали в Малой Азии и Северном Иране свои небольшие царства, ставшие грозой для соседей. Ныне установлено, что название «киммерийцы» (ассиро-вавилонские «гиммири») вовсе не племенное имя, а древнеиранское обозначение подвижного конского отряда, совершающего набег [Дьяконов, 1981, с.90-100]. Для соседей киммерийцев оно стало названием воинственных племен конных лучников, по своей культуре и образу жизни, как установили археологи, неотличимых от скифов-сколотов. Их действительное самоназвание стало известно только после находки надписи в храме богини Иштар, найденной при раскопках столицы Ассирии, Ниневии.

На обнаруженной там мраморной плите была высечена надпись ассирийского царя Ашшурбанапала (669-631 гг. до н.э.). В ней упомянуты гиммири, а их вождь Тугдамме, погибший впоследствии в Киликии, назван царем саков (возможен и перевод «царь страны саков»). После расшифровки надписи Ашшурбанапала стало ясно, что персы не выдумали имя своих кочевых соседей, а использовали их самоназвание, причем не племенное, а общее для всех кочевых племен, соседствующих с персами в Средней Азии и на Ближнем Востоке и говоривших на родственном древнеперсидскому иранских языках. К этому кругу племен принадлежали и гиммири-киммерийцы, и причерноморские скифы, которые, по словам Геродота, «пришли из Азии», и все кочевники Приаралья и Семиречья, которых, с большим или меньшим успехом, Ахемениды старались сделать подданными империи [Грантовский, 1975, с.84-85; Раевский, 1977, с. 143-144].

То, что сакские племена осознавали свою генеалогическую и культурную общность, выраженную единством самоназвания и, возможно, подтвержденную языковой близостью, не только не исключает, а, напротив, предполагает существование местных этнотерриториальных группировок, больших и малых племенных союзов. Названия некоторых из них были зафиксированы в немногих сохранившихся доныне письменных текстах их соседей.

Древние тексты, содержащие сведения о саках

Известны две группы древних текстов, содержащих сведения о саках: клинописные наскальные надписи ахеменидских царей и сочинения греко-римских авторов, начиная с Геродота. В сочинениях античных авторов нашла некоторое отражение ахеменидская политическая и историографическая традиция, но все же преобладала иная информация, полученная разными путями и через разных посредников. К примеру, информаторами Геродота были не только персы, но и причерноморские греки, хорошо знакомые с местными скифами, сами путешествовавшие по скифским землям и собиравшие сведения о дорогах на восток.

Весь этот информационный массив имеет как бы три «этажа».

Самый нижний, т.е. самый ранний «этаж», построен на сведениях древнеперсидских надписей и «скифском рассказе» Геродота.

Второй «этаж» — сведения, полученные и сохраненные эллинами во время и непосредственно после походов Александра Македонского и его пол-итических наследников (диadoхов и эпигонов) в Среднюю Азию.

Наконец, третий «этаж» — сведения греческих и латинских писателей, не только воспроизводивших прежние рассказы, но и передававших сообщения, полученные от своих современников, так или иначе соприкасавшихся с миром центральноазиатских народов и стран. Этому хронологическому уровню синхронны сведения о центральноазиатских «варварах», запечатленные на бумаге в совсем другом конце ойкумены, т.е. тогдашнего «обитаемого мира» — в государстве Хань (древнем Китае).

Главными для стран глубинной Азии политическими событиями, по крайней мере, с точки зрения иноземных историографов, были в VI-IV вв. до н.э. отношения с Ахеменидской державой, а в IV-III вв. — поход Александра Македонского на восток и возникновение в центре Азиатского материка эллинистических или эллинизированных государств. Главными событиями, обусловившими содержание третьего информационного «этажа», стали крушение среднеазиатского эллинизма под натиском кочевой периферии и возникновение Великого Шелкового пути, впервые соединившего через Среднюю Азию суперцивилизации Дальнего Востока и Средиземноморья.

С чего начиналась сакская эпопея

Началом сакской эпопеи для исторической науки древности были киммерийские и скифские вторжения в VIII-VII вв. в Переднюю Азию и Причерноморье. Ее продолжением стали военные операции ахеменидских царей, Кира и Дария, против саков за Оксом и Яксартом (соответственно, Аму-Дарья и Сыр-Дарья) против «заморских», т.е. причерноморских саков — скифов-сколотов Геродота. На фоне этих событий появилась первая, не всегда ясная и не вполне достоверная информация о родине сакских племен, об их жизни на своей земле, об их обычаях и нравах, об их племенах, об их северных и восточных соседях.

Кир

В 558 г. до н.э. главой персидских племен на юго-западе Иранского плато стал Кир, внук Кира, царя страны Парсуаш из рода Ахеменидов. Соседями его небольшого царства были четыре самые могущественные державы того времени — Мидия (на Иранском плато), Лидия (в Малой Азии), Вавилония (в междуречье Тигра и Ефрата) и Египет. В 553 г. Кир восстал против своего сюзерена, мидийского царя Астиага, а через три года он уже поселился во дворце прежнего владыки Ирана. В 547 г. было сокрушено Лидийское царство Креза, а в 539 г. настала очередь Вавилонии. Никто не мог устоять перед персидским войском.

Но еще до захвата Вавилонии, между 545-539 гг. Кир повернул главные силы своей армии на восток. Сведений о первом походе Кира очень немного и они не отличаются точностью. Однако, благодаря Бехистунской надписи, известно, что Дарий унаследовал от Кира земли до северо-западных границ Индии, в том числе и страну саков. А античные историографы сообщают, что на границе с саками, близ Яксарта (т.е. Сыр-Дарьи), был сооружен город-крепость Куриштиш (вероятно Курушката — «город Кира»). Впоследствии он был назван спутниками Александра Македонского Кирополем. Мощные стены Кирополя с трудом проломили осадные машины македонцев, и взятая ими крепость была переименована в Александрию Эсхату — «Александрию Крайнюю».

Второй, роковой для него поход на восток Кир предпринял в 530 г. уже глубоким стариком (ему было тогда около 70 лет). Очевидно, ситуация на восточной границе требовала решительных действий. Противников Кира через сто лет Геродот назовет массагетами, «племенем большим и сильным». Жили массагеты, по Геродоту, на равнинах к востоку от Каспия и за рекой Аракс, сорок рукавов которого впадают в топи и болота, а один — в Каспийской море. Здесь Араксом названа Аму-Дарья, а ее главным рукавом — полноводный тогда Узбой. Для того чтобы достигнуть массагетов Кир наводит мосты и «сооружает башни на судах для переправы через реку» [Геродот, 1,205].

Вокруг последнего похода Кира в античной литературе сложилось несколько «остросюжетных», но совершенно легендарных повествований, связанных с именем массагетской «царицы Томирис, которая будто бы, после гибели Кира в проигранном им сражении, приказала бросить его голову в бурдюк, наполненный человеческой кровью. Впрочем, сам Геродот называет эту версию одним из «многочисленных рассказов о смерти Кира». Достоверно известно лишь, что Кир погиб в сражении на берегах Узбоя (т.е. Аму-Дарьи) в начале августа 530 г., и что тело его вовсе не стало добычей врагов. Напротив того, оно было доставлено в Пасаргады и погребено, после чего там была сооружена великолепная гробница, сохранившаяся до сих пор. Осталось неясным, была ли разбита персидская армия, потерявшая царя, и покинула ли она вновь завоеванные земли на берегах Аму-Дарьи.

Противников Кира античная традиция именуется по разному — Геродот называет их массагетами; Ктесии Книдский — врач, вернувшийся в Элладу в 398 г. до н.э. после семнадцатилетнего пребывания при персидском дворе, — дербиками; Берос — вавилонский жрец, историк и астроном, писавший по-гречески в III в. до н.э. и знавший как эллинистическую, так и персидскую традицию, именуется племя, сражавшееся с Киром, даями (дахами).

Дарий

В 522 г. до н.э. в охваченном смутой Иране к власти пришел дальний родственник Кира, Дарий. Завоеванные прежде страны, и среди них страна саков, спешили восстановить свою независимость. Дарий начал вновь собирать империю, жестоко карая мятежников. Особенно суровой была расправа с Маргианой (Мерв, совр. г. Мары в Туркменистане), разгромленной сатрапом Бактрии, персом Дадаршишем, оставшимся верным Дарию. Вместе с маргианцами, как полагает немецкий исследователь Ю. Юнге, были разгромлены и приведены к покорности и саки [Justi, с.182].

Через одиннадцать лет после гибели Кира и на третьем году правления Дария (в 519 г.) события на востоке обеспокоили царя:

«Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против Страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке, на ту сторону её со всем войском перешел. Затем я на голову разбил часть саков, а другую [часть] захватил в плен ... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил их вождем, как было на то мое желание. Затем страна стала моей.»
[цит. по Дандамаев, 1985,с.100-101]

Таков текст победной надписи Дария на Бехистунской скале о походе против «саков в остроконечных колпаках», саков-тиграхауда. Здесь впервые назван один из сакских племенных союзов, но назван он тем именем, которое ему дали персы, выделившие в одежде саков этого племени характерную особенность.

Битва царя с саками-тиграхауда выгравирована на одной из печатей Дария — поверженный враг лежит у ног владыки, а другого, в высоком колпаке, царь хватает левой рукой, готовясь нанести удар коротким мечом.

Саки-тиграхауда не были до этой битвы подчинены персам, так как Дарий не называет их мятежниками, а их вождя, Скунху, не обвиняет во «лжи», т.е. в мятеже против власти. Сам Скунха изображен на Бехистунском рельефе не с обнаженной головой, как прочие мятежники, а в остроконечном колпаке высотой в половину его роста. Ничего не говорится и о казни Скунхи; упомянута лишь его замена другим вождем саков, угодным Дарию. Следовательно, поход Дария против саков-тиграхауда был не карательной акцией, а подчинением ранее непокоренного народа [Дандамаев, 1985, с.101].

Местоположение страны саков-тиграхауда определяется названием той большой реки (употреблено слово драйа — море, большая река), через которую переправился Дарий перед битвой. В надписи река не названа, однако же, имеются косвенные свидетельства, указывающие, что большой рекой, разделявшей тогда персов и саков, была Сыр-Дарья. В нескольких надписях, выгравированных на золотых и серебряных пластинах (такие пластины закладывались в фундамент строящихся царских дворцов), Дарий, определяя пределы своей державы, на крайнем её северо-востоке называет страну «саков, которые за Согдом», а на крайнем юго-западе — Куш (Эфиопию). Как отмечает Б.А. Литвинский

«в этих надписях Дарий несомненно хотел продемонстрировать колоссальные размеры своих владений, показав, насколько удалены друг от друга их крайние пределы. При этом, как совершенно правильно указал В.В Струве, географические определения даются с точки зрения западного иранца, для которого Согд лежал на северо-востоке, а Эфиопия — на юго-западе. Следовательно ... надписи должны указывать на саков, живших на северо-восток от Согда.» [Литвинский, 1972, с.169]

Центром Согда был Самарканд (греч. Мараканда), но на востоке (Согд граничил с Ферганой и Чачем (область Ташкента). Страна саков, находившаяся к северо-востоку от Согда и подчиненная персам, была отделена от согдийских земель Сыр-Дарьей.

Но единственный поход Дария против заречных саков, упомянутый в Бехистунской надписи, был поход против саков-тиграхауда, западная граница которых — правобережье Сыр-Дарьи в её среднем течении, к северо-востоку от Согда.

Ксеркс

Дарий и его наследник Ксеркс (486-464 гг.) называют в своих надписях еще один племенной союз среднеазиатских саков, подвластных персам. Они названы саки-хаумаварга, т.е. «почитающие Хаому». Хаомой назывался возбуждающий напиток, получаемый из сока эфедры (хвойника) и употреблявшийся в культовых целях. Но «Хаома золотоглазый» был одним из арийских божеств, первым совершившим обрядовое истолчение хаомы и приготовление ритуального напитка. Ему посвящены торжественные строки в Михр-Яште:

Мы почитаем Митру
Которому молился
Лучистый, властный Хаома
Целебный, златоглазый,
На высочайшем пике
Высоких гор Харати...
Он первый жрец, что хаому
Расписанную звездами
И созданную духом

Вознес к высокой Харати [Авеста, с.75-76]

Обиталище Хаомы — высокая Харати, т.е. Памиро-Алайская горная страна и прилегающие к ней горные системы, где обильно произрастает эфедрa. Именно в предгорьях Памиро-Алая, в долинах у подножий «высокой Харати», прежде всего в Фергане и Восточном Туркестане, были основные земли саков-хаумаварга. Далеким потомком языка этих саков был так называемый «хотано-сакский язык», сохранившийся в рукописях VIII-X вв. в оазисах Восточного Туркестана. В тех случаях, когда в ахеменидских надписях упомянуты просто «сака», без сужающего значения термина имени или определения, там имелись в виду саки-хаумаварга [Дандамаев, 1963, с. 178-180].

Персепольская надпись Ксеркса, вместе с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга, называет среди подвластных Ахеменидам народов еще и дахов, которым вавилонянин Берос приписывал победу над великим Киrom. Никаких других «скифских» народов к востоку от Ирана древнеперсидские источники не знают, но их во множестве называют греко-римские авторы.

Геродот упоминает саков-ортокорибантиев, т.е. «острошaпочных», и сакоо-амюргиев (так же, у нескольких авторов, «саки царя Аморга/Омарга», которых достаточно уверенно отождествляют с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга персов). Неоднократно упомянуты и дахи (даи). Все остальные этнонимы сакских племен, названные в античных источниках, отсутствуют в ахеменидских надписях.

Загадочные массагеты

Наиболее загадочным казалось отсутствие упоминаний о массагетах, главных врагах персов со времен Кира. Ведь узбойско-хорезмийский регион, где Кир сражался с массагетами, вошел в состав Персидской державы; для персидского сатрапа, управлявшего Хорезмом и Приаральем, был построен великолепный дворец (ныне развалины Калалыгыр, раскопанные Хорезмском экспедицией С.П. Толстова в 50-х годах) [Ставиский, 1971, с. 157]. Было выдвинуто логичное предположение, что массагеты эллинских авторов в персидских надписях упомянуты под другим именем. Такого рода гипотезу первым выдвинул А. Херман, ныне поддержанный Б.А. Литвинским:

«массагеты античных источников идентичны сакам-тиграхауда ... Мы принимаем их идентификацию с массагетами и помещаем в западную часть Средней Азии» [Литвинский, 1972, с. 172-173]

Такая локализация саков-тиграхауда очень расходится, однако, с показаниями надписей Дария и делает маловероятным их отождествление с массагетами.

Если массагеты действительно фигурируют в ахеменидских надписях, то более всего на отождествление с ними мог бы претендовать могучий племенной союз дахов (даев). Упомянутые еще Авестой среди племен, которые, по выражению Дария, «не чтит Ахура Мазду», дахи помещены в Персепольской надписи Ксеркса в перечне самых крупных стран и народов, подвластных этому грозному завоевателю. Коренные земли дахов в IV в. до н.э. находились «за Танаисом». т.е. Сыр-Дарьей, и «по Танаису» [Арриан, 111,28], а также в Приаралье [Страбон, X1.9]. Среди союзников Дария III Кадомана (336-331 гг.) в его проигранной войне с Александром названы и дахи. В битве при Гавгамелах, открывшей Александру путь на восток, дахи, вместе с бактрийской конницей, противостояли лучшей части македонской армии — коннице «друзей», личного окружения Александра. Характерная черта вооружения сражающихся дахов, необычная в то время, отмечена Аррианом: «сами скифы (дахи) и лошади их были тщательно защищены броней» [Арриан, III,13]. Эти «даи с Танаиса» сражались с македонцами и после гибели Дария, но затем они стали союзниками

Александра в его походе на Индию. Отряд дахов назван «конными лучниками» [Арриан, V.12]. Следует обратить внимание на важную деталь вооружения дахов — броню, защищавшую всадников и их коней. Такого рода двойной доспех столетием раньше Геродот отмечает только у массагетов: «лошадям на грудь они одевают медные панцири» [Геродот, 1,215]. Появление катафрактариев — конных воинов в тяжелых пластинчатых доспехах и на защищенных броней конях, отмечено не только письменными источниками, но и документировано археологическими находками в стране дахов и массагетов. Еще в 50-х годах Хорезмская экспедиция С.П. Толстова вела раскопки на городище Чирик-рабат — «столице» приаральских саков, расположенном на левом берегу Сыр-Дарьи, в верховьях её пересохшего русла Жана-Дарьи. Там, в одном из погребальных сооружений, датированном IV в. до н.э., был обнаружен железный пластинчатый доспех [Толстов, 1962, с. 148-150]. Такого рода защитная броня сохранилась в последующие века у родственных дахам парфянов, и не отмечена у других степных племен.

В трех далеких по времени и независимых друг от друга сочинениях — Авесте, надписи Ксеркса, труде Арриана — племена дахов обозначены одним и тем же именем — их самоназванием. Иначе следовало бы предположить существование общего для трех названных сочинений источника, что нереально.

Между тем, название массагетов сохранилось только в античной историографии, где оно объединяет самые разные по хозяйству, образу жизни и культуре племена — от кочевников-коневожов до охотников за тюленьями и собирателей кореньев, одевающихся «в древесную кору» [Страбон, XI,8]. Массагеты в сочинениях греческих авторов связаны только территориальной общностью — Приаралье, низовья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, район Узбоя. Отмеченные у них общие обычаи — остатки группового брака, ритуальное убийство и поедание стариков — невероятно архаичны и не могут свидетельствовать о каком-либо единстве. Скорее всего, название «массагеты» объединяло целую группу племенных союзов, связанных бесконечно древней генеалогической традицией, еще сохранившей значение в консервативной сфере родоплеменной мифологии и зависимой от нее этнонимии, но утратившей политическую актуальность в середине I тыс. до н.э.

Сведения Арриана

Рассмотрим внимательнее сведения Арриана, который упоминает при описании одновременных событий и скифов-массагетов, и скифов-даев, что, казалось бы, противоречит их сближению. Его повествование опирается на свидетельства спутников македонского завоевателя, записанные во время и после похода. В отличие от экзотических, удивляющих, привлекающих и отталкивающих читателя рассказов Геродота и Страбона, зависимых от многих и разных по времени информаторов, Арриан не восхищается доблестью массагетов (Страбон) и не пишет о «несметном количестве золота и меди» в их стране (Геродот). Но вот случай из военной судьбы согдийца Спитамена, почти три года ведшего партизанскую войну против македонской армии, который привлек на свою сторону отряд массагетов:

«Скифы эти (массагеты) жили в крайней бедности, не было у них ни городов, ни оседлого жилья, бояться за свои блага им было нечего, и поэтому склонить их на любую войну ничего не стоило ... Потерпев поражение, массагеты разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших с ними, и бежали вместе со Спитаменом в пустыню. Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали голову Спитамена и послали её Александру, чтобы этим поступком отвратить его от этого намерения»
[Арриан, IV,17]

Для Арриана массагеты были обитателями страны, что по левому берегу Окса (Аму-Дарьи); она граничит с Согдианой с запада. Дахи же для него, напротив, северо-восточные соседи Согдианы, обитатели долины Танаиса (Сыр-Дарьи). По представлениям спутников Александра, массагеты были беднейшие из скифов, готовые на любую войну ради наживы, не брезгающие грабежом и предательством союзников. Напротив того, дахи, — закованные в броню всадники на покрытых доспехом конях, элитарная конница Дария в битвах с Александром и кавалерийский авангард Александра в битвах с индийским царем Пором, конечно же, резко отличались от других скифов, но очень походили на конных воинов-массагетов из повествования Геродота.

Ни Арриан, ни его информаторы не знали, что у внешне различных племен общая территория, общие политические и культовые центры в Приаралье, где расположены города-ставки их «царей», общие святыни, связанные с почитанием солнечного бога Митры. Оставленные ими могильники, укрепленные городища и поселения по древним руслам Сыр-Дарьи — Жана-Дарье, Куван-Дарье,

Инкар-Дарье — стали объектом исследования Хорезмской экспедиции. Археологические находки ярко характеризуют повседневную жизнь скотоводческих и земледельческих племен Приаралья в VII-II вв. до н.э. и выявляют несомненную зависимость памятников этого времени от памятников эпохи бронзы, их генетическую связь. Особенно это было заметно при раскопках мавзолеев эпохи бронзы Тагискена и сакских могильников Тагискена и Уйгарака, на левобережье Сыр-Дарьи. Преемственность в развитии культур здесь вполне очевидна и она распространяется на все Приаралье к востоку от Хорезма.

Племена столь огромного объединения кочевников, и не только кочевников, не могли быть одинаковы, но могли носить общее название. Массагеты — общее древнее имя приаральских племен, имеющих общую генеалогическую традицию, и возможно, общий эпоним, т.е. общего предка, чаще всего мифического, по имени которого и назван народ. Древнее эпонимическое имя массагетов сохранилось в иранской ономастике и зафиксировано письменно — одного из полководцев Ксеркса звали «Массагес, сын Оариза» [Геродот, VII.71]. Неизвестно, кто был подлинным героем-эпонимом массагетских племен, но он носил то же самое имя.

Дахи

Дахи — военное ядро сырдарьинских и приаральских племен, чье имя было единственно значимым в том политическом аспекте, который проявился в надписи Ксеркса. Именно поэтому нельзя исключить корректность сведений Бероса, назвавшего врагов Кира дахами.

В III в. до н.э. имя дахов (даев) полностью вытесняет более древнее общее имя — массагетов. Этот процесс тогда завершился даже в Прикаспии, где со времен Геродота эллинистские историки любое «скифское» племя считали массагетами. В 238 г. до н.э. одно из племен даев, парны (парфяне), возглавленное родом Аршакидов, создало в Иране новую империю, сменившую наследников Александра. А на севере, в степях Западного Казахстана и Приуралья, дахо-массагетская экспансия III-го в. до н.э., повторив события полутысячелетней давности, заставила уйти в Причерноморскую Скифию племена сарматов, потомков савроматов Геродота, близких сакам по языку, образу жизни и культуре.

Некоторые современные исследователи предполагают, что в III в. до н.э. дахи, продвинувшись с Сыр-Дарьи в Прикаспийские степи, вытеснили с их земель массагетов. Но достоверно ответить на вопрос, куда делись и где появились «вытесненные» массагеты, невозможно. Массагеты окончательно стали дахами. Закончилась трехвековая история деградации их названия.

Исседоны

Мир заякартских степей и гор был, по существу, закрытым миром для античных авторов. Древнейшие сведения, касающиеся его и приводимые Геродотом, основываются на поэме некоего Аристея из города Проконнес на Мраморном море, владельца сукновальной мастерской. Аристей, будто бы по внушению Аполлона, совершил шестилетнее путешествие через страну скифов на восток, стремясь достигнуть земель таинственных гипербореев. Он дошел до страны исседов или исседонов, а возвратившись, изложил свои впечатления в поэме. Жил Аристей в VII в. до н.э. [Пьянков, 1978.с. 184-190]. В VI-V вв. Гекатей Милетский и сам Геродот передают немало сказочных рассказов, услышанных от скифов:

«А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках»
[Геродот, IV,24]

Большинство исследователей ныне локализуют исседонов в лесостепях Зауралья и в Казахстане. Некоторые обычаи исседонов схожи с обычаями массагетов. Крупнейший исследователь сакских археологических памятников Казахстана К.А. Акишев считает раннесакскую культуру Центрального Казахстана, названную «тасмолинской», принадлежащей исседонам, которых он безусловно относит к кругу сакских племен. Более того, расцвет сакской культуры в Семиречье и Южном Казахстане, по мнению К.А. Акишева,

«является результатом переселения центральноказахстанских исседонских племен с почти сформировавшейся культурой сакского типа на юг Казахстана и в Киргизию»
[Акишев, Кушаев, с.134-135].

Дальнейший рассказ Геродота носит откровенно легендарный характер, быть может, вследствие передачи через «семь языков» и «семь переводчиков»: «выше исседонов живут одноглазые мужи — аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих — гипорбореи, достигающие моря. Кроме гипорбореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей» [Геродот, IV, 13].

Здесь реальны не столько имена племен, сколько сообщение о бесконечных войнах между ними, о постоянных столкновениях, ведущих к переселениям целых народов: «И как аримаспами вытесняются из страны исседоны, так исседонами — скифы» [Геродот, IV, 13]. Вспоминаются слова скифа в передаче греческого поэта Лукиана:

«У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи» [Хазанов, с.34].

Археологические памятники сакской культуры

Наиболее яркое впечатление о сакской культуре Казахстана дают археологические памятники, прежде всего знаменитые Бешшатырские курганы в долине р. Или и редкий по богатству находок Иссыкский курган. Большой Бешшатырский курган диаметром 104 м и высотой 17 м, окруженный валом, представляется подлинным архитектурным сооружением. Внутри кургана построена погребальная камера из стволов тяньшанских елей. К сожалению, эти «царские» усыпальницы были ограблены еще в древности.

Случайно уцелело погребение «золотого человека» из кургана Иссык, датируемое IV в. до н.э. Описанию погребения посвящена специальная монография [Акишев, 1978]. Среди находок наиболее важной представляется двухстрочная надпись из 26 знаков неизвестного руноподобного письма, процарапанная на серебряном сосуде; проблема её расшифровки еще не решена. Погребенного юношу К.А. Акишев относит к числу вождей саков-тиграхауда.

Теперь может быть предложено дальнейшее развитие этого определения. Как уже отмечено, саки, жившие за Сыр-Дарьей, в её среднем течении, названы в персидских надписях «саками, носящими остроконечные колпаки», Парадным вариантом такого головного убора была тиара иссыкского юноши. Но название по одному этнографическому признаку, заметному только внешнему наблюдателю, обычно не может быть самоназванием народа. Разгадка этнонима — в последующих событиях сакской истории.

Во II в. до н.э. начались крупные подвижки степных племен, вызванные формированием в Центральной Азии державы гуннов (см. ниже). Движение ушедших на запад после долгой и неудачной для них войны юэчжийских племен и вытесненных со своих пастбищ в Восточном Туркестане усуней, обрушилось на семиреченских саков, которых китайская хроника именуется сэ «сак». Саки ушли в нескольких направлениях, в том числе к Сыр-Дарье. Между 141-128 гг. до н.э. они перешли Яксарт и сокрушили в Греко-Бактрии наследников Александра. В поле зрения античных авторов мельком попали племена, до того неизвестные им. Страбон [XI,8] называет четыре племена, перешедшие Яксарт: асии, пасианы (иной вариант: «асии или асианы»; тогда число племен сокращается до трех), тохары и сакараулы. Другой автор, Юстин, в пересказе сочинения римского историка I в. н.э. Помпея Трога, называет два скифских племена — сакарауков и асианов, упоминая, впрочем, в другом месте тохар. В оглавлении несохранившейся 42-й книги «Истории» Помпея Трога имеется следующий отрывок: «асиане, став царями тохар, погубили сакараваков» (вариант: «азианские цари токаров и гибель сарауков») [Юстин, XL,11].

Истории этих загадочных племен посвящено в научной литературе немало страниц, но достоверных выводов немного. Во всяком случае, до переправы через Яксарт племена жили много восточнее. Собственно сакской группы племен в этом перечислении были сарауки (сакараваки в более точной передаче — сакарауки). Их имя теперь достаточно надежно объяснено на древнеиранском языковом материале: сака раука «светлые саки» [Грантовский, 1975,с.79]. Скорее всего, именно их называет саками ки тайская династийная история, когда повествует об изгнании усунями народа сэ из Семиречья. Судя по туманному сообщению автора IV в., Оросия, пользовавшемся ранними источниками о связи дахов и сакарауков с «рекой Ганг», ушедшие из Семиречья сакарауки обосновались первоначально в царстве Канг на средней Сыр-Дарье, именуемом в китайских источниках Кангюй. Лишь по прошествии многих лет сакарауки, вместе с асианами и тохарами, завоевали Бактрию и там были «погублены».

Если эта реконструкция событий верна, то сакарауки, «светлые саки», и были теми самими племенами, которые в V-II вв. до н.э. владели Семиречьем; их вождей хоронили в Бесшатыре и к роду вождей сакарауков принадлежал юноша из Иссыкского кургана.

Сакские племена Казахстана были прямыми потомками андроновского населения — ариев и туров, дахов и данов Авесты. Этот неоспоримый вывод подтверждают археологи, проводящие прямые линии связей между андроновской и сакской культурами, а также антропологи, установившие генетическую преемственность населения сакского времени от населения эпохи бронзы [Акишев, Кушаев, с.121-136; Исмагулов, с.33]. Вместе с тем, установлено, что с начала сакской эпохи у обитателей казахстанских степей появляются монголоидные примеси центральноазиатского происхождения, сказавшиеся на их облике. По словам В.П. Алексеева

«широкий пояс евразийских степей ... на век — два раньше середины I тыс. до н.э. заволновался. Через него потянул ветерок с востока, население стало впитывать этнические влияния центральноазиатского происхождения. Среди европеоидов появились люди какого-то чужого, малознакомого облика — с жесткими черными волосами и раскосыми глазами... Этих людей было мало, единицы, но потом, к началу нашей эры, их количество стало увеличиваться» [Алексеев, с.255]

Образ жизни саков

Хозяйственная деятельность

Главным прорывом из века бронзы, из мира авестийских ариев, в железный век, век скифо-сакских племен, был прорыв в образе хозяйственной деятельности, и, соответственно, в образе жизни. Знаменем прорыва стало сложение кочевого скотоводческого хозяйства. Переход к кочевничеству вовлек в хозяйственный оборот огромные незаселенные и не использовавшиеся ранее междуречные степные пространства. Изменившееся в позднеандоновскую эпоху, где крупный рогатый скот все более заменялся лошадью, не требующей повседневного ухода и способной к тебенёвке, позволило в начале I тыс. до н.э. резко удлинить маршруты перекочевков и сделать их сезонными. Однако, вместе с ростом стада и специализацией хозяйства, возросла зависимость населения степи от погодных и климатических колебаний и состояния пастбищ. Любой сбой в природных циклах создавал кризисную ситуацию, которая не полностью компенсировалась ослабленным земледелием на зимниках, з поймах рек и ручьев. Обусловленность миграций, завоевательных походов, набегов кризисными изменениями в кочевом хозяйстве смутно сознавали и сами кочевники (вспомним цитированные ранее слова Лукиана!). Не исключался и временный возврат к оседлому или полuosедлому быту и даже к ирригационному земледелию части племен союза, что, например, наблюдается археологами у дахов и массагетов нижней Сыр-Дарьи. Оседание стимулировалось и резким расслоением племени по уровню богатства, по величине стада, находившегося в собственности разных семей. Беднейшие семьи неизбежно оседали.

Кочевой быт в казахстанских степях полнее описан в других разделах. Пока же заметим, что появление кочевого хозяйства было наиболее рациональным ответом общества на изменение природной среды, резкий рост народонаселения в конце эпохи бронзы и усилившуюся военную опасность. Последняя была обусловлена появлением всадничества и созданием войска конных лучников — подвижным, тактически пластичным, обладающим огромными возможностями быстрых и длительных перемещений и высокой поражающей силой оружия.

Высоким боевым качествам сакских воинов и удивительной резвости их коней античные авторы посвятили немало строк. Остановимся на одном, отнюдь не военном, а спортивном эпизоде, характеризующем еще и этические нормы саков. Ксенофонт (434-355 гг. до н.э.), долго живший при персидском дворе, рассказывает:

«Персидский царь устроил конные ристалища для всадников, представлявших разные народы. Длина беговой дорожки была определена в пять стадиев (около одного километра). Когда начались бега, то какой-то молодой сак вырвался вперед и достиг финиша, оставив всех остальных всадников почти на половине дорожки. Персидский царь предложил саку царство в обмен на коня, но тот отказался, заявив, что отдал бы коня лишь в обмен на благодарность храброго человека» [Цит. в изложении И.В. Пьянкова: Пьянков, 1975, с.37]

Социальное устройство

В суждениях о социальном устройстве сакского общества скудость письменных источников заставляет более полагаться на археологический материал. Действительно, различия между громадными погребальными сооружениями знати и рядовыми погребениями наглядны и впечатляюще убеждают в далеко зашедшей дифференциации общества. Имущественная поляризация внутри племен усиливалась, конечно, и социальное расслоение всего общества, но далеко не всегда играла решающую роль для статуса его членов. Принадлежность к знатному роду или личная воинская слава были не менее престижны в сакских племенах.

Сакские «цари и «царицы», упоминаемые античными источниками, обладали немалой властью, они решали вопросы войны и мира, посылали послов и заключали союзы, возглавляли войско. Во времена Ктесия (конец V — IV вв. до н.э.) страна саков не входила ни в одну из ахеменидских сатрапий, а царь саков считался не подданным, а союзником персидского царя [Пьянков, 1975, с.32]. Однако, пределы их власти внутри племен неясны. Царская власть сохранялась в одном роду. Арриан упоминает о случае, когда умершему «царю» наследовал его брат. Более неопределённые сообщения о наследовании власти «царицами» — все сведения о них содержатся в явно легендарных повествованиях или связаны с литературными сюжетами.

Роль народного собрания отмечена только единственным сообщением о переговорах Александра с «царем скифов» после неудачного для саков (вероятно, дахов) столкновения на Танаисе. «Царь» не считает этот бой войной, так как напала на македонцев, по его словам, сакская вольница, а «скифский народ в целом» войну Александру не объявлял. Возможно, этот случай свидетельствует об ограничении власти вождей решениями и властью народного собрания, т.е. всех взрослых мужчин племени.

В числе институций «царской» власти Арриан упоминает «сатрапов», т.е. поставленных «царем» управителей в какой-либо местности или племени. На втором месте названы «могущественные мужи скифской земли», т.е. военно-племенная аристократия. Вообще же сведения о сословиях у саков отсутствуют, и их существование возможно предположить лишь по аналогиям. Так, упоминание у массагетов пехоты, быть может, свидетельствует о безлошадных членах сакской общины. Свидетельства греческих авторов о скифах Причерноморья, выделяющих, кроме племенной знати и рядовых общинников, еще и сословие жрецов вполне допустимо распространить на саков.

Духовная культура и религия

Духовная культура и религия саков реконструируются скорее по памятникам искусства, чем по письменным памятникам. Близость представлений саков о мире богов с уже упомянутыми религиозными воззрениями ариев (в частности, общий для них культ Митры) позволяет опустить эту тему. Во всяком случае, скифская эпоха в казахстанских степях была ознаменована такими шедеврами артистического мастерства, связанными с мифологией и пантеоном саков, представления о которых могут дать только специальные работы [см., например, Алишер Акишев, 1984].

Непосредственными продолжателями сакских традиций были, в первые века н.э., усунь в Семиречье и царство Канг (Кангюй) в присырдарьинских оазисах и западной части Семиречья. Появление во II в. до н.э. на территории древней авестийской «Кангхи, высокой и священной» царства Канг скорее всего связано с переселением сюда части юэчжийских (тохарских) и сакараукских племен, поделивших с усунями прежние земли заякэртских и семиреченских саков.

Однако подлинное изменение этнической, расовой и культурной обстановки связано с поистине эпохальным событием — Великим переселением с Востока в евразийских степях.

<http://newskif.su/2014/саки-и-массагеты>

2.6. Маршрут Александра Македонского в Средней Азию историографии XX-XXI.

БИБЛИОГРАФИЯ ^[416]

Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма.
М., 1982.

*Борухович В. Г.,
Колотова М. Г.* Панэллинизм и буржуазная
историография античности. — «Вестник
древней истории» (далее — ВДИ). 1951,
№ 1.

*Борухович В. Т.,
Фролов Э.Д* Публицистическая
деятельность Исократы. — ВДИ. 1969,
№ 2.

*Гафуров Б. Г.,
Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и
Восток. М., 1980.

Данданаев М. А., Луконин В.Г. Культура
и экономика Древнего Ирана. М., 1980.

Григорьев В. В. Поход Александра
Македонского в Западный Туркестан. —
«Журнал Министерства народного
просвещения». Ч. 217. Отд. II, сент. —
окт. 1881.

Дельбрюк Г. История военного
искусства в рамках политической истории.
Т. 1. Античный мир. М., 1936.

Доватур А. Л. Политика и политики Аристотеля. М. — Л., 1965.

Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1. История Александра Великого. М., 1890.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М. — Л., 1956.

Дьяконов И. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.

Зельин К. К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога. — ВДИ. 1948, № 4.

Зельин К. К. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330–328 гг. до н. э. — Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М. — Л., 1963.

Историография античной истории. Под ред. проф. В. И. Кузищина. М., 1980.

Источниковедение Древней Греции (эпоха Эллинизма). М., 1982.

Ковалев С. И. Александр Македонский. Л., 1937.

Ковалев С. И. Монархия Александра Македонского. — ВДИ. 1949, № 4.

Кондратюк М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20 гг. IV в. до н. э. — ВДИ. 1977, № 2.

Кондратюк М. А. Проблема обожествления Александра Македонского в современной историографии. — Проблемы всеобщей истории. Под ред. Г. Д. Язькова и И. Л. Маяк. М., 1977.

Когиеленко Г. А. Аристотель и Александр (к вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам»). — ВДИ. 1974, № 1.

Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.

Ловягина М. Александр Македонский в Туркестане. — Исторические и библиографические очерки. Вып. 1. Пг., 1917.

Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии. — ВДИ. 1980, № 2.

Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М. — Л., 1950.

Струве В. В. У истоков романа об Александре. — «Советское востоковедение». Т. 1. М., 1927.

Тарн В. В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

Тревер К. В. Александр Македонский в Согде. — «Вопросы истории» (далее — ВИ). 1947, № 5.

Уилер В. Александр Великий. СПб., 1900.

Уилер М. Пламя над Персеполем. М., 1972 (см. также рец. Г. А. Кошеленко. — ВДИ. 1972, № 3).

Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967.

Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/337 г. до н. э. и объединение Эллады. — ВДИ. 1974, № 1.

Хлопин И. Н. Александр Македонский в Маргиане. — Античность и современность. М., 1972.

Хлопин И. Н. Маршрут азиатского похода Александра Великого. — *Iranica Antiqua*. Т. XVII. Gent, 1982.

Цибукидис Д. И. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850–1974). М., 1981.

Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. I и II. Казань, 1960, 1963.

Шофман А. С. Каллисфен. — ВИ. 1974, № 6.

Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.

Badian E. Alexander the Great 1948 — 67. — In the Classical World. Bibliography of Greek and Roman History. N. Y. — L., 1978.

Ватт Р. Alexander der Große. Ein königliches Leben. Zurich, 1968.

Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd III–IV. Lpz.,

1925. *Bengtson H.* Griechische Geschichte. Munchen, 1969. *Bengtson H.* Alexander und die Eroberung des Perserreiches. Fischer Weltgeschichte. Bd 5. Munchen, 1965.

Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischen Grundlage. Bd. I–II. München, 1926.

Berve H. Griechische Geschichte. Bd II. Basel — Wien, 1952.

Birt Th. Alexander der Große und das Weltgriechentum. Lpz, 1928.

Briant P. Alexandre le Grand. P., 1974 (см. также рец. Л. П. Маринович в ВДИ. 1977, № 1).

Danov Ch. Altthrakien. Sofia, 1969.

Dascalakis A. Alexander the Great and Hellenism. Athens, 1966.

Fox R. L. Alexander the Great. L., 1973.

Green P. Alexander the Great. L., 1970.

Hamilton J. R. Alexander the Great. L., 1973 (см. также рец. Л. П. Маринович в ВДИ. 1979, № 2).

Homo L. Alexander le Grand. P., 1951 (см. также рец. М. Н. Ботвинника в Б. П. Селецкого в ВДИ. 1954, № 3).

Kornemann E. Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios von Ägypten. Lpz., 1935.

Kornemann E. Große Frauen im Altertum. Wiesbaden, 1942. *Lauffer S.* Alexander der Große. München, 1978.

Meyer Ed. Alexander der Große und die absolute Monarchie. Halle, 1910.

Radet G. Alexander le Grand. P., 1931.

Robinson Ch. A., Jr. History of Alexander the Great. Vol. I–II. Providence, 1953, 1963.

Robinson Ch. A., Jr. Alexander the Great. The Meeting of East and West in World Government and Brotherhood. N. Y., 1947 (см. также рец. М. Н. Ботвинника в ВДИ. 1952, № 1). *Schachermeyr F.* Alexander der Große. Ingenium und Macht.

Graz, 1949 (см. также рец. М. Н. Ботвинника и Б. П. Селсц-когов ВДИ. 1954, № 3).

Schachermeyr F. Alexander in Babylon und die Reichs-ordnung nach seinem Tode. Wien, 1970.

Tarn W. W. Alexander the Great. Vols. I–II. Cambridge, 1948 (см. также рец.

М. Н. Ботвинника в ВДИ. 1952, № 1). *Wheeler B. I.* Alexander the Great. N. Y., 1900.

Wheeler M. Flames over Persepolis. N. Y., 1968 (см. также рец. Г. А. Кошеленко в ВДИ. 1972, № 3).